

Артем Шумилин Серж Винтеркей

**Ревизор:
Возвращение в СССР 14**

**Серж Винтеркей
Артем Шумилин**

**Ревизор: возвращение
в СССР 14**

Серия «Ревизор», книга 14

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70341544*

Аннотация

Приключения московского аудитора, попавшего из нашего времени в 1971 год, продолжаются. Павел Ивлев тесно вовлечен в борьбу двух группировок за меховую фабрику. Активно идет поиск компромата, который можно использовать, чтобы заставить конкурента умерить свои притязания. Все более пристальный интерес вызывает он и у КГБ.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	49
Глава 5	66
Глава 6	84
Глава 7	101
Глава 8	117
Глава 9	136
Глава 10	154
Глава 11	173
Глава 12	192
Глава 13	209
Глава 14	226
Глава 15	243
Конец ознакомительного фрагмента.	255

Артем Шумилин, Серж Винтеркей Ревизор: возвращение в СССР 14

Глава 1

г. Москва. У дома Ивлевых.

Оригиналы техкарт... Да ладно!.. – лихорадочно думал я, забирая папки из салона машины Самедова, стараясь сохранить при этом невозмутимость на лице. Как там Сатчан мне сказал: «Мимо нас и мышь не проскочит...» Наблюдатели хреновы!

– У тебя всего два выходных дня. – предупредил Самедов. – Вечером в воскресенье приеду за документами. Надо на место вернуть.

– Понял. – сделал я сосредоточенную мину.

– Успеешь? – пристально присматривался он ко мне.

– Постараюсь. – уверенно кивнул я головой.

– Ты что, выпивший? – усмехнулся Фархатыч.

– Пятница, вечер... – невозмутимо ответил я, хотя сам стремительно трезвел.

– Ладно. Сегодня отдыхай. Но завтра с утра чтоб как огурчик! – строго сказал он. – И чтоб всё успел.

– Так точно! Есть всё успеть. – старался пошутить я, а у самого уже руки чесались Сатчану срочно набрать. Спать он сутки собрался, ага!

– Всё. Давай. – сел в машину Самедов.

Руки были заняты папками, кивнул ему и задумчиво смотрел вслед выезжающей со двора машине.

Что же за проходной двор у них там на фабрике?! Как умудрились все прошляпить? Еще Самедов так уверенно говорит: «Надо все на место вернуть». Словно между делом про какую-то совершенно простую задачу. Н-да!

Поднявшись к нам на этаж, пихнул боком незапертую входную дверь.

– Работу подвезли. – показал Фирдаусу папки.

Разделся, отнес документы в шкаф, чтоб не валялись на виду, и начал размышлять, что делать. Сатчан уже явно дрыхнет, не факт, что Римма его будить захочет. Да и вызывать его сейчас ко мне рискованно. Мало ли, Самедов шепнет кому за моим домом глянуть. Вряд ли настолько мне всецело доверяет, не так долго знакомы. Фиг знает, какой у них там расклад сейчас по фабрике, информации у меня мало, что в его группировке творится, только гипотезы. И адрес мой он теперь знает. Это меня напрягало особенно. Теперь надо продумывать, где встречаться с Сатчаном, кроме райкома. Причем это вопрос очень актуальный, взаимодейству-

ем мы часто.

Поразмыслив, сначала решил позвонить Сатчану с утра. Сам не возьмет трубку, оставлю через Римму сообщение, чтоб не уходил, заеду к нему после тренировки. Техкарты ему везти смысла нет, да и опасно. Вдруг Самедов раньше за ними прискачет. Да и нет там ничего в этих картах, не зря же я анализировал внимательно процессы. Так что ничего такого прямо срочного с документами не связано. Вопрос скорее в том, что на фабрике за фигня. Почему посторонние по ней шляются, как у себя дома. Или не посторонние... Что еще более опасно.

Потом подумал еще и решил все-таки Сатчана разбудить. Договаривались, что буду сообщать, если срочная информация. А эта как раз под такую категорию подпадает. Не позволю, поднимет вой потом...

– Дома? Не спишь еще? – без предисловий спросил я, набрав нужный номер и дождавшись ответа сонного Сатчана. – Приезжай срочно, но не прямо ко мне. Давай у метро где-нибудь встретимся.

– Что случилось? – взволнованно спросил он, похоже, быстро просыпаясь.

– При встрече расскажу. Приезжай.

– Через полчаса буду. Встретимся у Проспекта Мира, на выезде от вас. – коротко ответил он.

Вернулся за стол к зятю. Видя, что у меня эйфория от его подарка совсем прошла и пить я больше не собираюсь, Фир-

даус засоби́рался домой. Тем более слышал, что я кого-то вызвал к себе по телефону в срочном порядке.

– Всё нормально? – поинтересовался он, озабоченно глядя на меня.

– Да-да. – поспешил я успокоить его. – Рабочие моменты. Неожиданные просто, а так ничего серьезного.

– Мы уже поедem. – засоби́рался Фирдаус. – Поздно совсем. Еще домой доехать надо.

– Отлично посидели. Спасибо за компанию и за шикарный подарок. – поблагодарил я. – Передай родителям нашу огромную благодарность и наилучшие пожелания!

Проводил Эль Хажжей до Проспекта Мира. Галию предупредил, что еще с Сатчаном встречусь, чтоб не волновалась, если задержусь. Дождался, пока Фирдаус остановит такси. Поблагодарил ещё раз сто, пока они усаживались в машину. Аж не верится до сих пор, что у нас теперь машина есть. Здорово-то как! К бабушкам можно будет спокойно кататься, руки сумками не рвать. Да и вообще, другое качество жизни.

Прогулялся немного вдоль проспекта. Буквально минут через десять увидел жигулёнок Сатчана. Заметив меня, тот подъехал к обочине, и я сел в машину.

– Что произошло? – спросил Сатчан сходу, встревоженно глядя на меня.

– Приезжал Самедов меньше часа назад. – ответил я. – Привез техкарты.

Сатчан смотрел на меня непонимающим взглядом, явно

не осознавая, что услышал и ожидая продолжения. Я молча ждал, пока до него дойдет.

– Не может такого быть! – наконец воскликнул он, изумленно глядя на меня – Мы следили за кабинетами все время. Никто не мог...

– Я видел папки своими глазами. В руках держал. – возразил я спокойно. – Это точно техкарты. Оригиналы.

– Покажи. – потребовал Сатчан.

– Я бы с удовольствием тебя домой позвал, но ты можешь гарантировать, что никто не следит за моим домом на всякий случай, и не увидит нас с тобой вместе? – поинтересовался я мрачно. – Ты понимаешь, что Самедов привез мне техкарты домой лично! Он знает мой адрес и телефон. А вдруг кому из его «коллег» взбрдет в голову проверить мою благонадежность?

– Зараза! – Сатчан заметно нервничал. – Ты прав. Надо придумать, где будем встречаться.

– Ага. – я кивнул. – Но оригиналы документов не потащу к тебе в любом случае, имей ввиду. Самедов сказал, что заберет их в воскресенье. А еще надо успеть проанализировать там что-то и отчет ему внятный составить. Да и рискованно с собой таскать их, светить лишний раз.

– Хорошо. – Сатчан кивнул, сосредоточенно думая о своем, потом воскликнул. – Все равно не понимаю. Как такое возможно? Наблюдение велось постоянно.

– А могут это быть не те техкарты, что вы охраняли? –

спросил я первое, что пришло на ум. – Может они есть ещё где-то, я не знаю, у технологов, у конструкторов? И заметь, никто не стал заморачиваться с их фотографированием. Их просто изъяли. Значит там, откуда изъяли, это не так заметно, как на производстве.

– Я понял. – отошёл от первого шока Павел. – Завтра же проверим.

– И аккуратнее там. Не устраивайте шумер и панику на всю фабрику. – сказал я ему. – Спугнете крота. Вы же, вроде как, не знаете, что техкарт нет на месте. Делайте вид, что все в порядке.

Сатчан кивнул, соглашаясь.

– Самедов дал мне два дня. – продолжал я. – В воскресенье вечером документы заберет. Сказал дословно: «на место надо вернуть». Значит, за выходные вам предстоит выяснить, откуда пропали эти папки и в понедельник, или же в воскресенье поздно вечером, устроить там засаду.

– Понял. Сделаем. – согласился Сатчан.

Мы попрощались, и он уехал с решительным видом. А я устало поплелся домой. Ну и денек!

Галия укоризненно поглядывала на меня, убирая со стола, пока я сидел на кухне, пил чай и пытался осмыслить события вечера...

– Всё хорошо. – попытался успокоить её я. – Рабочие моменты.

– Это какие должны быть моменты, чтобы вот так на ночь

глядя...

– Ну, всякое бывает... – ушёл я от ответа.

Встал и обнял её. Надо следить за собой, не делать слишком серьёзное лицо. А то напугал девчонку.

А Гагаринские не дураки. – думал я, лежа в постели, прижимая к себе жену. – Или их крот не дурак. Хотя, мельком просмотрев папки, заметил, что там много лишнего. Выгреб с запасом. То ли не разбирается, что именно нужно, то ли некогда на месте было разбираться, какую именно папку выносить.

Ну, что сказать, человек со стальными яйцами, этот крот. Незаметно, проникнуть в помещение, найти в чужом хозяйстве нужную тебе информацию, вынести. А потом планировать подложить обратно как ни в чём ни бывало... Усмехнувшись мысленно, поймал себя на мысли, что противник у нас достойный. Не Самедов и компания, а именно этот крот.

Утром выбежали уже привычной компанией с псом на зарядку. Солнце такое яркое. Небо голубое. Апрель, что я удивляюсь? По углам снег грязными кучами лежит там, где его много сгребли. А так уже проталин полно. Птицы щебечут. Правда, сыро очень, снег активно тает, на асфальте лужи и ручьи.

Перезимовали, одним словом.

Занимались на школьном стадионе в прекрасном настроении. Григорий пообещал Родьке съездить с ним сегодня в Парк имени Горького.

А мне сегодня ещё на тренировку в университет, отчёт Самедову готовить и гостей встречать. Гости в парк Горького не заманишь, им бы по центральным магазинам побегать за дефицитом.

Вернувшись с волейбола, застал у нас кучу народа. Брагин их привёз уже с час назад, но его домой не отпустили. Галия усадила его вместе со всеми за стол.

Заново познакомился с сестрой Загита Диларой и с её мужем Каримом. Оба высокие, Дилара ещё и в теле. Двоюродная сестра Галии Зара, симпатичная фигуристая брюнетка, приветливо помахала мне, не вставая из-за стола, куда очень быстро тётя Диля загнала и меня.

Вообще, у них в семье, как я понял, Дилара была главной. Решительная, уверенная, с поставленным командирским голосом. Но при этом не демонстрирует свою власть постоянно. Вроде и не кричит ни на кого, ничего прямо не требует, но все вокруг как-то все делают, что она попросит, не пытаясь перечить. Интересно наблюдать. И с Каримом взаимодействует она необычно. Командует, но при этом вокруг него сама вьется, старается угодить. А он вроде как позволяет ей командовать, с такой едва уловимой снисходительностью. Видно, что жену любит очень. Но подкаблучником его назвать язык не повернется. Основательный мужик, спокойный. На Загита чем-то похож. Такой же до мозга костей надежный.

Костян с довольной улыбкой взглянул на меня и показал

глазами на открытую бутылку вина на столе. Кивком головы согласился, и мне сразу плеснули полстакана.

– Штрафная! – откровенно кокетничая с Брагиным, заявила Зара.

Только этого не хватало... Удивленно поглядывал то на нее, то на него. Но Брагин держался нейтрально, хотя ему, похоже, нравилось женское внимание.

Выпили, обсудили с гостями планы. Родственники пробудут у нас дня три-четыре. Глава семейства в командировке, в понедельник-вторник будет заниматься рабочими вопросами, а женщины приехали за компанию, погулять по Москве.

Галия ещё вчера решила, что спать они с тётёй Дилей и Зарой будут в нашей спальне на большой кровати. А мы с Каримом на оставшихся двух раскладушках в большой комнате.

Извинился, что не могу с ними дольше посидеть.

– Работу вчера прямо на дом принесли. – виновато улыбнулся я, вставая из-за стола. – Надо отчёт сделать за выходные.

Костян тоже встал следом за мной, рассыпаясь в благодарностях и собрался уходить.

– Константин! Сегодня вечером ждем вас. – вдруг заявила тётя Дилия. – У нас сегодня перемячи.

– Что у вас сегодня? – не понял он.

– Беляши татарские. – рассмеялась Зара.

– О. Беляши я люблю... – поддался соблазну Брагин и во-

просительно посмотрел на меня.

– До вечера. – рассмеялся я.

Забрал папки с техкартами из шкафа и перенёс в большую комнату. Разложил фотографии с накладными по датам и стал составлять таблицу по дням в разрезе модельно-размерного ряда, нормативный расход искал в техкартах.

Это я знаю, что там всё чисто, а другим-то это надо доказать. И показать, что я понимаю, о чем пишу в отчете.

Успел свести два дня, нормативный расход практически соответствовал фактическому, что я и отразил промежуточным итогом в своей таблице.

Вдруг мой бедный нос учуял невероятно вкусный аромат. Работать дальше не было сил, вышел в кухню.

– А чем таким вкусненьким у вас пахнет? – подкрался я к жене.

– Садись за стол. – тут же обрадованно велела Галия. – Сейчас такую вкуснятину тебе дам попробовать!

Мне положили на тарелку круглый пирожок с отверстием посередине, а внутри мясо. Запах умопомрачительный. Пирожок ещё и красивый, жареный. Две штуки съел, а больше не было.

Девчонки под руководством тёти Дили лепили беляши. Теста много, фарша много.

– Это вы так весь вечер провозитесь, если только по пять штук жарить будете. – разочарованно протянул я.

– А сковородка только одна. – возразила мне жена.

– Я сейчас еще добуду. – тут же с энтузиазмом рванул я к соседям.

Удивлённая Ирина Леонидовна сразу и пару сковородок мне выдала, побольше и поменьше, на выбор. И попросилась посмотреть, что мы там такое сногшибательное готовим.

Позвал Галию, чтобы она подсказала, какую сковородку взять. Тётя Диля, услышав наш разговор, велела тащить обе сковородки и соседку.

– Дилара. – сама представилась она Ирине Леонидовне, скромно вошедшей к нам в кухню.

Галия стала объяснить, что это за блюдо. Уверенно так, похоже, что и сама разбирается, а мне раньше никогда не стряпала его. А меня послали в магазин за подсолнечным маслом. Посоветовался с Каримом, решили с ним сразу заодно пивка взять.

Принесли с ним две бутылки масла и две банки пива. И уселись у окна за столом, чтобы женщинам не мешать. Дело на трех сковородках у них сразу веселей пошло. На столе росла гора хрустящих снаружи беляшей с сочным мясом внутри. Мы с Каримом налили себе по пивку и наслаждались татарской народной кухней. Вскоре пришёл Брагин.

– Я ещё только в подъезд зашел, подумал, какой запах! – светясь от радости, поспешно раздевался в коридоре он. – Вот у кого-то ужин сегодня, думаю. А это у вас!

Отодвинули от стены стол и спрятались за него, чтобы у женщин под ногами не крутиться. А то раскалённое масло

вещь такая... опасная. Налили Костяну пивка, а тут и Дилара свой пустой стакан перед мужем поставила. Налили и ей.

Вечер получился шумный, вкусный, ароматный и весёлый. Ирина Леонидовна и Зара от пива отказались. Предложили им вина, каждый нашёл свой напиток и наслаждался. Наелись, выпили, и принялись болтать.

В какой-то момент вспомнил, что мы собирались Ивана познакомить с Ксюшей, начальницей Галии.

– Надо почаще такие посиделки с беляшами устраивать. – многозначительно взглянул я на жену.

– Это называется не беляш, а перемяч. – поправила меня Диля.

– Всё равно вкусно. – отшутился я. – Ты записала рецепт? – спросил я, обращаясь к жене.

– Конечно. – кивнула она. – Я и раньше уже помогала их делать, но сама пока ни разу не пробовала.

– Надо друзей пригласить, Ивана... – подмигнул ей я.

Она не поняла, но пожала невозмутимо плечами, мол, надо, так надо, встала и отложила отдельно два беляша на маленькой тарелочке и поставила перед Ириной Леонидовной.

– Это Ивану. – пояснила она.

– Он завтра только вернётся. – благодарно кивая, ответила соседка. – На экскурсию поехал от работы.

– Куда? – заинтересовался я. Ох, мы в своё время, где только не были от профсоюза!

– По Владимирской области, Гусь-Хрустальный и ещё ку-

да-то... Уговорила его съездить, развеяться.

– Это дело хорошее. – поддержал Карим. – Нас в Армению на три дня на самолёте возили в том году. Ох, мне понравилось!

– Тебе и на Байкале понравилось! – отмахнулась, улыбаясь, Диля. – Лишь бы дома не сидеть.

Так с шутками и прибаутками мы не заметили, как ночь наступила.

– В хорошей компании, да под замечательную закуску!.. – прокомментировал Карим. – Учитесь, девки, пока мать жива!

– Учимся, учимся! – смеясь, отозвались обе.

Легли спать. Уже пожелали с Каримом друг другу спокойной ночи, как вдруг дружный женский хохот из соседней комнаты раздался. Девчонки не сразу угомонились.

На зарядку чуть-чуть проспал. Но я такой непунктуальный не один был: Гриша вообще не пришёл.

– Ну ладно. Воскресенье. – сказал я заспанному Родьке. – Пусть отдыхает.

Мы и вдвоем неплохо побегали, позанимались на турниках. Обсудили, как они с отцом вчера в парк Горького ходили. Пацан был разочарован тем, что карусели еще не работали.

– Ладно, не расстраивайся. Поедем летом в Палангу, накатаешься ещё. – пообещал я.

Позавтракали. Дилара с девчонками уехали по магазинам,

а Карим остался дома.

Мне же предстояло до вечера работать, не поднимая головы.

Глава 2

* * *

Подмосковный город Быково.

Всю субботу Инга Леонтьевна тревожилась за дочь. Ей очень не нравилось её состояние в прошлый приезд. Промучившись бессонницей, она поднялась ни свет, ни заря и поехала в Москву. Поездка получилась спонтанной, она ничего не готовила специально, не везти же гороховый суп в кастрюле. Поехала налегке.

Там зайду на рынок, куплю что-нибудь и приготовлю. – решила Инга Леонтьевна.

* * *

Москва. Дом Ивлевых, однокомнатная квартира на шестом этаже.

Тем временем Лина и Григорий отсыпались после бессонной ночи. Григорий открыл было глаза в восьмом часу, хотел встать, но подумал, что на зарядку с Пашкой и сыном всё равно уже безнадежно опоздал и решил спать дальше, притянув к себе поближе сопящую Лину. Она мило улыба-

лась во сне и доверчиво прижималась. Он посмотрел на нее несколько мгновений, отогнал сентиментальные мысли, закрыл глаза и снова уснул.

В таком положении их и застала неожиданно приехавшая Инга Леонтьевна. Опешив от такой картины, женщина несколько мгновений приходила в себя, а потом заорала на всю квартиру:

– Ли-и-ина! Это что такое?

Любовники сразу проснулись. Григорий вскочил и моментально оделся. В любой непонятной ситуации лучше быть одетым, чем голым. – давно усвоил он. А армейская сноровка не подвела.

Лина в длинной с кружевом ночнушке из вискозы поднялась и запричитала:

– Мама... мамочка... Это Гриша.

– Кто это? Что он здесь делает? – сжав губы, процедила мать, не давая дочери притронуться к себе.

– Я люблю его. – заявила вдруг Лина, подошла к Григорию, взяла за руку в стремительном порыве и хотела подвести его к матери.

Но подполковник не тронулся с места.

А мужик ничего. – мелькнула у Инги Леонтьевны в голове мысль.

– Доброе утро! – с недоумением глядя на неё, спокойно проговорил он и осторожно высвободил свою ладонь из рук Лины. – Я, пожалуй, пойду...

– Останься. – тихо взмолилась Лина. – Пожалуйста.

Глаза её предательски заблестели, но она ничего не смогла с этим поделать, чувствуя, что он уйдёт и уже не вернётся.

Ну, начинается! – с досадой заметил Григорий подступающие слёзы в глазах подруги. – Это запрещенный прием!

Он остался, не нашёл в себе силы уйти прямо так, хотя очень хотелось. Раз уж остался, тогда нечего из себя барана строить. – решил он. – Надо брать ситуацию в свои руки.

– Григорий. – подошёл он к гостье.

– Инга Леонтьевна. – ответила та и попыталась сделать нейтральное лицо. – И какие у вас намерения? – сдержанно спросила она, требовательно уставившись ему в глаза. – В отношении моей дочери?

– Поддерживать наши отношения в той степени, в какой устроит нас обоих. – сохраняя бесстрастное выражения лица, ответил Григорий.

Инга Леонидовна растерялась. Это хорошо или плохо? – лихорадочно соображала она.

– Вообще-то, я на рынок собиралась зайти... – пробормотала она. – Что на обед приготовить вкусенького? – машинально взглянула она на дочку.

– Вареников с вишней. – так же машинально ответила такая же растерянная Лина.

– Вишню не привезла. – отрезала, опомнившись, мать. – Я бы хотела видеть свою дочь замужней и счастливой. – заявила она Григорию.

– Не имею ничего против. – уверенно ответил он.

– Я на рынок. – отрезала Инга Леонтьевна и многозначительно посмотрела на Григория.

Как только за матерью закрылась дверь, Лина беспомощно опустилась на постель, села, поджав ноги и обхватила голову руками. Рыдания душили её. Григорий сейчас совсем не был похож на человека, который хоть чуть-чуть любил бы её и хотел быть рядом. Все её иллюзии относительно него окончательно развеялись.

– Ну, за что мне всё это? – сквозь рыдания спросила она непонятно кого.

Чувствуя себя не в своей тарелке, подполковник не хотел уходить вот так. И чтобы его насильно женила на своей дитятке эта комиссар в юбке он тоже не хотел. А спорить и бороться с женщинами Григорий не умел и не хотел. Эти две бабы загнали его в угол!

– А чего ты ожидала? – разозлившись, спросил он.

– Как чего? – подняла она на него полные слёз глаза. – Любви, счастья, крепкого плеча рядом, детей... Неужели я так многого хочу?

– Какая тебе семья? – искренне удивился Григорий. – У тебя одни гулянки на уме. Стрекоза! Лето красное пропела... Какие дети? Тебе мама до сих пор обед готовит. Сколько времени с тобой уже общаемся, ты меня яичницей элементарной ни разу не накормила. Ты готовить-то хоть умеешь?

– Умею. – ответила успокоившаяся вдруг девушка.

– Лин, давай начистоту. – заметив её спокойствие, успокоился и сам подполковник. – Я к тебе приглядывался, присматривался... Ну, не семейный ты человек.

– Это еще почему? – возмущенно взглянула она на него.

– У меня сын, отец пожилой. Не в другом городе, а в соседнем подъезде. Ты даже не заикнулась ни словом, ни делом чтоб, хотя бы, познакомиться с ними. Я уже не говорю о том, чтоб тебе с ними подружиться, поладить... А они, между прочим, моя семья!

– Так предложил бы. – возразила Лина.

– Так я навязывать-то тебе своих родных не буду. – возмутился Григорий. – Я намекнул как-то раз, что можно вместе погулять с сыном, а ты вместо ответа меня к себе утатила. Я понял, что тебе это все не очень интересно и больше не предлагал. А тут ты вдруг заявляешь, что семью хочешь и планы какие-то имела...

– Понятно. – пожала плечами Лина.

– Что тебе понятно? – начал опять заводиться Григорий. – Если тебе действительно до кого-то дело есть, надо это показывать действиями своими, а не только на словах. Вон, чужие люди, Пашка с Галиёй, о моём сыне больше беспокоятся, чем ты. Я их об этом не просил никогда. Да что я говорю-то? Как можно сравнивать? Ты даже не спросила ни разу про моего Родьку!

– Просто я решила, что авансов больше никому не раз-

даю. – решительно поднялась с постели Лина. – Я могу и любить, и заботиться. И готовить. – горько усмехнулась она. – Но не вижу смысла растрачивать себя на людей, которым на меня наплевать.

Она ушла в ванную. А Григорий остался стоять как оплётанный. Что за чушь! Это что, он ещё и виноват во всём?!

Да пошла она! Со своими авансами. – решил он, быстро собрался и покинул квартиру.

Лина, услышав, как хлопнула входная дверь, всё поняла. Ее раздирала злость и обида на весь мир. Почему все мужики такие?! Почему ей не везет, не получается встретить нормального заботливого и ответственного человека?! Почему Гриша вдруг решил, что она должна вокруг его сына носиться? Кто он такой? Пусть женится сначала, покажет заботу и любовь. Тогда она уже и стала бы отношения с его родней налаживать... Проплакавшись, Лина умылась, скоро мама вернётся, надо себя в форму привести.

Вскоре вернулась Инга Леонтьевна. Ей одного взгляда, которым она быстро обвела квартиру, хватило, чтобы всё понять без лишних слов.

– Сейчас рассольничка сварю твоего любимого. – как ни в чём ни бывало сказала она дочери. – Кто он, военный? – Лина кивнула в ответ. – Ну и чёрт с ним. Их мотает по всему Союзу, ушлют куда-нибудь... Ищи его потом по заставам.

– Он сказал, что я не семейный человек... – глядя в одну точку, совершенно опустошённая, проговорила Лина.

– Сам он не семейный. – отрезала мать. – Наглый, упрямый!

– Он сказал, что я стрекоза, и что я лето красное пропела...

А вот это был удар ниже пояса. Инга Леонтьевна обиделась за дочь. Не по-мужски в самое больное место бить.

– Не понимаю, что ему надо?! – взорвалась она. – Красавица, с двумя дипломами, уже и с московской пропиской, и с отдельной квартирой... Мерзавец какой. Он что, думает, можно вот так задурить голову девушке, а потом в кусты! Ну ка, расскажи мне поподробнее, что это за военный такой? Где служит? – Инга Леонтьевна требовательно посмотрела на дочь.

– А зачем тебе? Какая уже разница? – снова начав плакать, спросила Лина.

– А я письмо напишу командиру части его. – решительно сжала кулаки Инга Леонтьевна. – Поинтересуюсь, почему он моральным обликом своих офицеров не интересуется. Как допускает такое? Это где же это видано, чтобы так поступать с порядочной женщиной!

* * *

Закончил отчёт для Самедова, ещё семи часов вечера не было. Всё по каждой фото-накладной расписал. Ко мне не придраться. Ну нет тут никакого криминала, от слова со-

всем. Ну, сэкономили одну-две шкурки за несколько дней – это максимум.

Уверен, Гагаринские на этом не успокоятся. Фархатыч наверняка спросит у меня о возможном плане дальнейшего расследования. Будем исходить из того, что Сатчан со своей командой в этот раз вычислит крота и уже можно будет подсунуть через него какую-нибудь серьёзную дезу, на которой все Гагаринские крупно погорят и отступятся от фабрики. Лучше, если я к этому не буду иметь никакого отношения. Значит, нельзя сейчас Фархатычу ничего предлагать, надо взять паузу подумать.

Время выиграем, а там глядишь, подвернётся хорошая тема для подставы.

Позвонил Самедов, сказал, что заедет минут через сорок за папками. Интересно, где он живёт, что ему сорок минут добираться. Собрал все техкарты, завернул фотографии, приложил свой отчёт и сел у окна на кухне, карауля его жигуль. Только он завернул в наш двор, я уже пошёл одеваться.

– Добрый вечер, Рашид Фархатович. – открыл одной рукой я заднюю дверь и положил папки с техкартами и свёрток с фотографиями.

– Ну, картина такая. – сел я к нему на пассажирское место, разворачивая свой отчёт из нескольких склеенных тетрадных листов. – Может, и сэкономили за все дни, максимум, две шкурки, и то не факт. Вполне может быть, что площадь каких-нибудь шкурок меньше была, пришлось компенсиро-

вать. Уверен, если придирается кто начнет, так и скажут.

– Хочешь сказать, что ничего не нашёл? – с угрозой в голосе спросил Самедов, внимательно глядя на меня.

– Ничего. – подтвердил я спокойно.

Самедов напрягся, взяв у меня отчёт. Желваки на его лице играли, в какой-то момент я даже подумал, что он разорвёт его сейчас к чёртовой матери. Но он взял себя в руки.

– И что дальше? – внимательно разглядывал он мою таблицу, но чувствовалось, что для него это тёмный лес. Не удивился бы, если б он рассматривал её вверх ногами.

– Откуда же я знаю. – пожал я плечами. – Был шанс, что кто-то воспользуется старой схемой. А что? Вполне рабочая схема была. Но, видимо, не в этот раз. – развёл я руками. – Дураков нет, чтобы после посадок, так открыто работать.

Он кивнул, попрощался и уехал, не взглянув на меня, и увёз с собой мой отчёт. Так себе, конечно, оправдание перед своими за две недели проволоочки. Не завидую я Самедову.

Вернувшись домой, набрал Сатчана и сообщил, шифруясь, что бумаги поехали на место. Он поблагодарил и поспешно свернул разговор. Вторая попытка выявить крота стартовала.

Сел за стол на кухне, пытаюсь привести мысли в порядок. Всё размышлял, на чём подставить Гагаринских. Нужно что-то большое, громкое, и эффектное. Нужен добротный повод для скандала... Но зазвонил межгород, додумать мне не да-

ли. Это оказался Загит. Благодарил за подарки. Искренне так благодарил, от души.

– О как. – удивился я. – Уже получили?! Это какими же судьбами?

– Ахмад привёз. – невозмутимо ответил Загит.

Ну, ничего себе! Я им даже ещё не звонил, что передачу для них передавал... Думал, в понедельник узнаю сначала, ездил ли Лёха в Брянск.

– Ну здорово. – ответил я слегка растерянно.

– Что там мои, приехали? – перешёл на родственников Загит.

– Да всё прекрасно, встретили, разместили. Девчонки целый день по магазинам мотаются.

– Вот! А собирались в общаге рабочей остановиться. Где Карим?

– Сейчас позову. – ответил я, попрощался с тестем и позвал Карима к телефону.

Позднее вечером пошли гулять с собакой, я, Родька и Григорий. Подполковник был мрачнее тучи. Пинал со злостью комья льда на асфальте, которые дворник накидал, разбросав большую кучу грязного снега, чтобы быстрее таяла.

– Случилось что? – поинтересовался я, когда Родька отбежал от нас подальше.

– Да... – раздражённо ответил Григорий. – С Линой разбежались...

Ещё один. Ну да, ну да... Вот я прямо удивлён, можно

подумать.

Продолжил разговор, раз уж сам его начал.

– И кого у неё застал? – спросил я.

– Её мать меня застала у Лины в постели. – мрачно ответил подполковник. – Она ведь, мягко говоря, давно не девочка. А тут, представь, когда мать ворвалась, почувствовал себя пацаном, которого со старшеклассницей мать на сеновале застала. Даже взбодрился на миг...

– Неожиданная мизансцена. – удивился я. – Это что-то новенькое. А почему разбежались?

– Лина заявила матери, что любит, хотела меня представить ей, как своего мужчину... – он замолчал.

– И?

– Что и? Высказал ей всё, что о ней и обо всей этой ситуации думаю. Что из неё никакая жена и мать.

– При её матери? – поразился я.

– Нет. Зачем? Она ушла на рынок...

– Ушла, чтобы не мешать вам объясниться? – догадался я. – Мудро. А Лина что, обиделась на твои высказывания?

– Разозлилась и обиделась. Сказала, что она добрая и любящая, и готовить умеет... – с раздражением ответил Григорий. – Но заявила, что авансов больше никому не даёт. Видите ли, не хочет себя растрчивать на тех, кому на неё наплевать.

– Так и сказала? – поразился я ещё больше. – Авансов не даёт? Интересный подход. Типа, любите меня, ничего

не получая взамен, потому что я такое уникальное и драгоценное сокровище?.. А там, глядишь, когда достаточное количество раз лягушку начмокают в щечку, она в принцессу обратится? Боюсь, так только в сказке бывает...

Подполковник мрачно кивнул.

– Ага. Понимаешь, проблема даже не в этом. Я немного растерялся сначала и до сих пор не понимаю, как такое вообще возможно. Она ни одного намека на серьезные отношения не делала, пока мы встречались. Вообще ни одного. Наоборот даже. Никогда про Родьку не спрашивала и не хотела говорить о нем, про мою семью и планы не интересовалась, про себя не рассказывала. Все мысли и разговоры всегда про развлечения. Меня это, в принципе, устраивало. Все казалось просто и понятно. Ей скучно и одиноко, я тоже один. Почему бы и не пообщаться к обоюдному удовольствию? А тут вдруг она заявляет, что ждала от меня семью и детей, и любовь до гроба в придачу. Что это?! Как я должен был догадаться? По каким признакам?

Я шел молча, давая Григорию выговориться. Эта ситуация довольно сильно его выбила из колеи, судя по всему. Не такой он и легкомысленный, каким хотел иногда казаться. Оно и понятно, взрослый мужик уже, со сложной работой, ребенком и разводом за плечами. С другой стороны, ему бы тоже уже пора научиться более ясно давать понять женщинам, с которыми общается, какие у него на самом деле намерения. Наверняка ведь, может и неосознанно, но давал Лине

какие-то надежды на серьезные отношения, чтобы в постель затащить. Не бывает только одна сторона во всем виновата.

Мы так и шли весь оставшийся привычный маршрут молча, Родька почувствовавший, что что-то не то, тоже помалкивал и озабоченно поглядывал то на отца, то на меня. Даже не попрощались после прогулки. Перед самым своим подъездом Григорий мельком взглянул на меня и кивнул. Настолько был погружен в свои мрачные мысли. Похоже, привязался все же к Лине, что бы там мне не говорил... И понимает, что жена из нее не ахти, а сердцу не прикажешь...

Выходя утром на зарядку, всё ждал, как себя Григорий будет вести. Он начал общаться как обычно, руку протянул, но глаза прятал. Бравому офицеру, похоже, было чутка не по себе. Родька беззаботно бегал с псом вокруг нас.

* * *

Меховая фабрика. Котельная напротив окон конструкторского отдела.

Рабочий день уже начался. После бессонной ночи главный инженер начал клевать носом. Они с замом оборудовали себе удобный пост со стулом, термосом и бутербродами. Каждые четыре часа сменяли друг друга и оба уже надеялись, что сегодняшнее дежурство будет последним. Фоторужье лежало наготове на бетонном подоконнике большого окна.

Но ничего не происходило. К шкафам с конструкторской

документацией никто не подходил. Они стояли двумя рядами, отгораживая часть большого конструкторского зала.

Рафик засмотрелся на стайку воробьёв, облюбовавших дерево перед окном котельной. И чуть не пропустил момент, когда кто-то, оглядываясь, украдкой открыл один из шкафов. Дверца перегородила обзор, видно было только женский затылок, тонкую спину в чём-то бирюзовом и часть чёрного низа. Ног видно не было. Главный инженер не мог, даже, сказать, в юбке она или брюках.

Наконец, дверца шкафа закрылась, и Тарханов остервенело начал жать на спусковой крючок фоторужья, снимая спину уходящей незнакомки, затвор непрерывно щёлкал.

Сердце бешено билось в груди, пока он наблюдал в объектив, не снимая пальца со спускового крючка, как она, ещё раз оглядевшись, покинула кабинет. Что там удалось наснимать уже не так и важно. Он узнал её!

* * *

Глава 3

г. Москва.

В университете перед началом первой пары подошёл первым делом к Лёхе.

– Мне вчера уже из Святославля с благодарностями за подарки звонили!.. – похвалил я его, пожимая руку. – Это как ты умудрился так быстро все устроить?

– А! – состроил довольную рожу друг. – Уметь надо!

– Вы что, со Светой в субботу в Святославль рванули? – догадался я.

– Ну да. – как ни в чём не бывало ответил Леха. – Посидели, посидели, думаем, что дома сидеть? Порадуем твоих! Да и поехали. А потом в Брянск в воскресенье вернулись и сразу на вокзал поехали. Света меня на поезд посадила и вуаля! Я на первой паре!

– А разве она знает, где сейчас моя мать живёт? – задумался, припоминая, я.

– А мы с Эммы начали. – объяснил Лёха. – Она нас к твоим отвела.

– А мои уже к родителям Галии сходили. – догадался я. – Спасибо. Тесть такой довольный вчера звонил. Надо маме позвонить на работу, а то у них нет домашнего телефона. Спасибо, ещё раз! Свете от меня персональная благодарность.

– Света тебе то же самое просила передать. – сказал Лёха. – За тот журнал, что ты подарил. Должен признаться, она ему очень обрадовалась. Честно сказать, я решил тогда, что ты шутишь... Но, мне показалось, она из-за него и в Свято-славль решила ехать, чтоб все свои подарки поскорее получили...

– Передай ей мою благодарность. – попросил ещё раз я. – Обязательно.

После первой пары сразу поехал на Старую площадь 4. Пафосное здание. Даже приятно, что тут для меня лежит пропуск в таком возрасте. Повышается самооценка. Интересно, что хочет от меня Межуев, почему про меня вспомнил? Давно же уже не встречались, да и тот раз был так, эпизодом...

К Владимиру Лазоревичу вошел через секретаря – мужчину лет тридцати. И размеры приемной, и размеры кабинета этого начальника вызвали бы у Сатчана острый приступ зависти. А так – обстановочка простая, строгая. Никакой чрезмерно дорогой мебели, классицизм в чистом виде. Делать вид, что большой начальник, заставив меня стоять минутами, пока он будет ворошить бумаги, насупившись, он не стал.

– Павел Тарасович! Заходите, заходите! – сказал он приветливо, едва я появился на пороге. – Мое упущение, что я столько медлил после предыдущей встречи. Есть для вас интересное предложение.

Поздоровался, сел на стул за большой стол для совещаний, примыкающий к столу руководителя.

– Чай, кофе? – спросил он меня.

– Спасибо, не надо.

– Ну что же, перейду сразу к делу. Хочу предложить тебе ответственную работу. Естественно, пока учишься, на полставки. Хочешь быть референтом по науке, как зарубежной, так и нашей, советской, в Верховном совете СССР в секретариате? У нас много комиссий нуждается в такой информации, а не только профильная, по народному образованию, науке и культуре, но и та же комиссия по промышленности тоже. Да и ряд других.

Услышав это, я малость обалдел. Как говорится, ничто не предвещало... Но звучит интересно. Важно, что нужно делать на полставки, какой объем работы...

– Спасибо за предложение. А что нужно делать на эти полставки? У меня учеба, все же...

– Конечно, у меня есть полное понимание, что учебной жертвовать нельзя. Обязанности, пока диплом о высшем образовании не получишь, достаточно просты. Будешь делать докладные записки о новинках техники, и как они могут повлиять на экономику. Одну раз в две недели. Естественно, обеспечим доступ в спецхран, к зарубежной литературе. Но основные источники в открытом доступе, конечно.

Ну что сказать – думал я недолго. Такими предложениями не разбрасываются, и их в семнадцать лет не отверга-

ют, если не хотят нажать себе врагов. Смысл я тоже понял, о нем и говорить нечего, жизненный опыт подсказал. Глянулся я Межуеву, а он, видимо, стремится постоянно обеспечивать себя новыми кадрами. Поможешь молодому человеку первоначально, а он потом может высоко подняться. А помнить все равно будет, кто первым его заметил. Так и Сталин в свое время власть захватил в СССР – занимался кадрами не только потому, что должность обязывала, но и чтобы своих людей везде расставить. И потом уже не важно было, какие пламенные речи толкали Каменев, Зиновьев и иже с ними – все важные решения принимали назначенные Сталиным люди. Межуев, конечно, власть захватить не стремится, просто хочет сделать свою жизнь более комфортной. Удобно, когда в любом органе власти тебе кто-то обязан своей карьерой. Такие дела можно решать... Понятия не имею, какие он дела решает, но это не мое дело.

Ну и предлагаемый объем работы – ерунда же для меня. Ну сколько сейчас новинок технических выходит... И что самое главное, что я же знаю, какие из них имеют перспективы, а какие – нет. Пиши себе записки, сильно не заморачиваясь...

– Если думаешь по деньгам сколько это, то не обидим. Рублей семьдесят точно будет. И еще определенные преимущества тоже. – многозначительно дополнил свое предложение Межуев.

– А, нет, я не из-за денег задумался. Да, большое спасибо

за доверие, я согласен. Интересная работа.

– Ну, рад, что мы нашли взаимопонимание. – улыбнулся Владимир Лазоревич. – Пока что надо просто заполнить все документы. По этому поводу зайдешь завтра в Верховный совет, в кадры. Пропуск будет лежать, на это же время. Придется только подождать, пока пройдешь все согласования. И тебе позвонят, когда дойдет до оформления. А как готова будет первая аналитическая записка, сразу же ко мне, я тоже хочу посмотреть, как у тебя получится.

Из его кабинета я выходил приятно обескураженный. Ладно, что семьдесят рублей не лишние, но корочка референта из Верховного Совета – это серьезно. Это очень серьезно. Правда, чувствую, скоро в партию придется вступать. В прошлой жизни этого избежал, не было нужды, а в этой будет забавно, если все будет иначе.

Сразу после пар пошёл звонить маме. Еле остановил поток благодарных слов, она, реально, была тронута. Даже не журналами или ещё чем, а самим фактом, что я про неё вспомнил, побеспокоился. Она даже всхлипнула. Пока слушал её, понял, что соскучился. Еле заставил рассказать, как у них дела.

– Всё хорошо, сынок. – хлюпая носом, говорила мама. – Мы с Ахмадом работаем, Аришка ходит в ясли. Закаляется и дома, и в яслях. Говорит уже более-менее внятно. Хотим отпуск в июле взять, к вам приехать. Мама писала, ты планируешь у них ремонт грандиозный?

– Это да... – не очень уверенно согласился я. – Только пока точно сроки не определил. В июне сессия, в июле две недели командировка... Да еще на море собрались... Ну да ладно. Придумаю что-нибудь. Главное – деньги на ремонт уже есть.

– Может, нам тогда на июнь отпуск перенести? – забеспокоилась мама. – Пока не поздно поменяться. В конце мая Инне рожать, говорит, с малышом сама справится, но мало ли... И ясли ей только летом обещали. Ариша пока у нас побудет.

– Когда Инне в декрет? – поинтересовался я.

– Так всё, на этой неделе. Финишная прямая начинается. – озабоченно проговорила мама и, помолчав, добавила: – Говорит, ребёнок крупный...

– Всё будет хорошо. – уверенно сказал я. – Не волнуйся, мам. Да и вторые роды уже, не первые. И медики к медикам внимательнее относятся. Всё будет в порядке.

Постарался успокоить маму. До родов ещё полтора с лишним месяца, изведётся ведь теперь. Инна тоже, нашла, кому жаловаться.

Сам переживать за маму начал, чуть не забыл Сатчану позвонить.

– Привет. – поймал я его на работе. – Есть новости?

– Есть. – загадочно ответил он. – Приезжай.

Поехал к нему, стгорая от любопытства. И кто же у нас крот? Я его знаю?

Гагаринский райком. Кабинет второго секретаря РК КПСС.

Герман Владленович задумчиво рассматривал экономический отчёт, который ему предоставили к совещанию. Первым явился Самедов и огорошил, что новое руководство меховой фабрики, если и крутит какие-то схемы, то делает это грамотно, слёту раскопать ничего не удалось.

Подошли остальные. Можно начинать.

– Да уж... Работа проведена большая, но бесполезная. – с нажимом на последнем слове произнёс он. – Товарищ Самедов доложил, что проверка ничего не дала. Так, Рашид Фархатович?

– Так. – спокойно посмотрел на него Самедов.

– А почему?

– Потому что схему поменяли или ещё что придумали...
Научились работать, одним словом. – как можно уверенней ответил Самедов. А то плавали, знаем. Всех собак навешают и долю урежут...

– Двумя словами. – усмехнулся Гончарук.

– Что? – не понял его Самедов.

– «Научились работать» два слова, а не одно. – ехидно глядя на него, пояснил тот.

Крыса райкомовская. – подумал Самедов, невозмутимо

глядя в его прищуренные глазки.

– У тебя есть предложение? – посмотрел на Гончарука второй секретарь. – Иван Николаевич?

Теперь пришла очередь Самедова ехидно ухмыляться: предложений у Гончарука не было, он заёрзал на стуле, перед тем, как сказать:

– Терещенко говорил, что такие дела изнутри разматываются. – вспомнил он. – Нам нужен свой человек на фабрике.

– У нас уже и так есть свой человек. – ответил ему Герман Владленович. – И что толку?

– Нет. Нам нужен грамотный человек. – возразил Гончарук.

– А этот что, неграмотный? – возмутился Виктор Владимирович. – Между прочим, мы сильно рисковали, вынося документы с фабрики. И не моя вина, что из них ничего вытянуть не смогли.

– Я имел в виду, что нам нужен такой человек, что в технологиях разбирается и в бухгалтерии. – огрызнулся Гончарук.

– Тихо! – зашипел хозяин кабинета. – Вы ещё в коридор выйдите, расскажите об этом. Хватит цапаться. Предложения давайте.

– Ждать. – снова высказался Самедов. – Свой человек на фабрике есть, рано или поздно, что-то необычное на фабрике заметит.

– Зачем ждать? – возразил Гончарук. – Искать надо.

С другими документами поработать.

– Согласен с товарищем, – Виктор Владимирович кивнул в сторону Самедова. – Ждать. Нельзя единственными глазами и ушами на фабрике рисковать. И так с трудом нашли...

– Ой, а то мы не знаем, как ты трудился. – ехидно проговорил Гончарук.

– Хватит! – стукнул по столу Герман Владленович. – Меня не поймут, если я там, – показал он наверх. – выйду с предложением сидеть и ворон считать. Скажу, что мы ищем варианты. Все слышали? Ищите варианты! Нам нужен повод зацепиться за эту фабрику! Любой! Совещание окончено.

* * *

Приехав к Сатчану, по виду его помощницы, едва взглянувшей на меня, понял, что меня ждут.

Постучавшись для вида, тут же вошёл в кабинет второго секретаря.

– Ну, рассказывай, и кто попался? – с нетерпением в голосе спросил я.

– Даже не знаю, как тебе сказать... – интригуяще улыбаясь, ответил Павел. – Короче. Это дочь бывшего главного технолога, которого замели вместе со всеми за компанию в первую проверку. Он сел на два года.

– А на фабрике она как оказалась?

– Ну как. Она там со школы работает. До заместителя на-

чальника отдела кадров уже дослужилась.

– О как... Как же вы её просмотрели?

– А кто должен был об этом знать? Руководство всё сменилось, подноготной сотрудников никто из нас не знает. Это хорошо, что Тарханов с ней по работе дело имеет, узнал сразу, как лицо увидел. А на всех снимках она со спины получилась или в движении.

– Что же она хочет? За отца отомстить? – удивлённо спросил я.

– Шут её знает. – почесал обеими руками затылок Сатчан. – Что с ней теперь делать?

– Использовать. Как и планировали. – задумчиво ответил я.

– Допустим. А как?

– Ну ты спросил, конечно. Думать надо. Причем основательно. Проколоться нельзя.

– Это да. – Сатчан кивнул, а потом вдруг озадачился. – Интересно, а чем ее купили? Что пообещали? Может сказали, что имя отца помогут очистить. Но как? С помощью тех карт, что ли?

– Ну, это ты понимаешь, что никак. А может, ей сказали, что надо проверить, есть ли там его подпись... Ну, к примеру. – предположил я.

– Ну да, вполне вероятно. Знать бы точно, в чем ее интерес? Может за отца мстит, а может просто денег дали? Или еще какой вариант...

– Нам не сильно важно, я думаю, чем она там руководствуется. – посмотрел я на Павла. – Результат от этого не меняется. И долго держать ее на фабрике все равно нельзя. Так что надо думать, как через нее информацию нужную на сторону слить. А потом, если сработает, от нее нужно избавляться.

– Согласен. Но у меня даже идеи нет никакой на этот счет. – хмуро сказал Сатчан. – Что слить? Мы же себе сами вредить не будем.

– Не бойсь. – я нахально усмехнулся. – Для этого у тебя есть я. Придумаем обязательно вариантик. Я тут прикидывал уже, как нам крота использовать... Нам нужно дать какой-то повод, с виду очень похожий на мошенничество, но на самом деле таковым не являющийся. Чтобы они за него ухватились, всех на уши поставили, на фабрику примчались, а потом выяснилось, что все законно, а они идиоты просто. Понимаешь? И, в идеале, хорошо бы еще, чтоб от их вмешательства кто-нибудь пострадал...

– Как это пострадал? – удивлённо посмотрел на меня Сатчан.

– Ну, не знаю... Полярная экспедиция без меховых порток осталась.

Сатчан нервно захихикал, но вид у него стал заинтересованный.

– Можно тогда будет еще и в прессе скандал раздуть. Натравить на Самедовских и руководство, и общественность.

– Понял. – начал откровенно смеяться комсорг. – Ну ты

стратег! Это ж надо такое придумать!

– Это программа-максимум. – пояснил я Сатчану, чтоб лишнего не ждал. – Нам такой эффект не особо нужен. Достаточно, чтобы конкуренты облажались перед руководством на самом верху по-крупному, выставили себя придурками жадными и не очень сведущими при этом. Этого за глаза хватит, чтобы они про фабрику больше даже не заикались на долгие годы. Но это все лирика. Давай к делу. Что на фабрике выпускают необычного, эксклюзивного? – переключился я на проработку своего плана.

– Понятия не имею... Воензаказ?

– Нет. Это обнародовать нельзя. И так просто такую инфу не сольешь. Узнай у Елены Викторовны обо всех необычных заказах. Которые уже есть или только ожидаются, не знаю, может, переговоры идут... Нам нужно что-то такое, чтоб отличалось от того, что обычно производится.

– Думаешь, они не проверят, что это за заказ?

– Естественно проверят. Работать придётся тонко. Настоящие документы спрятать. Слухи бредовые аккуратно распространять, чтобы до нужных ушей дошли.

– А документы как спрячешь? – возразил Сатчан. – Они там все в трёх экземплярах, как выяснилось.

– Производственные – да, а заявка от заказчика, где будет расписано, что это и для чего, вполне может у Елены Викторовны на столе в бумагах на время затеряться. С техзадания можно титульный лист снять, чтоб неясно было, от ко-

ГО ОНО...

– А давай, я опять вас сведу, и ты сам с ней обо всём этом поговоришь. – шлёпнул рукой по столу довольный Сатчан. – Вижу, что ты понимаешь, о чем говоришь, но я в этом всем ни ухом, ни рылом. А между собой вы явно договоритесь.

Похоже, он поверил в мой план. Осталось самому поверить. Уж больно много всяких «если», которые могут помешать на любом этапе.

– Только домой ко мне не приводи никого больше. Эта явка раскрыта. – пошутил я.

Сатчан усмехнулся, а потом с серьезным лицом кивнул.

Мне ещё надо было встретиться с Фирдаусом сегодня. Попросился позвонить из кабинета Сатчана. Зять уже был дома. Договорились встретиться с ним в метро. Он собирался отвезти меня к своему нотариусу, оформить дарение машины. А на учёт потом я сам её должен буду поставить. Вспоминая советское прошлое, подумал, что долго будем сидеть в очереди. Но не в этот раз, как выяснилось.

Юрист оказался сотрудником торгпредства, стареньким и вежливым. Он знал Фирдауса лично и приветствовал его «мальчик мой». Классический семейный адвокат, душеприказчик, юрист и нотариус в одном флаконе, если такие, вообще, бывают.

У него был помощник, который, собственно, всё напечатал, а Альберт Карлович только проверил, расписался и поставил печать.

– Это хорошо, что вы родственники. – сказал он, глядя на меня поверх очков и пододвигая ко мне договор. – Ни у кого вопросов не возникнет, почему Фирдаус Эль Хажж делает такой щедрый подарок советскому студенту.

Уже позже я обратил внимание на печать, заверяющую подпись нотариуса: Альберт Карлович Ригерр. Немец, что ли? То, что дядька непростой, я сразу заметил, по дорогим очкам. И уж больно взгляд у него цепкий, пронизывающий, как будто насквозь тебя видит. Попросил у него визитку, мало ли совет нужен будет, а то в советском законодательстве я не очень.

Оказывается, продать просто так подержанную машину нельзя. Обязательно надо через комиссионный магазин. А там свои хитрости: продать можно только за ту цену, которую тебе назначит государственный оценщик. Я уже и подзабыл все эти тонкости, вернее, они меня в первой жизни и не коснулись. Когда я покупал свой первый автомобиль, то делал это уже через нотариуса, без всяких коммисионок.

После нотариуса поехал на вождение. Галию застал неожиданно в расстроенных чувствах. Думал, наоборот, она порхать будет. Так ждала занятия, зная, что теперь у нас есть своя машина. Утром перед парами засек ее возле нашей новой машинки, закрывающей дверцу. В ответ на мой изумленный взгляд, смущенная жена призналась, что вышла на десять минут раньше из дома, чтобы в машине посидеть. Аж умилился, глядя на ее эмоции.

А тут стоит вся напряженная, край платья мнет, в глазах слезы. Испугался, что с ребёнком что-нибудь, начал спрашивать, как она себя чувствует. А она плакать давай... Еле успокоил жену и добился вразумительного объяснения, что случилось.

Оказалось, на неё Лина в подъезде чуть ли не с кулаками набросилась, когда Галия на курсы поехала. Столкнулись в подъезде на первом этаже. Я совершенно опешил от такой новости. Лину бросил Гриша. Понятно, что она бесится. Но причём тут моя жена?!

Подошёл инструктор и растерянно уставился на нас.

– Милая, успокойся пожалуйста. – уговаривал я жену. – Они с Гришей расстались, вот она и кидается на всех. Только не пойму, тебя-то она в чём обвиняет?

– Кричала, что мне всё, а ей ничего. – сквозь слёзы вспоминала Галия. – Что ты носишься со мной, как курица с яйцом, Гриша мне с собакой гуляет, блондин какой-то сумки носит, а до неё никому дела нет...

– Ну понятно. – хмыкнул инструктор. – В своём глазу бревна не замечаем... Обычная женская зависть... Что тут поделаешь? Отставить слезы, барышня! По коням!

Сел за руль первым, чтобы жена успокоилась хоть немного. Инструктор со мной уже ездил расслабленно, только на знаки обращал моё внимание и за пешеходов беспокоился. СССР, в этом смысле, страна специфическая. Где хочу, там улицу и перехожу, вижу цель – не вижу препятствий.

А уж если автобус к остановке подходит, то тут вообще, проще остановиться и стоять, пока автобус не уедет... Все бегут к нему, не разбирая дороги и по сторонам не глядя.

Я никак не мог понять, почему вся ответственность за ДТП с пешеходом ложится на водителя? Особенно, если пешеход сам под колёса залез.

– Ты – профессионал. – объяснял мне инструктор. – Ты на голову выше всех тех, кто по дороге ходит, а не ездит. С тебя и спрос выше. Ты должен просчитывать ситуацию и за себя, и за них. Ты старший на дороге.

Всё мое существо сопротивлялось такой постановке вопроса. Ещё и за жену переживал: стоит ли ей вообще за руль сейчас садиться?

– Родная, как ты себя чувствуешь? Может, сегодня перерыв сделаешь? – осторожно спросил я, зная, что Галия очень серьёзно относится к занятиям по вождению.

– Нет, что ты. Все нормально. Не хочу пропускать. – уверенно ответила она.

– Давай, на площадке перед автобазой пусть сегодня поедит. – предложил я инструктору. – На улицы её не выпускай.

Он кивнул, соглашаясь со мной.

Жена училась трогаться под горку всё занятие. Не получалось. Начала психовать. В конце расплакалась от досады.

– Всё. Хватит на сегодня. – скомандовал инструктор.

Нас уже ждала следующая пара курсантов.

Домой с Галией ехали в нервной обстановке. Мне никак

не удавалось успокоить жену. Никакие аргументы не действовали. Все стрессы за сегодня сплелись в один плотный клубок, развязать который не получалось. Галия чётко связала свою неудачу за рулём с Линой и злилась теперь на неё до слёз, припоминая всё больше и больше те претензии, что наговорила ей соседка.

Так мы и приехали домой. Зарёванная и оправдывающаяся Галия, как будто это я её в чём-то обвинял, а не Лина. Я, взвинченный не на шутку...

Дилара с Каримом поначалу решили, что мы между собой что-то не поделили, и строго стали нам внушать, что так в семье вопросы не решаются. Причём на меня смотрели очень косо. Как же, беременной жене не уступает, до слез довел... Когда выяснилось, что это не я Галию обидел, наши гости моментально сменили тон. Галия начала жаловаться тётушке, подробно рассказала, с чего всё началось. Выговорилась и опять отчаянно расплакалась, что у неё ничего не получилось на курсах по вождению. Я же все время ее рассказа продумывал будущий разговор с Линой. Надо отвадить ее от нашей семьи раз и навсегда.

– Милая, я пойду поднимусь к соседке, скоро буду. – решительно встал я из-за стола, куда нас всех загнал Карим. – Нельзя такие выходки с рук спускать.

Глава 4

г. Москва.

Вдруг Дилара спокойным жестом остановила меня. Она сосредоточенно смотрела на Галию, задумавшись о чём-то. Я снова хотел было двинуться к выходу, но уже Карим положил мне руку на плечо, удерживая.

– Подожди. – тихо сказал он мне.

– На каком этаже эта Лина живёт? – тихо спросила Дилара, но в её голосе слышались такие интонации, что мне стало вдруг не по себе, по спине прошел холодок.

– Постойте. – снова попробовал вмешаться я. – Давайте я сам разберусь.

Только скандала на весь подъезд нам не хватало. Да и родню Галии вмешивать во все эти разборки не хочется.

– Не переживай так. – улыбнулась мне Дилара. – С женщиной женщина должна разговаривать. Ну что ты там сделаешь? Не будешь же ее бить, в конце концов? Ты же настоящий мужчина... А я пойду – все хорошо будет. Я все правильно сделаю.

Ох ты ж! У меня аж дыхание перехватило от ее взгляда. Офигеть у Галии тетя. Понимаю теперь, как она умудряется всеми командовать. Голос мягкий, ровный, улыбается, но смотрит так!.. Руки-ноги отнимаются. Как с ней бороться?! Я сам не понял, как снова оказался за столом рядом

с Каримом.

– Дилара скандал устраивать не будет, не переживай. – тихо хонько шепнул он мне. – И не спорь с ней, бесполезно. Когда она в таком состоянии, ни я, ни кто другой в нашей семье ее останавливать не пытается. Не получится.

Галия быстро объяснила тете, как расположена квартира Лины и на каком этаже. Причем, как я заметил по лицу жены, без тени сомнения. И Дилара ушла. Так... и что она задумала такое, что мужикам нельзя? На что она намекала – может на то, что мне Лину нельзя бить, а ей можно, потому как обе девочки?

Не выдержал и вышел на лестничную площадку, прислушиваясь к звукам сверху. Но не услышал ничего, кроме неразборчивых слов и звука захлопнувшейся двери.

Ко мне подошёл Карим.

– Зря волнуешься. – уверенно сказал он. – Пойдём. – кивнул, приглашая меня вернуться за стол. – Всё нормально будет. Жена с ней разберётся. Она это прекрасно умеет.

Вернулись на кухню за стол. Расселись и только тут вспомнил, что голоден. Аппетит вернулся. Галия повеселела и стала хлопотать у стола.

А я начал расспрашивать родню. Мне все еще было не по себе, что за меня вопросы решать тетя жены пошла. Как-то я сам привык обычно все разруливать.

– Понимаешь, – тихо заговорил Карим в ответ на мой прямой вопрос. – только не рассказывай никому. Это наша се-

мейная история. У Дилары в роду колдуньи были... Есть в ней сила необычная.

Галия и Зара закивали головами, подтверждая слова Карима.

– Ну надо же! – сказал я с определенным скепсисом. После того, как та гадалка на меня тещу натравила, все эти экстрасенсорные персонажи никакого позитива у меня уже по определению вызвать не могли.

– Зря ты так. Хотя понять можно. Такое редко встретишь. Я тоже поначалу не верил, когда молодым с Дилей познакомился. – серьёзно посмотрел Карим на меня. – Она такая простая, веселая, задорная, комсомолкой тогда была. А тут вдруг такая информация. Мне после свадьбы мать ее рассказала. Потом узнал, что в поселке ее многие в курсе были. Боялись Дилю трогать. И вообще, по ее линии баб сильно боятся там, где они живут. А это хороший плюс. У нас в городе ни Диле, ни Заре ни одна продавщица грубить не осмелится. Никто никогда не обсчитает, плохой кусок мяса или просроченную колбасу не положит... – усмехнулся Карим.

Ну, это я понять могу. Плюсы неплохие. Веришь, не веришь, а обижать женщину с репутацией колдуньи вряд ли захочешь. А вдруг все это работает?

– Понятно. – я все не мог поверить, что он не прикалывается. – А что Зару боятся обидеть, тоже верят, что она колдунья?

– Нет. Эта сила у них через поколение передается. Бабка

Дилина была колдуньей, а мать нет. И Зара тоже без способностей. А не грубят ей, потому что Дилю боятся.

– Не обижайтесь, но мне трудно в такое верить. Я вообще обычно только цифрам и фактам доверяю. А все эти заговоры и привороты не мое. – я совершенно не понимал, как на это реагировать. И обидеть родственников жены неохота, и врать им в глаза не могу. Понравились они мне, хорошие люди, душевные. Да и Юле помогли с обустройством на новом месте. Я как бы в долгу, сам напросился у Загита на это.

– Да понимаю я все, и не обижаюсь. Поверишь со временем. Не к спеху. – похлопал меня по плечу Карим. – Одно тебе могу гарантировать – Лина эта ваша после разговора с моей женой на пушечный выстрел к нашей Галие не подойдет. И тебе пачкаться не придется о скандалистку, а дело будет сделано. Это факт. Увидишь. – поднял он вверх указательный палец. – А про привороты всякие смотри при Диле не скажи ничего. Она такое на дух не переносит. Говорит, что это зло и заниматься таким нельзя.

– Так, а сама она...

– Она ничего специально не делает. – начал пояснять Карим. – На нее находит, только если кого-то из нас, из родни обидеть. Тогда она становится тихая очень, сам видел... Тут я всегда отхожу в сторону, не мешаю. Невозможно ей помешать, когда она в таком состоянии. Уже не важно, что сам хочешь, как мужик, с семейными проблемами разобраться – она не даст.

Зара с Галией снова активно закивали головами.

– Мама – просто наша защитница, – тихонько произнесла

Зара. – Она хорошая и зла никому не делает никогда.

Ага, я мысленно усмехнулся, только напугает до чертиков.

– Ты ж только не болтай нигде. – повторил Карим. – Нельзя, чтобы все знали, проблемы будут.

– Могила! – сделал я решительный жест, как бы застёгивая на молнию рот. – Я не из болтунов.

Вдруг у меня мысль в голове мелькнула, которая с самого начала покоя не давала.

– А Загит об этом знает? – спросил я.

– Конечно. – усмехнулся Карим. – Это же его сестра.

– То есть, он в это тоже верит. – сделал вывод я.

– В такой семье родишься, хочешь – не хочешь, а пове-ришь.

Вот теперь у меня пазл очередной в голове сошелся. Я все не мог понять с тех пор, как с тещей проблемы начались, как Загит с ней сошелся и живет. Сам ведь такой правильный, уравновешенный, сильный мужик. А закидоны эти с гадалками терпит... Теперь все на место встало. Он просто привык ко всем этим «колдовским штучкам» в родной семье. Гадалок считает шарлатанками, потому что в семье так воспитан был, Карим же сказал, что Диля на дух всех этих ворожей не переносит, но в целом в такие силы Загит верит. Правильнее даже сказать, не верит, а точно знает об их су-

ществовании на примере своей бабули и сестры. Да! Дела-а! А Галия-то! Ишь скрытница! Ни словом мне ни обмолвилась об этом. Ох я с ней потолкую, как гости уедут.

Дилара вернулась минут через двадцать. Спокойная, без намёка на скандал, даже улыбалась слегка.

– Как всё прошло? – встревоженно спросил я.

– Всё прекрасно. – улыбнулась тётя Диля. – Больше она о вас слова плохого не скажет и Галечку мою обижать не будет. А то ишь – разошлась, вертихвостка столичная!

Обстановка разрядилась. Девчонки весело о чем-то щебетали. Диля снова стала шумная и командиристая, очередную готовку начала организовывать, подрядив девчонок тут же что-то чистить и резать. Ничего не напоминало о недавних слезах. Если ещё и Лина жива при этом осталась, то Дилара реальная ведьма.

Пребывая во все еще растерянном состоянии, пошёл на улицу с псом. Встретился с Гришей и Родькой. Выглядели они оба совершенно нормально, только у Григория в глазах заметил лёгкую грусть. Ну, сейчас я их отвлеку от грустных мыслей.

– Показать вам кое-что? – загадочно спросил я их, поздравившись.

– Что, например? – удивлённо спросил подполковник.

– Показать, показать! – запрыгал вокруг заинтересованный Родька.

– Ну, пошли. – провёл я их немного вдоль дома, подвёл

к псевдо-«Победе» и положил по-хозяйски руку на капот. – Моя. – и вытащил из кармана ключ от машины.

– Серьёзно? – сразу оживился Григорий. – Ну, молодца!

Открыл машину и запустил всех в салон. Завёл и медленно крадучись тронулся вдоль двора, потом прибавил скорости и завернул за дом. Объехав вокруг, встал на прежнем месте.

– Движок работает как странно... – заметил Григорий. – Я бы сказал, что это дизель. Но разве «Победы» дизельные бывают? И салон внутри новый весь. Ни в жизнь не скажешь, что машина старая.

– А это не «Победа». – подмигнул я ему. – Гараж вот только теперь ей нужен. – озабоченно проговорил я.

– Стоп! Подожди про гараж. Как не «Победа»? – спросил Гриша, осматривая машину. – Не понял!

– Присмотрись. – усмехнулся я. – Немного отличается внешне. Хотя сразу и не увидишь. Это «Варшава», их в Польше делают, взяв за основу нашу «Победу», новая. Только молчок, вам говорю, как близким людям. Пусть все думают, что металлолом. Целее будет, пока я гараж не нашёл.

– Ого. Ни разу не видел. Слышал, что делают, но живём никогда не встречал. – удивленно почесал голову Григорий.

– Может и встречал, да не понял. – сказал я. – Они реально очень похожи.

– Это да.

– И движок у нее дизель. Ты правильно догадался.

Гриша просиял.

– Вот! Я сразу услышал... – воскликнул он радостно.

– Давайте, сегодня на ту сторону гулять пойдём, – показал я рукой направление. – Посмотрим, там вроде вдоль железки какие-то гаражи были. Надо узнать, может, продаёт кто...

– Конечно, пошли. – тут же одобрил мой план Григорий.

И мы отправились по району искать мне гараж. Как же это приятно – иметь такие хлопоты! Не думал, что так быстро решу вопрос с машиной. Всего-то, дал одну небольшую консультацию, руководствуясь опытом работы в будущей российской экономике. Как оказалось, в ливанской мало что отличается...

Вдоль железнодорожной линии было полно ГСК, надо было в каждом найти сторожку и узнать номер председателя.

– Сначала через председателей узнаю про все продающиеся гаражи, – объяснял я Грише. – потом пройдуся, осмотрю все и выберу несколько лучших по цене и содержанию. А потом уже надо будет вступать в кооператив, если места есть. Председатель точно знает, кто гараж продать хочет.

Сегодня, естественно, было уже поздно звонить. Завтра обзвоном займусь. Мне удалось раздобыть четыре номера председателей ГСК. Не запутаться бы, какой где расположен...

Появившись на следующий день на первой паре, опять сбежал, поехал в Кремль искать кадры секретариата Верхов-

ного совета СССР. Нашёл довольно быстро, на территории дежурило много милиции, подсказали. Возле бюро пропусков пришлось подождать. За мной вышел глава комиссии по промышленности, как я впоследствии узнал.

– Матвей Федорович. – представился он и небрежным кивком головы пригласил следовать за собой. Солидный такой мужик, с руками трудяги, и без всякого столичного лоска, как у Межуева. Зуб даю, что провинциальный кадр, и нарочно не хочет выглядеть как чиновник-москвич. Что же, возможно, это осознанная тактика, которая дает ему какие-то дополнительные бонусы на его должности. Ельцин в восьмидесятых тоже на имидже провинциала карьеру себе сделал, и какую!

В кабинет заместителя начальника отдела кадров сначала зашел он сам. Мне сказал подождать. «Кисько Жан Павлович», только и успел прочесть я табличку на дверях, как меня пригласили внутрь кабинета.

Жан Павлович высокий, худой, строгий и подтянутый, образцовый по внешности московский бюрократ, удивлённо уставился на меня. Потом недоумённо перевёл взгляд на Матвея Фёдоровича. Тот едва заметно пожал плечами, типа, я тут ни причём.

– А он не слишком молод для работы в секретариате? – спросил Жан Павлович коллегу, игнорируя меня. – Он, хотя бы, член партии?

– Ещё нет, пока в комсомоле, но планирую вступить. –

осторожно сделал я шаг вперёд.

– Это с каких пор мы таких сотрудников набираем? – недовольно поинтересовался кадровик.

– Это просьба Межуева. – с нажимом произнёс Матвей Фёдорович.

Жан взглянул на меня, как на врага народа, но сразу вернулся на своё рабочее место и сунул Матвею Фёдоровичу какие-то листы. Меня посадили за отдельный стол и велели заполнить анкету.

Жан продолжал недовольно высказываться, но уже не в мой конкретно адрес, а больше себе под нос. Что здесь серьёзное учреждение, что здесь работают лучшие из лучших. Что люди годами землю роют, чтобы обратить на себя внимание и получить назначение сюда. Похоже, Кисько не просто было до этой должности дослужиться. Но и решения Межуева он явно под сомнение ставить не хотел, хоть он формально никак к Верховному Совету по должности не относится. Серьёзный у меня покровитель, однако, с мощными связями в разных структурах. Хотя, я и так об этом догадывался...

Наконец, я заполнил анкету и протянул её Матвею Фёдоровичу. Тот пробежал глазами, велел мне в нескольких местах, вместо прочерков, написать словами «не имею» или «не состоял» и передал моё сочинение Жану. Тот тоже бегло ознакомился и кивнул, типа, рандеву окончено.

Мы вышли из кабинета, и мой будущий начальник проводил меня на выход. В его глазах я не заметил ни интереса,

ни любопытства. Попрощался он со мной предельно вежливо, то ли выправка такая, то ли дальновидный очень, мало ли какую должность я тут займу лет через десять. Как и говорил Межуев, сказал, что меня наберут, когда пройду все согласования.

Так... А ведь если тут все срастётся, наверное, нужно будет с ЗИЛа увольняться. Хотя, не буду спешить, сначала как следует все обдумаю. Сейчас нет никакой общей компьютерной системы занятости, в которой легко узнать, где и на какую часть ставки ты работаешь. Можно спокойно работать годами в разных местах, главное – справляться со своими обязанностями. А они у меня на ЗИЛе не сказать, чтобы очень обременительные. Так что...

Вернулся в университет до начала четвертой пары. Освободился раньше, но к третьей не успел, а после начала заходить не хотелось. Пришлось немного погулять по весенней столице, развеяться. И тут же наткнулся в коридоре на Эмму Эдуардовну.

– Павел! – сказала она мне возмущенно. – Я все понимаю. Ты талантливый студент и молодой ученый. Ты это уже понял. Голова закружилась от славы и успеха. Но пойми – способности надо раскрывать. А тут лучшие педагоги в Москве, чтобы помочь тебе это сделать. Прогуливать занятия – нельзя!

– Да я и не прогуливал, Эмма Эдуардовна, мне просто работу на поставки предложили, ездил бумаги подавать.

У меня жена беременная, сами понимаете, деньги лишними не будут.

– И что за работа такая? И почему ты ко мне не обратился? – тут же попыталась войти в мое положение замдекана. – Я бы тоже что искала, все не дворником без высшего образования работать...

– Да предложили референтом в Верховном Совете на полставки. – не стал делать тайны я.

На что Эмма Эдуардовна отреагировала совершенно неожиданно.

– А шутки шутить со мной не надо, Павел! Я же к тебе по-человечески... Эх, ты!

После чего развернулась и ушла. Да так стремительно, что и не догнать. Хотя догонять я не собирался... У меня же никаких доказательств своих слов нет. А бегать и скулить – да я не шутил! Да правда это! – как-то не по-мужски. Ничего, поверит, когда я к ней приду и попрошу поручителем выступить как члена партии для моего вступления в эту самую партию. Как условие моей новой работы в Верховном Совете. А если долго обижаться будет, и это как-то начнет отражаться на моей учебе, то не буду ждать так долго, просто свою новую корочку референта покажу. Когда она у меня появится.

Кабинет главы комиссии по промышленности.

Матвей Фёдорович Воронцов, вернувшись к себе в кабинет, сел задумчиво за свой рабочий стол и попытался осмыслить происходящее. Межуеву он был должен. И так должен, что отказать ему никак не мог. Из очень непростой ситуации его Межуев вытянул. Мог формально к результатам проверки на заводе отнестись пятнадцать лет назад, и тогда бы его посадили. А он вник в ситуацию, понял, что молодого начальника цеха вокруг пальца обвели, потому как он только новую должность недавно принял и всех тонкостей не знал. И на свободе остался, и через два года Межуев же его порекомендовал на работу в столицу. Да на такую, что и депутатом вот стал, и председателем Комиссии.

Зачем Межуев берет этого паренька в референты? – думал он. – Без образования, без опыта работы и, правильно сказал Жан, он даже не член партии. Да и откуда, если в партию раньше восемнадцати лет не вступишь, а парню всего семнадцать. В голове не укладывается. Здесь людей младше тридцати не встретить в принципе, даже в охране. И вдруг первокурсник, да еще на такую должность...

Если парень блатной, то уж слишком откровенно его на работу пристраивают, можно на разговоры за спиной нарваться ненужные. А у Межуева репутация человека стро-

гого, но справедливого, и он своей репутацией дорожит. Странно всё это... Да нет, не стал бы Межуев блатного так открыто пристраивать. Конечно, он многим с карьерой помог, но не по знакомству, а обычно, за заслуги и способности. А какие заслуги могут быть в семнадцать лет?!..

О Межуеве многое можно сказать, но глупым он никогда не был. – продолжал рассуждать Воронцов. – Нет, он абы кого на работу не порекомендует. Но первокурсник!..

* * *

Перед началом пары Лёха похвастался, что у него уже больше десяти человек в стройотряде.

– Думай, где нам работать. – радостно заявил он мне. – Парни, к труду готовы? – зачем-то воодушевлённо крикнул он.

– Готовы! – дружно отозвались наши.

– Вот. – гордо посмотрел на меня Лёха.

– А где вы трудиться собрались? – спросила Света Костенко. – Девчонкам тоже можно?

– Нет. Девчонкам нельзя. – отрезал Ираклий. – Это тяжёлые работы.

– Что это? Нельзя... Вы слышали? – закусилась внезапно Галька Романович. – Чем это мы хуже? Мы тоже можем работать!

– Тихо! Тихо! – встал я. – Парни ищут реально тяжёлую

работу. Чтоб денег заработать. Вы же не сможете бетон месить?

Девчонки переглядывались между собой.

– Мы помогать можем. – вступила Катя Слонова. – Наверняка, будет что-то из работ, что нам под силу. Я бате помогала на даче тачку нагружать, а он возил...

Ну, начинается. – подумал я. – Только девчонок там и не хватало. Капец стройотряду.

– Парни, – обратился я к коллективу. – вам решать.

– Ну, так-то, если филонить не будут... – неуверенно оглянулся на свою команду Лёха. – Пусть работают.

– Ура! – победно закричали девчонки.

– У меня соседка в педуниверситете учится, – радостно потирая руки, сказала Романович. – Они свой заработок прошлым летом перечислили в Фонд Мира! Для голодающих детей Африки! Товарищи, давайте мы тоже направим заработанные деньги в Фонд Мира!

В аудитории повисла звенящая тишина. Такого никто не ожидал. Представляю, что думали парни: месяц корячиться на бетонных работах, а вместо денег получить кукиш?

Огляделся по сторонам. Взгляды, устремленные на Гальку, были совсем недобрые. Побьют ещё. Не физически, так морально. Леха стоял как столб и хватал ртом воздух, явно паникуя и не зная, как реагировать. Так-то студенты тоже часто если и не голодают, то очень близки к этому... Те же африканские дети, только с белой кожей. Надо их выручать.

– Идея хорошая. – встал я. – Обязательно надо сдать деньги в Фонд Мира. Комсорг организует. – взглянул я на Ираклия. Тот ошарашенно смотрел на меня. – Каждый член стройотряда внесет в Фонд Мира свой заработок за один день!

– Правильно! – тут же подхватил мое предложение Лёха. – Все работаем один день на Фонд Мира!

Быстро соображает, не то, что Ираклий.

– Ну, ты гений. – подошли ко мне потом Булатов с Ираклием. – Мы уж думали, хана нашему заработку. И не откажешься ведь! Эта дура потом еще и жаловаться побежит в деканат на несознательных студентов! Молодец, здорово выкрутился. – похлопал Булатов меня по плечу.

Учитесь! Пока я жив.

– Кстати, – повернулся я к Ираклию. – Ты сходи к Самедову, узнай, как это всё оформляется, куда деньги перечислять?

Он кивнул, сообразив, наконец, какие возможности эта затея лично для него открывает. А я задумался, куда же их на работу пристроить? Но ничего, это дело терпит. А вот гараж – нет. По ночам спать тревожно, вдруг в этот самый момент кто-то с моей ласточки колеса снимает...

Так что сразу после пар решил обзвонить председателей ГСК, вдруг это рабочие телефоны и вечером уже не дозвонось. Так и оказалось в двух случаях. Поговорил. Один резкий, самоуверенный. Как я ни намекал, что отблагодарю

за информацию о продающихся гаражах, он не стал со мной разговаривать. Так и не понял, чего он испугался? Второй поговорил вежливо и пригласил вечером в гаражи в будку охраны познакомиться, типа, у него как раз сегодня приёмные часы. Ну, уже что-то.

Ещё по двум телефонам не ответили. Вечером ещё набрать попробую. А пока, поехал на лекцию в очередные «Дары природы». Ехал и размышлял иронично, что у меня по ощущениям два постоянных и обязательных в жизни занятия – с псом гулять и в «Дарах природы» лекции читать. Даже пары в универе воспринимаю, как меньшую обязательку. Столько уже магазинов посетил, в голове все перепутались. Но зато саму лекцию уже обкатал и читаю без какой-либо подготовки, ночью разбуди, прочту. И развлекаюсь, придумывая каждый раз новые кусочки. Своеобразное испытание на креативность... От самой первой лекции, прочитанной на эту тему, сейчас с четверть осталось, не больше. Тоже плюс.

В этот раз попался спокойный вежливый коллектив. Честно отсидели мою лекцию, вопросы задавали без ехидства и подвохов, разошлись довольные. Всегда бы так.

Вышел от них, словно отдохнувший. Надо ещё в ГАИ захватить, узнать, как на учёт машину поставить. И в гаражи сходить с председателем познакомиться.

Глава 5

г. Москва.

* * *

ВНИИ синтетических и натуральных душистых веществ.

Улучив момент, когда она осталась в лаборатории одна, Лина подтянула к себе телефонный аппарат и набрала матери на работу. Надо обязательно поговорить с ней, убедить не вмешиваться в мою жизнь. – обеспокоенно думала Лина. После беседы с тётёй Галии ей хотелось только одного, чтобы о ней все забыли. И соседи, и Гриша. Желательно навсегда...

Лина до сих пор нет-нет, да и вспоминала разговор с этой странной женщиной. Как открыла ей дверь.пустила ее в квартиру. Даже чаю ей налила. Сама не поняла, как это получилось. Ведь совершенно незнакомый человек!

А потом они разговаривали. Тетя Галии расспрашивала, почему Лина на ее племянницу накричала. И вроде так спокойно говорила, без крика и упреков, как мама всегда делает, но от ее слов Лина почувствовала себя вдруг такой дурой, так неприятно ей стало, что она так поступила. Лина аж плечами передернула, ей опять стало стыдно, едва вспомнила

этот разговор. И особенно вторую его часть, когда она вдруг, ни с того ни с сего, начала изливать душу этой совершенно незнакомой женщине, рассказав ей и про неудачный первый брак, и про Рому, и про Ивана, и про Гришу, и как ей не везет с мужчинами, и как хочется нормальную семью, и чтоб ее уважали и заботились о ней... И вдруг эта Дилара спросила:

– Хочешь, чтобы о тебе заботились, как мама?

Лина сначала опешила от такого вопроса. Она ведь ей про своих мужчин рассказывала. Причем тут мама? А потом ее как накрыло. Она вдруг почувствовала, что и правда, до сих пор, чувствует себя маленькой девочкой. И стало так стыдно, аж вспыхнула вся. Она совсем запуталась, не знала, что теперь делать и просто начала рыдать. А Дилара ее успокаивала, говорила, что все будет хорошо и главное, что она поняла, в чем проблема.

– Чтобы создать нормальную семью, надо вести себя, как взрослая женщина. Дети семьи не заводят. – сказала ей на прощание Дилара. – Пора взрослеть, девочка!

После этого разговора Лина долго не могла найти себе места, переосмысливая всю свою жизнь. На Гришу она больше не злилась, ей было стыдно перед ним. Хоть бы мама не стала ему вредить. – билась в ее голове только одна мысль.

Её долго звали, наконец, Инга Леонтьевна взволнованно отозвалась на том конце провода.

– Привет, мам. – поздоровалась обеспокоенно Лина. – Как у тебя дела?

– Нормально. – ответила Инга Леонтьевна, чувствуя какой-то подвох. – Что случилось? Как ты?

– Всё хорошо, мам.

– Ты успокоилась?

– Да. Вроде бы...

– Ну и хорошо. Ещё начальство ему всыпет, кавалеру твоему этому, и совсем хорошо себя почувствуешь.

– Кому всыпет? Грише? – испугалась Лина. – Мам! Я попросить хотела. Не надо ничего делать!

– Что значит, не надо. Это как так!.. Я уже все отправила...

– Что отправила, мам!

– Жалобу... А нечего было моей дочке по самому больному бить! Ишь, умный. Лето красное пропела... Не ему решать!

– Мам... Ну что ты наделала? – Лине захотелось срочно сбежать куда-нибудь далеко. – И куда ты письмо отправила? Ты же номер части его не знаешь.

– В министерство обороны. Там разберутся.

– Ладно, мам, пока. Не могу больше говорить. – соврала Лина и обессилено положила трубку.

Что теперь делать? И когда только успела? – в отчаянии думала она. – По-хорошему, Григория надо бы предупредить...

На проспекте Мира знаю только одно отделение ГАИ ещё с восьмидесятых годов, надеюсь оно уже есть там. Доехал сразу до станции метро ВДНХ и дальше на автобусе.

Очереди не было, я обрадовался. Оказалось, площадка осмотра работает не каждый день и не полный день. Мне сказали, что автомобили после покупки ставят на учёт в Южном порту. На что я показал договор дарения. Мне велели пригнать автомобиль, сказали, какие нужны документы. Про то, что у меня нет прав, я забыл напрочь и записал себе в ежедневник. Только ближайшее рабочее время площадки завтра до трёх часов дня. Обрадовался, что успеваю и машину на учёт поставить после пар, и на курсы вечером.

Только на обратном пути до меня дошло, что сам я машину в ГАИ гнать не имею права. А у кого есть права? У Фирдауса, разумеется, но его неудобно среди дня срывать. Это уже будет совсем наглость с моей стороны: машину подари, нотариуса своего предоставь, ещё и машину в ГАИ и обратно отгони...

У кого ещё права могут быть? У бати? У Ивана? А у Григория? Точно! У военного, по-любому, права должны быть. Подполковник ведь. Как раз он свободен, в отпуске.

Из метро сразу пошёл в ГСК. У председателя, и правда, был приёмный день. Люди приходили с деньгами, сдавали

взносы тут же сидящей бухгалтерше, обсуждали текущие моменты. Увидев новое лицо, председатель вопросительно посмотрел на меня.

– Я звонил вам сегодня. – напомнил я. Тот понимающе кивнул и продолжил заниматься своими прямыми обязанностями. Когда минут через пятнадцать людской поток иссяк, он предложил мне выйти покурить.

– И зачем тебе гараж? Мотоцикл собираешься купить? – с любопытством посмотрел он на меня.

– Нет. Мне уже подарили «Победу», в хорошем состоянии. Хотелось бы, чтобы она в таком состоянии и осталась.

– В самом деле? А водить где учился? В армии уже был?

– Нет. Я ещё учусь... – не объяснять же ему, что мне нет ещё восемнадцати лет. – Так что насчёт боксов? Продаёт кто?

– Нет. Никто не продаёт. – с усмешкой смотрел он на меня.

– Как, вообще? – опешил я. Но потом сообразил, что он мне просто не доверяет. – А снять хотя бы можно? Очень надо. Машина на улице стоит.

– А где ты живёшь? – хитро прищурился он.

– На той стороне проспекта Мира, новый дом кооперативный, может, знаете?

– Может, знаю...

Он молча разглядывал меня. Не продаст он мне ничего. Надо снимать гараж с полгодика. А там я с соседями по-

знакомлюсь, в коллектив вольюсь и сам узнаю, если кто про-
давать будет.

– Так как, договоримся, снять гараж можно?

– Поспрашиваю. – вдруг пообещал он. – Позвони завтра.

– Спасибо. – обрадовался я.

Боятся чего-то все. Первый председатель вообще со мной
разговаривать не стал. Этот хоть поговорить с людьми насчёт
аренды обещал. Но у меня ещё два номера телефона есть.
Может, там что выгорит.

Придя домой, выложил жене презент от «Даров приро-
ды»: вяленые полоски оленины. Гости уехали.

– Жаль, не успел до их отъезда. – посетовал я. – Куда нам
столько? Хотя, под пиво пойдёт.

– Представляешь, они ковёр умудрились купить! – дели-
лась Галя. – Нарвались где-то в центре.

– Как они его обратно повезут в поезде? – удивился я. –
Вдоль прохода положат? Там и так места нет.

– А дядя Карим его не в длину скрутил, а сложил
в несколько раз. Всё равно большой конечно получился, еле
в багажник такси засунули. Он тебе благодарность передавал
и приглашал в гости.

– А разве ковры такой уж дефицит сейчас? – задумчиво
спросил я. – Вроде в Святославле говорили про два-три ме-
сяца очереди на ковер. Неужто в Набережных Челнах все ху-
же с этим...

– Так то на обычные ковры очередь два-три месяца. – важ-

но сказала Галия. – А они персидский ухватили. Они и в Москве редкость очень большая.

– О как! – удивился я.

В прошлой жизни пока была вся эта ковровая советская мания персидский ковер мне не грозил, доходы были не те, да и родители успели закупить этих ковров штук пять. Уже имеющиеся девать было некуда. А потом, после краха СССР мода на ковры прошла, так что персидский ковер, опять же, купить мне в голову бы не пришло.

– Он, кстати, очень хороший, правда! – сказала мечтательно жена. – Как появится возможность по деньгам, надо нам тоже такой прикупить. Я записал магазин, где тете удача улыбнулась.

Разбаловал я маленько жену, надо признать. По советским-то меркам... С другой стороны, так приятно баловать свою женщину... Заверил ее, что близок день, когда мы начнем охоту на персидский ковер. Но пока все же надо срочно покупать стиральную машину и холодильник. Появление своей машины делает ненужной прежнюю экономию в целях сбора денег на нее. Тем более, все больше солнца каждый день, прежняя замена холодильника в виде выставления пакетов со скоропортящимися продуктами на балкон скоро работать перестанет.

Ну а что касается приглашения от дяди Карима навестить их... О, нам только в Набережные Челны ехать и не хватало... Хотя, что-то я упираюсь, как старик, вот же проч-

но въелась прежняя психология в молодое тело. Можно поехать на каникулах, почему нет? Юльку навестим... Дите ее посмотрим...

Набегался сегодня, поужинал и сел заниматься, пока до прогулки время есть. А голова к учёбе совсем не предрасположена. Несколько раз уже после лекции в Курчатовском институте вспоминал, как меня там принимали. Уверен же был, что ещё раз пригласят. Но до сих пор так и не позвали. Хотя может ещё не вечер. Буду первую докладную записку готовить, надо с заделом на физиков-ядерщиков информацию подбирать. Межуев обещал доступ в спецхран... Самому интересно, во что это всё выльется.

Пока прикидывал в уме, сколько может занять времени все это оформление в Верховный Совет, подошло время идти гулять с собакой. Выглянул в окно, Родьки с Григорием ещё не было, но всё равно начал собираться в надежде, что долго ждать их не придётся. А дождаться надо обязательно, узнать, есть ли у подполковника водительские права...

Вышел на улицу с Тузиком, постоял минуты две, и из соседнего подъезда вышли отец с сыном.

Родька, увидев меня, радостно бросился навстречу. В хорошем настроении оба. – отметил я про себя. – Подходящий момент попросить об одолжении.

Мы поздоровались за руку и собрались уже идти по привычному маршруту, как вдруг услышали сзади:

– Гриша!

В дверях нашего подъезда стояла Лина в одном халатике, домашних тапочках. Похоже, в окно нас увидела и выскочила.

– Можно тебя на минуточку? – позвала она.

Григорий с досадой взглянул на неё, потом извиняющееся на меня и пошёл к Лине. А мы с Родькой старательно делали вид, что ничего особенного не происходит, отвернулись и пошли медленно со двора.

Вскоре нас догнал мрачный Григорий.

– Что случилось? – забеспокоился я. Первая мелькнувшая мысль была, что Лина залетела.

– Сынок, пробегись вперед, у нас взрослый разговор. – велел он сыну, и тот послушно умчался. Пацан слушался отца так, что просто завидки брали. Знает же, что он скоро снова уедет, ценит время с ним, не хочет, чтобы уезжал. Такое начало меня сильно обеспокоило. Что же там такое Лина сказала?

– Мать её на меня жалобу накатала. По аморалке. Только не пойму, как... Она же не знает номера моей части. Может, Лина что перепутала? Там же сплошные эмоции, а не разговор. Сопли, слезы, всхлипы, извинения. Так и не объяснила толком.

– Ты сильно не расслабляйся. По адресу найдут. – возразил я, остановившись от неожиданности. – Ей достаточно на министерство обороны написать. Там разберутся. Но на это, конечно, время надо... А тебе когда за границу возвра-

щаться?

– На майские уже надо быть там. – ответил подполковник.

– Меньше трёх недель осталось. – прикинул я. – Пока письмо отправит. Пока дойдёт... Зависит, как там у вас дело поставлено, и кто будет вопросом заниматься. Могут и успеть найти, пятьдесят на пятьдесят.

– Вот такие вопросы, поверь, у нас четко и быстро проворачивают... – мрачно сказал подполковник. – А вот когда что-то действительно важное...

Он осекся, вспомнив, что разговаривает со штатским. За такие разговоры, если я начну болтать, ему сильнее прилетит, чем за письмо от мамы случайной подруги.

– Так, ну давай посмотрим, что может случиться. – начал рассуждать я. – Ты же в разводе, за аморалку тебя по полной программе не притянут. Но вот за границу могут больше не пустить. На всякий случай.

– Это да. – подтвердил Гриша. – Ну ладно, давай закончим эту тему обсуждать. Воротит от нее. Напиться только хочется. А это плохая привычка. Пить надо, когда хорошее настроение. Чтобы еще лучше стало.

Прибежал обратно Родька. Показал найденный где-то в канаве бумажный самолетик из газеты. Тот намок, но сделан был так хорошо, что вполне себе еще летал. Подполковник встряхнулся, и, показав на мою машину, мимо которой как раз проходили, спросил:

– Не нашел еще гараж? Все переживаю, чтобы не поцара-

пали, или не побили какие хулиганы.

– Ищу всюду. Пока что сложно очень. Завтра вот хотел поехать зарегистрировать в ГАИ, но прав же нет.

– Так у меня есть, давай вместе смотаемся!

Удачно вышло. А то мне уже и неудобно было самому эту тему развивать. У человека проблемы на работе намечаются, а я бы к нему с просьбой полез меркантильной. А так я мельком упомянул о своих планах, и он сам предложил. Значит, ему не в лом. И вроде бы даже и ожил немного, переключившись со своих проблем на мои приятные хлопоты.

– Спасибо! Хочу в ГАИ к часу отогнать. Как думаешь, хватит двух часов? Площадка до трёх работает.

– С утра надо бы ехать, а то вдруг очередь? – возразил мне Григорий.

– И то верно. Прогуляю завтра пары, надеюсь, что не все. – согласился я. – Зато на стрельбы до водительских курсов с вами успеем.

Только ложась спать, вспомнил, что не позвонил двум оставшимся председателям ГСК. Завтра надо не забыть.

На зарядке окончательно договорились с Григорием, что встречаемся через полчаса и едем занимать очередь в ГАИ. Лучше там утро проболтаться, чем весь день потерять.

Территория была закрыта, а у ворот толпились люди. Машин было полно, пришлось припарковаться метров за сто. Гриша остался в машине, а я пошёл к воротам и попытался определить, кто у них крайний, все молчат. Повторил свой

вопрос, мне и говорят, что очереди нет, все кто куда, в разные окна, поэтому стой, жди, когда откроют.

Представил себе, какое будет столпотворение, когда народ ринется занимать очередь в нужные окна, а я буду метаться, чтобы выяснить, с чего мне начинать. Попытался заранее расспросить, каков порядок постановки на учёт автомобиля, с чего начинать.

– Куда хоть бежать, как отдел откроют? – пристал я к мужику, который велел мне стоять и ждать.

– Там первичный приём документов в вагончике на улице. Очередь общая. – неохотно ответил он. – Все туда будут стоять, и кто снимает с учёта, и кто ставит.

– А потом?

– Потом очередь на площадку. Там все номера сверяют с документами. Талон техосмотра есть?

– Нету. – ошарашенно ответил я. Техосмотр же ещё. Блин!

– Аптечка нужна и знак аварийный.

– А где техосмотр проходят? – мрачно спросил я.

– Так здесь же и проходят.

О, точно. Забыл совсем. Раньше в ГАИ техосмотр проходили.

– Отдельная очередь? – решил сразу я уточнить.

– Да зачем? Дашь инспектору десятку, он всё сделает.

– Понял. Спасибо. А где аптечку взять и аварийный знак? – вспомнил я девственно чистый багажник своей «Варшавы».

– Аптечку в аптеке. – усмехнулся мужик. – Тут недалеко, пару домов. А знак надо было самому сделать.

– Акупить никак? – заволновался я.

– Попроси у кого-нибудь, как очередь подходить будет. – подсказал мужик, откровенно веселясь над моей неопытностью. – Трояк дашь, и все довольны будут.

– Спасибо. – поблагодарил я его и поспешил к Григорию предупредить, что мне надо в аптеку.

Аптечка представляла собой картонную коробку со всякой всячиной. Довольный тем, что аптека открывалась на час раньше, чем отдел ГАИ, положил аптечку в багажник и поспешил к воротам, где толпа народа уплотнилась ещё больше.

Как только открыли ворота, толпа хлынула на территорию к тому самому вагончику. Работало два окна. Очередь реально общая. Рядом высокий круговой стол вокруг старого дерева, анкеты надо было заполнять вручную. При первом подходе к окну проверялись документы и выдавался бланк заявления-анкеты, при втором заявление с документами, собственно, подавались. Очень скоро образовалась вторая очередь из заполнивших заявление, к окнам подходили по очереди, один человек из первичной очереди, один из повторной. Двигались очень медленно. Вскоре ко мне подошёл Григорий и тихо присвистнул.

– Ну-ка, постой тут вместо меня. – попросил я его и вышел из очереди. Потёрся немного у окошек, понаблюдавал-по-

слушал и ушёл в здание. Никто на меня внимания не обратил. Сходил в туалет в здании отдела и вернулся с борзым видом прямо к окну.

– Можно бланк на номера? – уверенно попросил я. – Испоганил...

Задёрганный милиционер на автомате сунул мне анкету, мне осталось только заполнить её аккуратно.

Постоял немного у стола, посмотрел, с чем людей возвращают переписывать и к моменту, как подошла наша очередь, я подал документы с уже заполненным заявлением.

Милиционер застопорился было, но потом помотал головой, посмотрел на меня и принялся проверять анкету. Наверное, решил, что заработался, ждал первичную подачу, а тут повторная.

Во всяком случае, документы и заявление у меня приняли и велели предъявить машину на осмотр. Побежал занимать очередь на площадку, а Гриша к машине.

Осмотр велся в четыре руки, гаишники работали быстро, периодически забегая в такой же вагончик, как и на приёме документов. Если бы ещё автовладельцы не тупили... На стареньких машинах номера двигателя бывало плохо просматривались, надо было подчистить шкуркой. И вот, начиналось:

– Товарищи! У кого шкурка есть?

Гайцам надоело ждать и они, в конце концов, выложили несколько кусочков наждачки для общего пользования.

Когда передо мной уже оставалось несколько машин, начал искать аварийный знак по автолюбителям, что стояли в очереди позади. Специально взял трояк в руку, чтобы его хорошо видно было и бегал с предлагающим жестом от машины к машине.

– Не одолжите аварийный знак на десять минут? – спрашивал я всех, и владелец четвёртой за мной тачки согласился, выдал мне реально самодельный знак из велосипедных катафотов на деревянной основе. Поразился простоте замысла и выдумке нашего народа. Такой я и сам себе делаю. Без тени жалости вручил ему трояк. Тут одна идея того стоит.

– Спасибо! Вон моя «Победа», вторая в очереди. – показал я. – Скоро верну.

Положил знак в багажник, типа, он там и лежал, и сел рядом с Григорием. Когда подошла наша очередь, мы подогнали машину и оба вышли из неё. Григорий остался возле машины. А я подошёл к молоденькому инспектору. Документы на машину и паспорт у меня уже забрали. Как денег за техосмотр инспектору дать?

– Нам бы ещё техосмотр. – кивнул я на машину и протянул ему сервисную книжку, в которую вложил чирик так, чтобы он хорошо был виден инспектору. – Машина совсем новая.

Инспектор посмотрел на меня, на Григория, ничего не сказал и скрылся в вагончике.

* * *

Отделение ГАИ. Площадка техосмотра. Рабочее помещение инспекторов.

– Саш, – обратился молодой инспектор к старшему товарищу. – Глянь, вон двое на «Победе».

– Ну?

– Так это не «Победа»...

– Польская, что ли? – поднял брови старший.

– Да... Просят техосмотр сделать.

– Ну сделай. Машинка новая, отсюда видно.

– А не подстава?

– Какая? – усмехнулся старший. Молодой инспектор только пожал плечами в ответ. – Не ссы, делай. По ним же видно... Их это машина.

* * *

Вскоре молодой инспектор вышел из вагончика и направился к нам. За ним следовал старший.

– Капот откройте. – велел младший инспектор.

Гриша открыл, и оба инспектора зависли под капотом. Потом заглянули в салон. Как у них тут всё серьёзно... – подумал я.

– У-у... Понятно. – кивнул инспектор и заметил у меня в руках сервисную книжку, из которой так и торчал несчастный чирик. – А движок какой стоит? Дай-ка посмотреть? – протянул он руку.

– Надо же, дизельный!

– А талоны на дизель где будешь брать? – подошёл ко мне старший из инспекторов.

– В обществе «Знание» работаю, с лекциями по всему Подмоскovie буду кататься. – на ходу придумывал я. – В командировку талоны на топливо будут выдавать.

– Техосмотр, значит, нужен? – ловким движением спрятал инспектор чирик в руке. – Идете внутрь главного корпуса и ждите номера, вас вызовут.

Гриша сел за руль как ни в чём ни бывало. Мы уже тронулись было, как я вспомнил, что надо аварийный знак вернуть, который и не понадобился.

Гриша поехал искать, где машину припарковать, а я вернул знак и пошёл в главный корпус, как назвал его инспектор. На самом деле это было небольшое двухэтажное здание. Начальство сидело на втором этаже, а первый этаж был забит людьми. Сидячих мест было совсем мало, в основном все стояли. Посмотрев на часы, понял, что ни на первую, ни на вторую пару я сегодня не попадаю. Эмма Эдуардовна совсем на мне крест поставит.

Мою фамилию прокричали только минут через сорок. Получив номера, техпаспорт и талон техосмотра, даже радости

не почувствовал, тысячу раз уже это делал. Меня больше университет сейчас беспокоил.

Хорошо, что Григорий был со мной, он с интересом выхватил у меня номера.

– 18–90! Неплохо. А то другу дали 13–13, представляешь? – радостно пихнул он меня локтем в бок и пристроил номера под лобовое стекло и сзади. – Доедем до дома, найдём инструменты и прикрутим.

– Можно тебя попросить? У метро ВДНХ меня высади, в универе надо хоть на одной паре появиться.

– Не вопрос. – тут же согласился подполковник. – Припаркую твою ласточку на прежнем месте.

– И спасибо тебе огромное за помощь! С меня причитается.

Подоткнул талон техосмотра сверху на лобовое стекло, как все сейчас делали, оставил Григорию техпаспорт и вышел у метро, договорившись ехать сегодня на стрельбы.

Грише машина очень понравилась, чувствую, стрелять мы тоже на ней поедем. Ну, тем лучше. Меньше времени на дорогу уйдёт.

Глава 6

г. Москва.

Едва успел на третью пару.

– Меня никто не искал, не спрашивал? – поинтересовался я у Лёхи.

– Вроде нет. – ответил друг.

– А Эмма Эдуардовна не заходила, не заглядывала?

– Да нет.

Ну, слава богу. Получу корочки референта секретариата Верховного Совета и сразу побегу к ней мириться. А то решила, что я ей голову дурю...

Отсидели пару и пошли в столовку прогнать разок нашу агитпрограмму, на следующей неделе в четверг выступать на ЗИЛе. Никому не хотелось надолго задерживаться, быстро прогнали и разбежались.

Позвонил из автомата Сатчану. Он быстро снял трубку, помощница уже без промедлений меня соединяет.

– На совещание тороплюсь. – затараторил он. – Новостей пока никаких.

– Ты хотел меня с Еленой Викторовной свести. – напомнил я.

– Как раз обсуждаем сейчас твоё предложение наверху. Позвони вечером.

Мы попрощались.

На всякий случай набрал тех двоих председателей ГСК, что вчера не ответили, но и сейчас не дозвонился. Набрал единственному, пока, своему знакомому председателю.

– Добрый день. Это Павел, вчера у вас насчёт аренды гаража интересовался.

– Слушай, – быстро вспомнил он меня. – Переговорил с несколькими членами, у кого гараж временно пустует. Но они не хотят к себе никого пускать. Давай, я ещё до бабульки одной дойду на днях. У ней муж умер, машину сын забрал, а гараж пустой стоит.

– Может, я сам дойду? А то ещё несколько дней машина на улице будет стоять. Станет она со мной разговаривать, с незнакомым?

– А шут его знает. Может, и не станет. Надо бы, конечно, мне самому с ней говорить...

– Ну, давайте как-то ускорим этот процесс. – попросил я. – Я отблагодарю.

– Само собой. – опять усмехнулся этот жук.

Договорились в восемь вечера встретиться в сторожке. И идти уговаривать бабульку сдать мне гараж.

Вернулся домой, номера на машине уже прикручены. Молодец Гриша. Хороший друг, и просить ничего не надо. Быстро забежал домой, бросил портфель и зашёл за соседями.

Как же на машине быстро домчались. До чего с машиной удобно, и к бабушкам будем ездить чаще. Мобильность – ве-

ликакая вещь. Блин, мне ещё столько ждать до восемнадцати, пока права дадут.

Встретили в части нас приветливо. Подполковник потащил нас сначала к командиру части поздороваться. Тот за нами увязался. Не один я хочу посмотреть на боевого офицера в деле. И мне заодно по дороге припомнил:

– А товарищ лектор нас когда осчастливит, занятие может какое интересное проведет? – вытянув на ходу голову, посмотрел он на меня.

– С удовольствием. – развёл я руками. – А что не приглашаете?

– Точно, точно. Пора тебя вызвать. – шутя погрозил мне пальцем командир. – А то, не пригласишь, ты и не приедешь.

– Незванный гость хуже татарина! – отшутился я и с улыбкой вспомнил, как чуть не ляпнул эту фразу при родне Галии. Было бы очень неудобно, хорошо, что вовремя язык прикусил.

Стреляли, пока смеркаться не начало. Гриша, конечно, сегодня невероятно вырос в моих глазах... У них с инструктором своя туса получилась, а мы, как зрители на соревнованиях, только наблюдали. Командир части благоразумно участие в этом первенстве не принимал и только, когда мужики наигрались между собой, мы сами занялись стрельбой.

На обратном пути опять попросил посадить меня у метро ВДНХ и поехал на вождение.

Пока ехал на курсы, придумал пригласить Инну с Петром

на машине к бабушкам с нами съездить на выходные. Давно у них не были, подарки из Германии завезём, заодно поговорю с Инной, что у неё за проблемы с малышом. Они доехали бы до нас, а дальше на машине с Петром за рулём. И обратно также.

На курсах отзанимались без проблем, у Галии в спокойном состоянии всё получилось. Домой ехали в прекрасном настроении, хоть и уставшие.

– Юрка Бахтин опять ноет, что не его эта вся учёба в институте. – пожаловалась Галия.

– Ну, ё-моё! Я думал, он всё понял про армию в прошлый раз.

– Не хочет он учиться... – развела руками жена.

– А что он хочет?

– Рисовать. Переводиться куда-нибудь хочет по художественному профилю. Или заново поступать.

– Чтобы в художественную академию поступить, надо профессионально готовиться, художественную школу окончить. Там конкурс, небось, мама не горюй. И точно из Горного никто его туда не переведет. Не те профили совсем.

– Я ему так и сказала. Я два раза в неделю с Еленой Яковлевной занимаюсь, и дома учусь и то мне до Ксюши, как пешком до Китая, а она академий не кончала, художественная школа, а потом училище.

– Даже не знаю, что и сказать... Рисование – это не формулы, за вечер не выучишь.

– Пойду завтра к художникам на занятие посоветуюсь. – решила Галя.

Вышли из метро, Галя пошла домой, а я со всех ног в гаражи. Виктор Георгиевич или Георгич, как его все звали, уже сидел рядом со сторожем в сторожке.

– Это вот этот пацан хочет гараж купить? – ничуть меня не стесняясь, воскликнул сторож. – Мама дорогая, роди меня обратно.

– Пока что, вроде, договаривались про аренду. – вопросительно взглянул я на председателя.

А он усмехнулся хитро.

– А что, у тебя серьёзно семь тыщ на гараж есть? – спросил Георгич, лукаво улыбаясь.

– Семь тысяч?! – удивился я. – А что так дорого? Машина столько стоит.

Мужики расхохотались, причём до слёз, и долго не могли успокоиться.

– А что смешного? – вставил я, когда они замолчали перевести дух.

И всё с начала: ха-ха-ха!..

– Я чего-то не понимаю? – начал злиться я. – Ну, Москва. Ну, бокс металлический. Ну, пять тысяч. Откуда семь? – на самом деле я рассчитывал тысячи на четыре. Неужели настолько цены уже подзабыл из прежних времен?

– Не пять, а шесть. – тут же посерьёзnel председатель. – Откуда семь... Пойди, купи за шесть.

– Понятно. Семь, так семь. Буду думать, сумма большая. – выставил я ладони вперёд примирительным жестом. – Я же не покупать сейчас пришёл, помните? Мы хотели с бабушкой об аренде поговорить. Кстати, сколько аренда бокса будет стоить? – решил сразу уточнить я. А то сейчас как зайдёт!..

– Рублей двадцать надо предлагать. – подсказал сторож. – Ты ж только ей сразу скажи, что банки все её и картошка там и дальше будут храниться.

– Угу... – кивнул я. Это что, она в гараж будет шастать, когда ей вздумается? И не оставить ничего своего в гараже, потом забрать не даст... Так себе перспективка. Надо семь тысяч искать. Но для начала, попробую тут примелькаться, с людьми познакомиться и пообщаться. Глядишь, и за шесть куплю. – Хорошо. Едем?

– Идём. – усмехнулся Георгиевич. – Через дорогу дом.

Бабулька Анна Николаевна оказалась невысокой, стройной пожилой дамой с высокой пышной причёской, педагогом по русскому языку и литературе, до сих пор преподаёт в местной школе. Очень интеллигентная, строгая и не особо нуждающаяся в деньгах. Сразу это понял и по её виду, и по обстановке в квартире, поэтому взял переговоры в свои руки.

– Анна Николаевна, позвольте арендовать у вас гараж на несколько месяцев, до полугода, пока я свой не приобрету. – улыбнулся я. – Так трудно сейчас пустующий бокс най-

ти. Вы как пользовались гаражом, так и будете пользоваться. Только машину мою обходить придётся. А я вам за неудобство компенсацию буду ежемесячную платить. Двадцать рублей. Ещё могу вам прямо на дом приносить из гаража, что вы скажете, картошку там, банки с огурцами. Они ж тяжёлые, я знаю.

Анна Николаевна прищурилась и с интересом взглянула на меня.

– Георгич, где ты его нашёл? – спросила она.

– Сам пришёл. – буркнул тот.

– Умеет уговаривать. – усмехнулась она. – В гараже от моего покойного мужа инструментов много осталось разных. Пользоваться пользуйтесь, юноша, но из гаража ничего не уносите, пожалуйста. Как, ещё раз, вас зовут?

– Павел. – поспешно ответил я. Она согласна! Ура. Так быстро согласилась?! – Запишите, пожалуйста, мой домашний телефон. – предложил я. Сразу, только войдя, заметил у неё в прихожей телефонный аппарат. – Звоните в любое время. Жену мою зовут Галия.

– Он ещё и женат! – удивилась Анна Николаевна, глядя на Георгича.

– Выгляжу, просто, молодо. – пресёк я возможные дальнейшие домыслы. – Есть в гараже что-то особо ценное, что вы хотели бы, чтобы я вам домой принёс?

– Да что там может быть особо ценного? – вопросительно взглянула она на Георгича. – Инструменты только.

– Сделаем опись. – решительно сказал я. – С заводскими номерами. Виктор Георгиевич, поприсутствуете? Чтобы нам ничего не пропустить.

Анна Николаевна опять взглянула на него удивлённо-вопросительно.

– Поприсутствую... – пожал он плечами, глядя на хозяйку. – Только, давай уже завтра. Сегодня поздно. И приезжай пораньше, часов в шесть, хотя бы.

Завтра лекция на какой-то карандашной фабрике в Кунцево.

– Не успею к шести. Работа. – задумчиво ответил я. – Давайте, в половине седьмого. Какой номер бокса?

– Сто тридцать восемь. – ответил за хозяйку Георгич.

– Ну, тогда до завтра? – улыбаясь, спросил я. – Очень приятно было познакомиться, Анна Николаевна.

– До завтра. – немного растерянно ответила она.

Протянул руку председателю на прощанье.

– Побегу, с работы задержался, жена с ума уже, небось, сходит. – расшаркался я. – Очень рад знакомству. – ещё раз повторил и вышел из квартиры.

Семь тысяч разделить на двадцать рублей, это можно почти тридцать лет снимать. – думал я по дороге домой. – Но это, как в коммуналке жить. Свой гараж, конечно, лучше. Но благодаря аренде, покупку гаража сейчас можно исключить из первоочередных трат. И переключиться на холодильник и стиральную машину с центрифугой.

Придя домой, набросился на ужин. Набегался за день, аппетит разыгрался.

Только я расслабился с чашкой чая в руках, как раздался звонок. Звонил Сатчан и просил выйти к проспекту Мира минут через двадцать. О цели встречи только коротко сказал:

– Я не один.

– А, понял. – догадался я, с кем он приедет на встречу.

Через двадцать минут я уже стоял на повороте в наши дворы. Минут пять пришлось походить туда-сюда. Улица была относительно пуста, понадеялся, что мимо меня не проедут.

Так и вышло. Вскоре рядом остановились знакомые Жигули. Увидев, что спереди пассажирское место пустое, решил сесть назад, чтобы не выкручивать шею, разговаривая с пассажиром сзади. Именно с ним мне и нужно беседовать, Сатчан в наших делах ничего не понимает.

Елена Викторовна радостно поприветствовала меня.

– Паша, как дела? – воскликнула она. – Павел сказал, что у тебя есть мысль, как нам от ненужного внимания отделаться?

– Елена Викторовна, мысль есть. Но всё зависит от того, насколько удачный для наших целей попадётся заказ. Мысль такая... – Вкратце изложил ей саму идею подставы Гагаринских. – Нам нужен заказ, который отличается от обычных для фабрики.

– Даже не знаю... Что значит, отличается от обычных? –

задумалась она.

– Ну, например, изделия шьются не так, как всегда, или не в том количестве, или из других материалов. – начал накидывать я варианты.

– Сложно сказать. – задумалась главбух. – У нас вообще редко такое бывает. Обычно все четко по спецификациям. Хотя... – вдруг задумалась она. – А заказ для детей может подойти для наших целей?

– Дети? – переглянулись мы с Сатчаном. – Дети – это очень хорошо. Что за заказ, Елена Викторовна?

– Ещё не решили ничего, только встретились разок с работником министерства образования. Но не будем же мы детей подводить?! – решительно посмотрела она на нас с осуждением.

– Мы не будем никого подводить. – поспешил я успокоить её. – Заказ будет выполнен в срок и в полном объеме, об этом даже не волнуйтесь. Что за заказ?

– В Артеке готовят международную смену...

– Артек? Отлично! – обрадовался я. – Но там же тепло... Как это с вашей фабрикой может быть связано?

– Ну, у них там идея, показать детям из других стран просторы нашей Родины, собираются свозить их на Кавказ, горы показать, в Карелию, ещё куда-то, где холодно, короче...

– Хорошая идея. – задумчиво проговорил Сатчан.

– А от вас им что надо?

– Как что? Шапки. – сказала, как о само собой разумею-

щемся, главбух. – Этот снабженец из министерства образования уже с ног сбился. В Артеке же всех детей сразу одинаково переодевают, чтобы все были равны. Летние и осенние комплекты формы у них отлажены. А зимнюю он впервые заказывает. Надо в отведенную сумму уложиться, а у него не получается. Куртки и обувь ему просчитали, а на шапки, шарфы, варежки не хватает. Я ему посоветовала шарфы и варежки трикотажные заказать. Но у него задача, чтобы всё было дорого и шикарно, смена же международная. Они планировали шапки-ушанки всем одинаковые, и мальчикам, и девочкам. Обязательно норковые...

– Они в своём уме? – удивился я. – Куда детям норку? С головой оторвут.

– И в бюджет не уложатся. – сразу прикинул Сатчан.

– Я так и сказала. Но у него задача «чтоб было шикарно». – развела руками Елена Викторовна. – Сказал, что попытается еще денег выбить.

– Да никто ему не согласует увеличение на этом этапе... – хмыкнул Сатчан. – Как есть влип мужик.

– А когда им надо? – заинтересовался я.

– Август, что ли, он говорил. Но сдача июнь.

– Много?

– Триста штук.

– Триста штук... – повторил я, размышляя. – А ведь можно сделать шикарно и недорого.

Вспомнил я уловки девяностых: ложные ушанки, комби-

нированные материалы...

Сатчан вывернулся чуть ли не наизнанку, заинтересованно глядя на меня во все глаза.

– Военные шапки-ушанки же шьёте? – спросил я Елену Викторовну, зная наверняка, что шьют, раз военпред на фабрике сидит. Она кивнула. – По тем же лекалам, – продолжил я. – только вместо овчины норка, а вместо шинельной ткани кролик под цвет. Дёшево и сердито. Снаружи совершенно не заметно будет, а себестоимость уменьшится весьма существенно.

– Так никто не делает. – с сомнением проговорила Главбух. – Кролик с норкой...

– Всё когда-нибудь бывает в первый раз. – возразил я.

– Да, это... обман какой-то: разворачиваешь норку, а там кролик. – проворчала она. Видно было, что всё её существо противится этой идее.

– Елена Викторовна, если бы вы сказали всем, что изделие полностью из норки, а сами наполовину кроликом материал заменили, тогда да, был бы явный обман. – начал я объяснять ей, а то еще напридумывает себе невесть чего. – Но вы все согласуете. Во всех документах комбинирование материалов отразите. Что здесь такого?

Главбух смотрела на меня с удивлением.

– То есть все официально будет? А в чем тогда дезинформация? Как тогда мы от конкурентов защищаться собираемся?

Блин, какое мышление у нее костное все же. Так и думал, что все лишний раз лучше пояснить и разжевать. А ведь так уверенно головой кивала, когда идеи мои слушала...

– Наша задача, Елена Викторовна, – снова начал терпеливо объяснять я, – не нарушать закон, а обставить все так, чтобы крот подумал, что мы его нарушаем и сообщил конкурентам. Они скандал поднимут, с расследованием к нам прискачат, а мы им документы на стол, мол, все вообще-то законно. Для детей партию изделий отшиваем по государственному заказу. Они в лужу сядут, выставят себя в очень плохом свете и дальше у проверяющих органов уже к ним вопросы возникнут, почему это они так настойчиво работу нормальной фабрики саботируют. И отвечать на эти вопросы им понадобится долго. О нас и думать забудут на время.

По мере моих пояснений лицо главбуха прояснялось. Ну хорошо, кажется идею она уловила. Перейдем к деталям.

– Заказ для Артека прекрасно подойдет нам, я думаю, – продолжил я. – Госзаказ, достаточно большой и, что самое важное, изделия явно будут шиться не по обычным нормам, если получится такой вариант в министерстве пробить.

– Хорошо, Елена Викторовна! – подхватил мою идею Сатчан. – Очень хорошо. То, что надо! Этот, из министерства образования, вам оставил свой телефон?

– Записывала где-то... Поищу, если надо.

– Надо-надо! – воодушевился Сатчан.

– Отлично. – решил я. – Значит, пока что разрабатыва-

ем свою операцию вокруг заказа Артека. Никто не должен знать, под кого готовится этот заказ. Все переговоры вести в тайне, детали ни с кем не обсуждать. То же касается и документов. Хранить отдельно. Если согласование заказ пройдет, тогда уже будем обсуждать детали.

Смотрел в глаза главбуху, пока она не кивнула – мол, понимает.

– А в чем афера-то будет состоять? – спросила Елена Викторовна. – Это же официально все, ничего не нарушаем. И если все в тайне делать, то как информация просочится? Как о ней крот узнает?

– Это уже дело техники. – махнул я рукой. – Ничего сложного.

Главбух посмотрела на меня скептически.

– Не верите? – я усмехнулся. – Ну вот, смотрите. Работники отшивают определенные изделия по определенным параметрам. Так?

– Так. – Елена Викторовна сосредоточенно кивнула.

– Вы сами говорили, что характеристики изделий стандартны – одни и те же лекала, одни и те же материалы. Отличия бывают очень редко. Комбинированные изделия, насколько я понял по вашей реакции, на фабрике еще вообще ни разу не делали. Верно?

Главбух кивнула.

– Отлично. – продолжил я. – А теперь представьте ситуацию, какой-то цех начинает в большом количестве отши-

вать партию изделий, меняя часть дорогого материала на дешёвый, и при этом никто толком не знает, что это за заказ, для кого. Информация закрыта. Начнут работники шептаться между собой, что здесь что-то нечисто?

– Обязательно. – главбух уверенно кивнула. – Обычно мы всегда знаем, что и для кого шьется.

– Вот именно. – подхватил я. – А тут секретность, да еще и в изделии явная подмена материала. Очевидный вывод, который все сделают, это что на фабрике кто-то отшивает партию изделий наполовину из кролика и явно собирается выдать их за норковые, так как из кролика только те детали, которые снаружи сразу не видны. А значит – это явно афера. И нам очень важно, чтобы крот эти рассуждения услышал и информацию кому надо донес. И все, дело в шляпе!

Сатчан при этих моих словах начал радостно потирать руки, уже предвкушая, видимо, показательную порку самедовских. А Елена Викторовна, наконец, стала выглядеть более уверенно. Явно постигла суть предлагаемого плана. Сделал себе мысленно пометку, что она туговата в таких вопросах. Надо будет в будущем иметь это ввиду и объяснять ей все по возможности максимально подробно.

– Далее. Техзадание. Разработайте его сами для ускорения процесса, тем более, у вас всё есть для армейских ушанок, только выбрать самые маленькие размеры и материал поменять. Предложите министерству его просто утвердить.

– Хорошо. Это мы быстро сможем сделать. – Елена Вик-

торовна кивнула. – Там по сути все готово. Все формы есть.

– Тогда, вперёд. – подвёл я итог нашему совещанию. – Связывайтесь с этим работником министерства образования и сделайте ему такое предложение, от которого он не сможет отказаться. Объясните, что изделия будут выглядеть шикарно, в точности так, как и из чистой норки. То есть все будет дорого-богато. Но при всем при этом он еще и идеально в свой бюджет впишется. И будет счастлив.

– Спасибо! – протянул мне руку, улыбаясь, Сатчан. – С тобой пообщаешься, так и жить веселее. Ни секунды не сомневался, что что-нибудь дельное выдумаешь.

Кивнул, прощаясь, задумчивой Елене Викторовне. Кивком головы вызвал Сатчана из машины.

– Боюсь, как бы она, – кивнул я едва заметно назад. – Снова не начала чего лишнего выдумывать. Вроде все поняла, но на всякий случай держи дело на жестком контроле. Чем меньше людей про план знают, тем выше шансы на успех. Этот план только с виду простой. Неизвестных здесь очень много, все, что угодно, может пойти не так.

– Думаешь?

– Расскажи-ка ей, что её ждёт, если Самедова и компанию от фабрики не отвадить. Она ведь главный бухгалтер, а не рядовой технолог. Ей здесь на работе точно не удержаться при новых начальниках. Лучше, чтобы она это четко понимала и осознавала, что стоит на кону. – многозначительно поднял я указательный палец вверх.

– Я понял. – кивнул комсорг, с интересом глядя на меня. –

Пока.

Мы ещё раз пожали друг другу руки, и я пошёл, наконец, домой.

Глава 7

г. Москва.

Длинный был день. Спа-ааать. Жена была уже в постели с книгой в руках.

– Как ты смотришь на то, чтобы съездить в деревню на машине в выходные? – заползая в постель, спросил я.

– С удовольствием! – обрадовалась она и тут же спросила: – А кто за рулём?

– Хочу Инну с Петром завтра пригласить. У зятя есть права. Инна в декрет уходит на этой неделе, как бы уже не ушла. Как теперь с ними связываться?

– У меня где-то служебный номер Пети был. – вдруг заявила жена.

– Отлично! – обрадовался я, удивляясь, как это сам не догадался о такой возможности. Голова слишком перегружена...

Утро прошло в обычном режиме. Лекции отсидели тоже без особых происшествий. В большом перерыве позвонил Петру на службу. Говорить много по городскому телефону у них не положено, но за пару минут никто слова не скажет. Отлично. А то я всё через больницу записки оставлял.

Поделился с ним, что машину уже полностью оформил. Все документы на руках.

– Вот, теперь об этом. Машина есть, а прав ещё ни у ко-

го из нас нет. А опробовать обновку хочется. Вы не против с Инной прокатиться с нами в деревню к бабушкам? Ты за рулём.

– О! Класс! Я много ездил на «Победе». Значит, и на этой смогу без проблем, раз похожа. Отлично.

– Тогда подъезжайте к нам. И от нас в деревню. Если Инне трудно в электричках трястись, то я такси оплачу.

– Разберёмся. – легкомысленно ответил Пётр. – Во сколько нам приехать?

Договорились на девять часов утра в субботу и распрощались. Отлично. Значит, в выходные едем к бабушкам.

После пар символически посидел с нашими минут двадцать, порепетировал выступление агитбригады и помчался на карандашную фабрику. Добираться пришлось далеко. Немного опоздал.

Встречала меня целая женская делегация. Комсорг фабрики со своей помощницей и профорг. Они повели меня в клуб к месту выступления. Там уже народ давно собрался, коллектив, по большей части, женский. А у меня, как раз, тема лекции «Факторы, влияющие на гармоничное развитие личности и роль общества в воспитании подрастающего поколения».

Лично для меня тема очень интересная. Очень стрёмно было бы говорить выросшим в советской педагогической системе, где всё и все должны быть параллельно-перпендикулярны и одинаковы, что необходим индивидуальный подход

к каждому ребёнку.

Прошёлся по этому моменту только вскользь, ссылаясь на принцип социализма «от каждого по способностям...», указал на необходимость эти самые способности развивать. Но так как все уникальны, то и программа развития не может быть общей для всех.

– Советское государство уже идёт по пути дифференцирования образовательных программ для различных групп учащихся. – вещал я. – Уже имеются школы с углубленным изучением иностранных языков, физико-математические школы и различные структуры дополнительного образования: музыкальные, спортивные, художественные. Необходимо углублять и совершенствовать советское образование в этом направлении. Только так мы сможем развить и в дальнейшем использовать потенциал каждого советского человека.

Про повсеместные перегибы в воспитании говорить не стал, за критику ещё прилететь может. Пошёл от противного. Рассказал о тех моментах и факторах, которые стимулируют развитие гармоничной личности.

– Вот, например. Если мы будем говорить ребёнку, столкнувшись с чем-то новым для него: попробуй, пытайся, не бойся, то он будет с удовольствием учиться новому, потому что, на самом деле, всё новое всегда интересно. Если у ребёнка не получилось, а мы ему скажем: ничего страшного! Не всё сразу! Попробуй ещё! Ребёнок пойдёт и попробует ещё раз.

И будет пробовать до тех пор, пока у него не получится. А почему? А потому, что вы его научили не бояться неудач. И это одна из главных задач семьи и общества. Такой человек, став взрослым, будет уверен в себе и в своих силах, не опустит руки при первом же провале, будет настойчивым и целеустремлённым. И главное, такой человек, поверив в свои силы, будет ставить перед собой всё новые и новые цели, будет развиваться и получать удовлетворение от своего развития, а общество – пользу от его кипучей деятельности.

Потом перешли на частности. Нет такого человека, который не желал бы счастья своему ребёнку. Посыпались вопросы, в том числе, с отсылками к системе Макаренко. Пришлось поговорить и об этом.

– Не забывайте, что Макаренко работал в колонии. К нему попадали беспризорники, трудные подростки и малолетние преступники. Жесткость, которая необходима была в этом случае, обусловлена тем, что человек, проживший на улице полгода и более, выпадает из социума и самостоятельно в него влиться уже не может по очень многим причинам. Ну, не будет он больше никогда по собственной воле вставать в полседьмого утра и бежать через детский сад на работу, он просто не сможет себя заставить это сделать. Это особенность человеческой психики, мозг сам постепенно настраивается: зачем работать, если можно ничего не делать? Люди не виноваты, что они так устроены, это само так получается. Мозг детей, попавших в колонию, уже перестроил-

ся на паразитические рельсы. Макаренко необходимо было сломать эти устоявшиеся вредоносные установки. Он и ломал. Но разве это необходимо вашим домашним и благополучным детям?

Задержался с этими вопросами, а мне ещё гараж сегодня принимать.

Профорг подвела меня к седому высокому мужчине. Ещё во время лекции обратил на него внимание, он в первом ряду сидел и очень внимательно слушал.

– Это наш директор Иннокентий Васильевич. – представила она его.

– Очень приятно. Павел. – пожал я протянутую руку.

– Приятно удивлён, вы так заинтересовали коллектив. Первый раз у нас такое. Приезжайте ещё.

Видя, что я стою, переминаясь с ноги на ногу, готовый стартовать от них, директор кивнул девчонкам-комсомолкам, и те торжественно поднесли и вручили мне приличную коробку с этикеткой: карандаши графитные «Студент». Куда мне столько? – опешил я, но перехватил коробку за перевязывающий её шпагат.

– Проводите товарища лектора через проходную. – распорядился директор и попрощался со мной.

– Что там? – озабоченно спросил я по дороге. А то притащу домой пару тысяч простых карандашей. Вот Галя смеяться будет.

– Увидите. – улыбнулась комсорг.

Тяжело, блин. Надеюсь, это консервы.

Пришлось с этой коробкой в гаражи тащиться, чтобы к назначенному времени успеть. Анна Николаевна уже была там, копошилась с веником в руках. Решила чистоту навести. К моему удивлению, гараж не был захламлён. Аскетичные полки, верстак, стол, под столом несколько ящиков. Ключи, молотки, приспособы по стенам развешаны. Хозяйственный мужик был покойный супруг у Анны Николаевны.

– Хорошо тут у вас. Просторно. – не удержавшись, похвалил я.

Вскоре подошёл Георги́ч. Переписали с ним нехитрый гаражный скарб. Из самого ценного нашли сварочный выпрямитель. Георги́ч сразу насел на хозяйку: продай! А та ни в какую: сначала с сыном посоветуюсь.

Анна Николаевна вручила мне навесной замок с вставленным в него ключом. А я ей двадцатку. Договорились, что до пятнадцатого числа буду заносить деньги за месяц вперёд.

Хозяйка показала мне крышку люка в самом конце гаража, чуть ли не под столом. Под гаражом оказался просторный подпол. Хозяйка пригласила меня спуститься. Хвастаться запасами, что ли, будет? А она мне показала, где картошка хранилась, где огурцы, где компоты. Всерьёз, оказывается, отнеслась к моему предложению приносить ей тяжести из гаража. Ну, что ж, назвался груздем, полезай в кузов.

– Сейчас ничего не надо. – прокомментировала она. – Это на будущее.

Мы выбрались. Лестница крутая, неудобная. Представил себе, как пожилой человек тут с трёхлитровой банкой в руках корячился и искренне посочувствовал.

Ладно. От меня не убудет. Надо старикам помогать.

– Ну, осваивайся, Паша. С новосельем. – проговорила Анна Николаевна. – А я пойду. До свидания.

– До свидания. – попрощался я и повернулся к председателю. – Спасибо вам. Чем обязан?

– Ещё двадцатку давай и квиты. – хитро посмотрел на меня он.

Ну, двадцатка так двадцатка. Прямо, как риэлтор в будущем, стоимость месяца аренды попросил. Расплатился с ним, вынес на улицу свою «коробку с карандашами» и попробовал запереть гараж. С первого раза получилось, хороший замок. Можно машину пригонять.

Попрощался с председателем, ещё раз поблагодарил и потащил коробку домой, то и дело меняя руки.

* * *

Эмма Эдуардовна положила телефонную трубку и откинулась на спинку кресла в полном шоке. Она очень обиделась на Павла Ивлева, когда тот, прогуляв занятие, начал плести что-то про собеседование или подачу документов на работу в Верховный Совет. И вот тебе на – определенно, это все же не была глупая выдумка...

Человек, представившийся Жаном Павловичем, разговаривал так, что не было ни малейшей возможности ошибиться, приняв его за шутника. Тут уже точно не до шуток... Примерно так ректор и проректора разговаривают... Очень занятые люди, которые вечно требуют от тебя что-то, говоря, что это было нужно сделать еще вчера. Без малейшего сомнения, что ты из кожи вылезешь, но все быстро сделаешь. Ну и верно, куда ты денешься, когда такие люди приказывают...

Он велел ей срочно написать и отправить ему, в Верховный Совет, характеристику на студента Павла Тарасовича Ивлева. И голос его звучал так, что не было ни малейшего сомнения, что ему самому это очень не нравится.

И вот сейчас замдекана сидела, тупо моргая, и пыталась сообразить, что же это такое происходит. Этого Жана Павловича, очень властного и серьезного, судя по манере общаться, чиновника из Верховного Совета, отвечающего там за кадры, кто-то напряг, чтобы он принял на работу Павла. И он это собирается сделать, хотя и понятно, что ему эта идея очень не нравится. Два вопроса попеременно бились в мозгу Эммы Эдуардовны. Первый – кто может заставить такого человека на такой должности, принять на работу несовершеннолетнего студента в такую организацию??? Что это за такая волосатая лапа, продвигающая деловитого комсомольца с первого курса? И второй – не допустила ли она сама какой-нибудь ошибки, общаясь с Павлом?

Больше всего ее угнетала эта совместная поездка в ГДР. Павел и на таможене видел, сколько она всего туда везла на продажу, и в общезнании столкнулся с человеком, которому она все это продала... А потом они еще и вместе закупили дефицит для ввоза в СССР. Достаточно ему где-то там, в том кругу общения, откуда так легко и непринужденно напрягли Жана Павловича, ляпнуть об этом, и на ее карьере можно будет ставить жирный крест.

Но, увы, что случилось, то случилось... Двигаясь, как лунатик, она взяла чистый лист бумаги и принялась писать характеристику на своего студента. Завтра секретарь ее напечатает, и она лично отвезёт ее в Верховный Совет. На почту рассчитывать опасно, вдруг письмо пропадет. Жана Павловича точно не стоит злить, он и так, судя по голосу, в плохом настроении.

* * *

Подойдя к двери, увидел записку от жены: «Я на первом этаже. Ужин на плите. Как сможешь, спустишь, пожалуйста. Галия».

Что там опять случилось? Надеюсь, не надо опять шкаф какой-нибудь передвигать? В прошлый раз хотели с Михаилом Андреевичем по-быстрому книжный шкаф передвинуть, так не смогли его даже чуть-чуть с места сдвинуть. Книги очень тяжёлыми оказались. Пришлось разгру-

зять шкаф, оказалось, полки на соплях держались, пока шкаф передвинули, пока полки на место по-человечески установили... В итоге, до полуночи проковырялись.

Поставил коробку с карандашной фабрики на рабочий стол на кухне, быстренько перекусил и спустился к художникам. В этот раз у старого с выдвигаемым ящиком стола беда приключилась. Заклинило и ни туда, ни сюда. А у них там все ложки-вилки и ножи.

– Жалко ломать... – оправдывался он. – Снизу пытался посмотреть, что там, но так неудобно! Не понимаю, как мужики под машинами лежат и ещё что-то там видят?..

– Давайте, перевернём его кверху ногами. – предложил я.

Приборы в столе лязгали на всю квартиру, пока мы переворачивали стол. А он тяжёлый оказался, зараза. Кое-как перевернули, слава богу, кухня не пятиметровая.

Дно ящика из оргалита сместилось относительно стенок, или стенки сместились относительно дна. Короче, поэтому ящик перекошило, и он встал в распор, ни туда, ни сюда. С трудом пропихнули дно обратно и выдвинули ящик. Приборы все высыпались на пол. Радостный Михаил Андреевич сгрёб их и стал забрасывать в раковину, я помогал ему. Перевернули стол, вытащили совсем ящик и стали думать, как его зафиксировать. Решили сзади поперёк рейку примастырить, хоть с трёх сторон дно ограничить.

Рамки для многих своих работ Михаил Андреевич делает сам, нашёл досочку тонкую, укоротил под нужный размер

и тонкими гвоздиками зафиксировал. Установили ящик, попробовали выдвинуть-задвинуть несколько раз – всё отлично.

С видом победителей мы вышли к нашим женщинам. Урок у них ещё не закончился, но они больше болтали, чем работали, как мне показалось.

– Леночка, ящик починили. Надо только ложки перемыть, они на полу оказались.

– Миша! – удивлённо посмотрела на него жена.

– Так получилось. – развёл он руками, подошёл к ней и чмокнул в макушку.

Галия тут же предложила помочь перемыть приборы. Они с Еленой Яковлевной ушли и вскоре вернулись с чаем и печеньем.

Между делом разговор вернулся к Юрке Бахтину. Галия с Еленой Яковлевной, оказывается, его обсуждали, пока мы не явились. Заинтересовавшись их разговором, Михаил Андреевич предложил пристроить его на подготовительные курсы к своему приятелю.

– Пусть посидит на занятиях, поизучает геометрические фигуры, штриховку... Глядишь и поостынет. А то все думают, они сядут и сразу натуру голую рисовать начнут.

Прыснул со смеху, представив себе такое занятие. Но мысль хорошая.

– А правда, Галия, предложи ему. – поддержал я Михаила Андреевича. – Пусть попробует, какова она, проза жизни

начинающего художника.

На том и распрощались, скоро уже пса вести гулять.

Увидев коробку на столе, Галия сразу сообразила, что сегодня четверг, значит я был где-то на лекции и с любопытством начала её разбирать.

Она вытаскивала консервные плоские баночки и с интересом разглядывала этикетки.

– Фарш колбасный. Это что такое? – повернулась она ко мне.

– Давай откроем посмотрим. – пожал я плечами.

– Язык свиной. – отложила она в сторону очередную баночку. – О, шпроты. Печень и икра щуки. Креветки. Куку-мария... – повертела она передо мной банку. – Может, эту попробуем.

– Она с морской капустой. – взял я у неё банку. – Что-то не хочется. Это всё? Тяжело тащить было...

– Нет. Там остальное лосось и горбуша. – показала она более высокие консервы.

– О, это хорошие. Рыбного супчика сразу захотелось.

– Из горбуши или из лосося? – приняла всерьёз мои слова жена.

– Из лосося давай. – усмехнулся я. – Гулять, так гулять.

Надо было уже идти на улицу, Гриша с Родькой уже по двору слоняются. Хотел бате позвонить, посоветоваться, где лучше техникой бытовой закупиться. Ну ладно, вернусь, позвоню. Сейчас надо машину в гараж отогнать. Попросил

у Галии старую тряпку, застелить заднее сиденье, чтобы Тузик его не испачкал, захватил ключи от машины и гаража и вышел на улицу.

А малый опять плитку о трансформаторную будку взрывает, отцу показывает. А тот к взрывам и выстрелам привычный, ну взорвалось что-то, ему пофиг. Стоит, машинально головой кивает и о своём думает.

– Родька! – позвал я его. – Вы что, опять за плитками лезили?!

– Это не я. – тут же притих он. – Это мальчишки.

Судя по количеству осколков, они тут не один десяток плиток уже расколотили. Пора с этим что-то делать. Снег сошёл, весь двор в осколках, с собакой не пройти.

– Родька, давай, заканчивай это безобразие. А если Тузик лапы порежет?

– Ой... – сделал он смущённое лицо.

– Вот тебе и ой... – сказал Григорий. – Об этом мы с тобой не подумали!.. Завтра всё уберём. Да, сын?

– Ага... А парни опять набьют. – недовольно ответил Родька, явно не желая участвовать в этом субботнике.

– Ладно, пошли отсюда. – сделал я выводы из сложившейся ситуации. – Гриша, а я гараж снял там, где мы гуляли. Поможешь ласточку перегнуть?

– Конечно... только я документы не взял. – постучал себя по карманам Григорий. – Подождите, я мигом. – сказал он и уже через мгновение скрылся в своём подъезде.

Не успел я толком машину прогреть, как он вернулся. Родька с Тузиком пристроились сзади на вполне себе хорошем покрывале. Старья, как выяснилось, у нас ещё нет. Но для машиночки, как назвала её жена, ничего не жалко.

Благополучно добрались до гаража, загнали машину. Мы с Родькой створки ворот придерживали, чтобы они не закрылись вдруг, в самый неподходящий момент. А как я один буду это делать? Надо придумать что-нибудь тяжёлое, подставлять под распахнутые створки, от греха подальше.

Обратно шли пешком. Малый переключился на пса и побежал с ним вперёд.

– Что нового? – поинтересовался я у Григория. – Письмо несостоявшейся тёщи не аукнулось ещё?

– Нет. Ещё рано. Я тут прикидывал, его ещё не получили. – ответил подполковник.

– Вот и мучайся теперь в неизвестности. Лучше б уже ничего не говорила. Всё равно, исправить ничего нельзя. А, кстати, почему нельзя? Может, перехватить это письмо?

– Как?

– Ну... узнать, куда письма поступают, наверное, есть какой-нибудь отдел входящей корреспонденции, проставиться там, объяснить ситуацию. Мужики, сказать, выручайте!

– А если там бабы? – с усмешкой взглянул на меня Григорий.

– Это попадос. – согласился я. – И что, ничего не будешь делать?

– Ничего. Будь, что будет.

Тоже жизненная позиция. – подумал я. – Имеет право быть. Я бы, конечно, не ждал у моря погоды. Хотя, я в такую историю и не влип бы. Тьфу, тьфу, тьфу через левое плечо.

Придя домой решил, таки, начать эксперимент со стеклянными плитками. Надо уже что-то с ними решать. А для этого хорошо бы понимать, можно их закалить в домашних условиях, или нет.

Взял кухонное полотенце, закрутил в него три плитки, чтобы они не касались друг друга. Подумал немного и заматал в другое полотенце ещё три штуки. Взял пятилитровую кастрюлю, положил в неё плитки в полотенцах, налил полную кастрюлю горячей воды, чтобы быстрее закипела, и поставил на максимум на самой большой конфорке. Итак, половина десятого. Допустим, в десять закипит и начнём наш эксперимент.

Вспомнил, что хотел отцу позвонить, надеюсь, ещё не спит.

Он, как всегда, сразу включился в мою проблему.

– По холодильникам сейчас вообще сложностей нет. Мой друг планирует покупать, как раз рассказывал на кафедре, что сейчас «Минск» завезли просто огромную партию, немарено вообще. Почти во всех магазинах стоят. Такой тебя устроит? А что касается стиралки... Давай, я сейчас пару звоночков сделаю и тебе перезвоню.

– А стиралку с центрифугой реально найти? – сразу решил

озадачить бату я. – Небось, тоже дефицит?

– Не знаю. Поспрашиваю... – растерянно ответил отец. Их что, ещё нет?

Батя перезвонил минут через двадцать. Предложил машинку Вятка. В этом же магазине и «Мински» стоят. Можно одной машиной привезти. Предложил завтра же этим и заняться.

– Завтра наша пятница на курсах... – засомневался я.

– Плевать на курсы! – возразил отец. – Надо брать, пока есть.

Подумал, что успею на вождение, если поедем в магазин сразу после пар и согласился. Договорились встретиться завтра прямо в магазине «Свет», где работал батин знакомый. Хорошо быть доцентом ВУЗа, пол-Москвы тебя знает...

Дождавшись, когда вода закипела, убавил огонь, чтобы она едва булькала, и пошёл спать, предупредив жену, а то подумает с утра, что муж сошёл с ума. Она обрадовалась, как будто у меня уже всё получилось. Так ей эта плитка понравилась. Но при советском однообразии, она, и правда, что-то с чем-то!

Глава 8

г. Москва. Квартира Ивлевых.

С утра заглянул в кастрюлю с плиткой, вода выкипела наполовину. Решил позднее долить, когда одну плитку вытащу. Сбегал на зарядку, дождался восьми часов для чистоты эксперимента и мельхиоровыми щипцами из подарочного набора вытащил из мокрого полотенца одну плитку. Галия с нетерпением ждала рядом. Дал плитке остыть, побоялся сразу с ней какие-либо манипуляции проводить. Минут через пятнадцать сунул под холодную воду, потом под горячую. Плитка треснула. Галия не смогла скрыть своего разочарования.

– Видимо, десять часов мало, – констатировал я. – Батя говорил, трактирщики стаканы сутками варили.

Долил в кастрюлю кипятка из чайника и попросил Галию, как из института вернётся, ещё добавить.

– Следующую плитку достану сегодня в десять часов вечера. – решил я. – Как раз, сутки пройдут.

В универе еле дождался конца занятий и сразу понёсся к метро. Холодильник! Жди меня, я уже иду. До магазина надо было минут пятнадцать проехать на автобусе от метро. Не сразу увидел надпись «Свет», но мир не без добрых людей, подсказали. Ходил там между люстр, торшеров и бра. На самом деле, тут есть, на что посмотреть. Засмотрелся

на пятирожковую бронзовую люстру с хрустальными плафонами. Нам бы такую в большую комнату. Правда, без малого триста рублей. Надо её подсветить. Стоял и включал-выключал эту люстру в задумчивости, нажимая на соответствующую кнопку с номером. Красивая...

За этим занятием меня и застал отец.

– А я думаю, кто это светом балуется!?! – воскликнул он.

– Я не балуюсь. Я мечтаю. – ответил я, улыбаясь. – Привет.

– Привет. Ты бы лучше холодильник посмотрел.

– Не дошёл ещё до холодильников, под люстрой завис.

Как тебе?

– Хорошая, но дорогая. – кивнул отец.

– Уж и помечтать нельзя. – рассмеялся я. – Ладно, где тут холодильники?

Оглядевшись по сторонам, быстро сориентировались и пошли к холодильникам. «Минск», хоть и однодверный, но вполне приличный, новенький.

– Постой тут, я щас. – батя оставил меня любоваться холодильником а сам спросил что-то у продавца, тот куда-то показал ему и батя скрылся в недрах служебных помещений.

Вскоре он привёл мужчину за сорок, среднего роста, лысоватый. Он с любопытством разглядывал меня.

– Мой сын Павел. – представил меня отец. – А это мой старинный друг Игорь.

– Привет. Наслышан, наслышан... – протянул тот мне руку. – Тарас все уши про жужжал, когда ты в Герма-

нию поехал.

– Ещё бы. – рассмеялся я. – Такой чемоданище через границу пёр...

– А-ааа! Вот оно что! – рассмеялся Игорь и лукаво посмотрел на отца.

– Ну, давайте к делу. – нетерпеливо сказал батя. – Покажи нам «Вятку».

– Ну, пойдёмте. – пригласил нас Игорь.

У меня первая машина-автомат была «Вятка», в начале девяностых купил. Замечательная техника, десять лет отпахала верой и правдой, у меня о ней только хорошие воспоминания. А до этого много лет была ЗВИ с центрифугой. А ещё раньше у родителей была бочка с моторчиком на дне. Мне очень, помню, нравилось крутить ручку на устройстве для отжима белья. Мама никогда им не пользовалась, но я наяривал всё время, пока машина стирала. Мне казалось, что я помогаю ей ворочать бельё. Боже, как давно это было...

И вот подводит нас Игорь именно к такой бочке с моторчиком. Красивая, бирюзовая, новая... Не выдержал и рассмеялся.

– Ты чего? – ткнул меня слегка локтем отец.

– От радости. Любимый цвет жены. – ответил я. Не рассказывать же мужикам, что только что вспоминал, как лет пятьдесят с лишним назад игрался с этой ерундой из двух валиков, которую совершенно невозможно было использовать по назначению.

Батя взял организацию доставки в свои руки. Мы расплатились за холодильник, потом в другой секции – за стиралку. Батя был чрезвычайно горд. А меня смех разбирал, еле сдерживался.

Вот тебе и «Вятка». Но сейчас все равно ничего лучше-то и нет... Иначе батя бы точно подсказал.

* * *

Святославль. Квартира Якубовых.

Загит решил позвонить дочери, узнать, как дела, как родня погостила. Галия, к счастью, оказалась дома. Только с работы вернулась. Рассказала, как Дилара с семьёй гостила и про своё житьё-бытьё.

Бедная девочка так загружена, – слушал её Загит. – и учёба, и работа, и водительские курсы. Ещё и на уроки к художнице ходит.

– Дочка, ну зачем тебе эти уроки? – спросил Загит. – Мало тебе хлопот?

– Пап, мне так нравится рисовать. Зря вы меня в художественную школу в детстве не отвели. – отвечала ему Галия. – Это такое удовольствие! Жаль, наверное, не смогу продолжать, когда малыш родится. Времени не хватит. Одной стирки сколько будет...

– Давно бы купили стиральную машину. У вас что, денег нет? – спросил Загит.

– Деньги есть. – поспешно ответила ему дочь. – Мы на машину собирали, а машину подарили. Правда, теперь гараж надо покупать, но Паша решил пока снимать...

– Стоп, стоп, стоп! – прервал Галию отец. – Что значит машину подарили?! Кто? – с недоумением спросил он.

– Пашина сестра Диана замужем за иностранцем, ты же знаешь.

– Ну.

– Паша чем-то очень помог Фирдаусу и его родителям в их бизнесе. Они на радостях ему такой подарок сделали. Польская новая машина, точь-в-точь наша «Победа».

– Ничего себе. – поражённо проговорил Загит. – Это как надо было помочь? Чтоб машину подарили...

– Не знаю, пап. Там вопросы какие-то были по Пашиному профилю. Я в этом не разбираюсь.

– Я понял, дочка. Ну, что ж, поздравляю. Скоро права получишь и ездить начнёшь?

– Да-аа. – протянула счастливая Галия, не в силах скрыть радости.

– Молодцы! Поздравляю вас. Павлу привет.

– Хорошо, папуль, целую!

* * *

Приехали домой на мебельном фургоне, пришлось покорячиться, разгружая холодильник. Да и стиралка была тяжё-

лая. Но её, хотя бы, на лифте подняли. Фургон отпустили.

Холодильник в коробке в лифт не вошёл. Бегал за Гришей и Брагиным. Пока Галия стол накрывала, затащили холодильник на третий этаж по лестнице, распаковали и сразу поставили на место.

– Слышал, что холодильники сразу после транспортировки включать нельзя. – сказал я. – Пусть отстоится до вечера.

Мы сели за стол, а жена осталась полочки в холодильнике протирать, больше разглядывала и любовалась. Смешная...

– Только сегодня с отцом говорили, что надо стиральную машину купить. – смутилась она, поймав мой взгляд. – А тут и холодильник сразу.

– Ну, за покупки. – поднял тост отец.

– Сначала за холодильник. – подмигнул ему Григорий. – По отдельности надо всё обмыть.

– Нам ещё на вождение сегодня. – вспомнил я. – Экзамены скоро. Так что я вечером отмечу, после курсов. Но, вообще, должен сказать, спасибо тебе, бать. Не знал, с какой стороны подступиться к этой проблеме. Ты мне сегодня столько времени сэкономил!

– Лишь бы всё работало... – ответил отец, явно довольный собой.

Проверил плитки, не забыла ли жена долить воды. Всё нормально, варятся. Посидели ещё немного, и мужики начали расходиться. Первым ушёл Брагин, намекнув, что его у Лёхи ждут. Потом засобирался и Григорий, понимая, что

мне ещё на вождение.

– Бать, ты не торопишься? – поинтересовался я, когда сосед ушёл. – Пойдём, покажу кое-что.

– Ну, показывай. – заинтересованно глянул на меня отец.

– Это на улицу надо выйти.

И я вышел в прихожую, незаметно положив в карман ключи от машины и гаража. Подошла жена, протянула мне матерчатую сумку с чем-то и показала глазами на отца. Вот молодец, девчонка, сообразила. А то я закурился совсем.

Вёл его в сторону железной дороги минут пятнадцать и молчал как партизан, сколько он меня ни пытался разговаривать.

– Гараж пришлось снять. – единственное, что я сказал уже у самых ворот ГСК.

Открыл перед батей обе створки ворот, чтобы лучше было видно машину.

– Вот. Фирдаус подарил за одну услугу. – показал я на «Варшаву».

– Не может быть. – батя благоговейно провёл обеими руками по капоту. – Как новенькая.

– Она и есть новая. Это не «Победа».

– Не понял?

– Поляки по лицензии делают. Экспортный вариант. Британский мотор.

– Ха! Во дают. А точно! Я же слышал что-то такое... Но вижу в первый раз.

– Это тебе признались первый раз. А сколько их, на самом деле, на улицах, только гаишники знают.

– И то верно. – батя с восхищением рассматривал салон. Протянул ему ключ от машины.

– У тебя есть права? – спросил я его.

– Права есть, машины нет. – выхватил ключ у меня из рук отец.

– Дизель? – сразу услышал он, как завёл двигатель.

– Угу... – подтвердил я. – У вас в институте талонами нельзя разжиться? А то у меня, вот, половина бака и всё. Завтра в деревню собрались, я прикинул, туда топлива хватит. А там долю в колхозе до полного бака. Но не будешь же каждый раз в деревню заправляться ездить.

– А как ты ехать собрался? У вас же ещё прав нет. – забеспокоился отец.

– Завтра Жариковы должны к нам приехать к девяти утра. Пётр за руль сядет. – объяснил я нашу задумку.

– О, это правильно. Надо дружить. Это вы молодцы. Давай прокатимся кружок по ГСК.

– Ну, прокатись. – согласился я. – Я тут подожду, чтобы гараж не запирать.

Батя аккуратно выехал и покатился с черепашьей скоростью вокруг соседнего ряда боксов.

А я заметил в гараже старую шестнадцатикилограммовую гирию и подпёр ею одну створку ворот, потом огляделся и попробовал зафиксировать совковой лопатой вторую. Гирию бы

ещё одну...

Приехал с другой стороны отец и стал заруливать в гараж. Не очень уверенно, но с первого раза заехал. Вылез довольный!..

– А, это ты! – услышали мы возбуждённый голос. – А я думаю, кто тут разъездился!

Обернувшись, мы с батей увидели председателя.

– Добрый вечер. – поздоровался с ним отец.

– Привет Георгич. – вышел я к нему и протянул руку. – Знакомься, это мой отец, а это моя ласточка. А это наш председатель ГСК. – представил я бате Георгича.

– Ну, теперь всё понятно. – протянул он руку отцу. – Виктор.

– Тарас. – с удовольствием познакомился с ним батя.

– Шустрый у тебя малый. – типа, шепнул отцу Георгич.

– Весь в меня. – со счастливой улыбкой ответил батя.

– Неудобно вас выгонять. Но мне на вождение уже надо. – виновато сказал я.

– Давай, давай, сын. Меня самого уже дома потеряли. – спохватился отец, что оставил сумку от Галии где-то в боксе.

Батя с Георгичем ещё раз пожали друг другу руки, и мы заперли гараж, предварительно убрав мои импровизированные подпорки створок ворот. Надо не забыть из деревни мою старую гирию привезти. – думал я. – Это не в руках переть на общественном транспорте, теперь машина есть. Да!

Мы вышли из гаража.

– Тут станция электричек в двух шагах. – показал я отцу направление. – Тебе на электричке одну станцию удобнее проехать и у себя будешь.

– Знаю. – кивнул отец. – Ну, поздравляю тебя ещё раз. Молодец!

– Да я-то что? Холодильник со стиралкой ты подогнал. Машину Фирдаус.

– Ну, не скажи. – возразил отец. – Деньги на покупки твои. И Фирдаус тебе машину не за красивые глазки подарил. Так что, так держать, сын!

– Спасибо, пап! – обнял я его. – Кире и пацанам привет.

– Обязательно. – потряс он сумкой, в которой стучались друг об друга консервные банки.

Батя пошёл на электричку, а я чуть не бегом припустил домой, опасаясь опоздать к началу урока. У нас если кто опоздал, то меньше катается. Следующие начинают строго в своё время. А Галие ещё надо к экзаменам поучиться. В прошлый раз попросил инструктора, чтобы он с ней и моё время занимался. Он спокойно согласился, во мне он уже не сомневался, я себя на дороге уверенно чувствовал. Единственное, против чего он меня всё время остерегал, это не быть на экзамене слишком спокойным и уверенным.

– Те, кто себя за рулём уверенно чувствуют, – объяснял он. – Очень часто нелепые ошибки допускают и не сдают экзамен. Поворотник при остановке не включают. Или сиденье подёргать забудут, вроде, регулируют. Понимаешь? – учил

он меня. – Весь ритуал надо чётко отработать.

На самом деле, сейчас экзамены по вождению простые до безобразия. Площадки нет. Никаких тебе двориков и эстакад. И в городе ни разворотов, ничего! Надо тронуться, немного проехать и по команде инспектора остановиться. Всё! Не сдать очень сложно. Но нет системы баллов. Либо сдал, либо не сдал. Любая ошибка – это не сдал. Будет очень обидно, если не сдашь из-за того, что поворотником не поморгал, стартуя или останавливаясь.

Дома после прогулки с Тузиком торжественно достали с женой ещё одну плитку из кастрюли. Прошли сутки. Сколько ни присматривался к цвету воды в кастрюле, ничего в неё не выделилось. Была мысль, что могли нахимичить при производстве с чем-то не очень полезным для здоровья. Но потом подумал, что розочки на химически опасном строительном материале делать не стали бы.

Дали плитке остыть до комнатной температуры и сунули под холодную воду, потом под горячую. Плитка продержалась секунд пятнадцать и треснула, вызвав возглас отчаяния у Галии. Она, затаив дыхание, ждала, чем закончится мой эксперимент, и когда плитка лопнула, реально расстроилась.

– Малыш! Ну, ты что? – воскликнул я, заметив слёзы в её глазах. – Всё же хорошо! Она уже продержалась недолго. И треснула, а не раскололась на куски. Мы на верном пути!

– Да? – взглянула на меня с надеждой жена.

– Конечно! Оставим ещё на ночь.

Так и мы и сделали.

Утром в субботу на прогулке договорился с Родькой, что он отвечает за Тузика до завтрашнего вечера.

Вернувшись, застал жену, задумчиво стоявшую над кастрюлей с плиткой.

– Ну что, наступает решающий момент. – сказал я, начиная тоже волноваться.

Плитка выдержала. Несколько раз мы её охлаждали и нагревали под краном. Она выдержала! Слили воду с кастрюли, достали оставшиеся плитки. Они тоже прошли все наши испытания. Бинго!

Жена запрыгала на месте от радости, хлопая в ладоши.

– Спокойно! Малого укачает. Представляешь, если его тошнить начнёт? – шутя остановил жену я.

Она так радовалась.

– Подожди, дорогая, радоваться. Что это нам даёт? Пока, ровным счётом ничего. Может, пацаны уже всю плитку перебили...

Мне надо попасть в этот институт... Может, с лекцией? Познакомлюсь с руководством, заикнусь, что живу тут рядом, типа, приглашайте, если что, буду рад с вами сотрудничать. А через пару дней приду к руководству и скажу, беда, товарищи! Недогляд с вашей стороны! Весь район осколками вашей плитки усыпан, с собакой не пройти. Я как выяснил, откуда она, сразу к вам, по старой памяти. Давайте срочно что-то делать, пока большой скандал не приключился...

А там видно будет. Буду действовать по обстоятельствам.

Хороший план, навскидку. Надо Константину Сергеевичу не забыть позвонить в воскресенье вечером. Уверен, что и в этом институте заказывают лекторов из «Знания», так почему бы меня туда не отправить?

К девяти мы уже были готовы и только ждали Жариковых. Они приехали на электричке и шли к нам пешком.

– Следующий раз, если куда соберёмся, то встречаться будем в гараже. – сказал я, одеваясь. – Вы, как раз сейчас мимо него прошли.

Инна заметно округлилась. Гонять её туда-сюда совсем не хотелось.

– Давайте, мы с Петром сейчас сами в гараж, и за вами вернёмся? А, девочки? – предложил я. – Подождёте нас?

– Конечно. – поддержал меня Пётр. – Передохни пока. – обратился он к жене. – Лучше немного времени потеряем. Куда нам торопиться?

Инна с готовностью осталась, чувствуется, ей тяжело уже далеко ходить. Пётр сумки тоже оставил. Мы с ним вышли на улицу налегке и поспешили на ту сторону проспекта Мира.

Подошли к ГСК, свернули в наш проезд, а там отец у гаража дежурит! С двадцатилитровой канистрой в руке.

– Вот, подумал, раз в деревню едете, то запасись там дизелем, на всякий случай. – сказал он.

– Где ты канистру взял? – удивился я, видя, что она совсем

новая.

– Так купил вчера по дороге домой. Ты сказал, что к девяти встречаетесь, я и примчался... Тут одна остановка от нас на электричке.

– Да, станция тут близко. – поддержал его Пётр и протянул ему руку, здороваясь.

Реакция на машину у Петра была такая же, как у бати вчера. Да и батя ещё не успокоился.

– Давай, выезжай, – командовал он Петру. – И пусть поработает на холостых, прогреется. И не рви сразу, как поедешь. Пащ, слышишь? Первые пару километров движок никогда не насилуй.

Заперли гараж и стояли возле прогревающейся машины.

– Хоть с вами езжай... – озабоченно проговорил отец.

– Да не волнуйтесь, Тарас Семёнович. Доедем. Я когда-то на «Победе» много ездил. – успокаивал его Пётр.

– Это не «Победа». – возразил ему отец. – Не спеши и не рискуй на обгоне! Тише едешь, дальше будешь.

– От того места, куда едешь. – пробурчал Пётр. – Не волнуйтесь, всё нормально будет. Довезу с ветерком.

Ты чего! – покрутил я у виска за батиной спиной. – Каким ветерком?!

– Не волнуйся, пап. – пришлось мне вмешаться. – Я за ним присмотрю. У нас полная машина беременных женщин. Мы осторожно будем ехать. А если Петя Инну растрясёт, будет сам роды в поле принимать. – многозначительно посмотрел

я на зятя.

– Смотри у меня! – погрозил Петру пальцем отец. – Осторожность, внимательность и предсказуемость!

– Правило трёх «Д» – добавил я.

– И что это за правило? – повернулись они ко мне.

– Дай дорогу дураку. – улыбнувшись, ответил я. – Ну, поехали?

– Давайте, дети. Осторожней. – провожал нас отец, как на войну.

Пётр поехал не так медленно, как вчера отец, лучше бы он у него на глазах не демонстрировал свою уверенность за рулём, батя меньше переживать будет. Открыл окно и на повороте помахал рукой отцу, идущему пешком вдоль гаражей.

Не поленился, ведь, с утра пораньше притащил канистру... Ну классный же батя... Вот только как так вышло, что он со своими женщинами так плохо уживается.

Девчонки, похоже, ждали нас у окна, потому что, когда мы поднялись, они уже полностью одеты были. Навьючились сумками и пошли вниз. Галия закрыла квартиру и осталась с Инной ждать лифт. Инне тяжело спускаться, живот обзор уже закрывает, ног не видно. А ещё ходить и ходить...

Девчонки уселись сзади, убрав собачье покрывало. У них свои были разговоры, у нас с Петром свои. Доехали не сказать, что прям быстро. Но не сравнить с поездкой на общественном транспорте.

Пётр поначалу был немного напряжён, но потом включи-

лась мышечная память и вернулся автоматизм.

Подъехали к дому бабушек и некоторое время сидели с Петром обсуждали, где машину припарковать. А бабушки увидели незнакомую машину и вышли из дома узнать, кого там принесло.

Мы все вылезли из машины. Увидев нас, бабушки обрадовались, начались обнимашки-целовашки. Всё внимание, конечно, на Инну, она сильно округлилась за последний месяц-полтора.

Потом уже бабушки принялись Петра поздравлять с новой машиной. Пришлось ему с сожалением объяснять, что это не его. Оби бабушки с недоверием уставились на меня, и в глазах их читался немой вопрос: «как так?».

– Чистая случайность. – развёл я руками. – Помог кое-кому, люди отблагодарили. Сам в шоке.

– Ох, Пашка!.. – пригрозила мне почему-то Никифорова.

– Ну, пойдёмте в дом. – опомнилась бабушка. – У нас первые пироги как раз скоро готовы будут.

Они каждую субботу пироги пекли. И ходили в гости к соседям или к себе приглашали. Трофим так у них уже свой стал, как член семьи. Мы с Петром разгрузили машины. Девчонки руководили, что куда, какие сумки бабушкам, какие наши. Навезли гостинцев и мы, и Жариковы.

– За стол минут через сорок. – скомандовала бабушка.

Галия осталась помогать накрывать стол. Инна поплелась

в свою комнату полежать, сидеть в машине, поджав ноги, устала. Пётр пошёл с ней. А я решил осмотреть пяточок перед воротами с внутренней стороны, годится ли он под стоянку машины. Сейчас машина за воротами стоит, не хочется её на ночь там оставлять. Тем более конфликты с соседями у бабушки были... Запросто сидят сейчас там, пьют, выходной же, да злобой наливаются, глядя на мою тачку. А дальше что может быть – проверять не хочется. Заработки в деревне непростые, покалечат машину по пьяни, а потом десять лет по исполнительному листу будут выплачивать по десятке в месяц.

* * *

Деревня Коростово.

Уединившись с мужем в комнате, Инна с трудом легла на бок, потом на спину. Пётр подложил ей под плечи и голову вторую подушку. Малыш уже развернулся ножками вверх и регулярно пинался прямо в желудок. А в машине ему ещё и тесно стало, он толкался так, что у Инны опять начался приступ дикой изжоги.

– Тебе не стыдно было? – раздражённо спросила она мужа. – Это не моя машина, это Пашина... – едко передразнила она его. – У пацана несовершеннолетнего есть машина, а у тебя нет. Ты считаешь, это нормально?

– Ин, ну зачем ты так? – попытался успокоить супругу

Пётр. – Ты же прекрасно знаешь, что Пашка не простой несовершеннолетний пацан. Ты сама мне это говорила, помнишь? Когда мы с ним мотоцикл нам купили. Что ты тогда сказала? Держись его! Правильно?

Инне нечем было крыть, и она промолчала, сделав страдальческое лицо. Ей, и правда, было нехорошо, особенно от того, что младший брат обскакал их с мужем, да ещё так сильно. Мало того, что живут в отдельной квартире, так еще вдобавок и с машиной уже, причем новой, и с гаражом. Почему так несправедливо все! Ведь студенты оба...

* * *

Площадка перед воротами со стороны нашего участка представляла собой обычную дернину с остатками прошлогодней травы. По колеям видно, что грузовые тяжёлые машины периодически подъезжали к дому.

Земля ещё совсем мягкая, снег не так давно сошёл. Надо подождать, пока тут просохнет и можно будет заезжать. Только колеи надо сначала выровнять, пока земля влажная и пластичная. Переобулся в резиновые сапоги и начал топтаться по краям колеёй, выравнивая их своим весом. Вот, бес толковое занятие. Осенью дрова закажут и опять всё снова-здорово. Может, выровнять и засыпать чем-нибудь? Пескогравийную смесь хорошо бы привезти, хотя б, машину или отсев с щебёночного производства... И как это сделать?

Пока мы с Петром тут вдвоём, сразу и раскидали бы.

Пошёл к Трофиму, он местный, всё тут знает.

Глава 9

г. Москва.

Деревня Коростово.

– Это с карьера надо машину гнать. – задумчиво проговорил дед. – Можно и у нас с кем договориться. Но что ехать, если там экскаваторщика нет. Суббота же.

– Эх, жаль. – ответил я. – Пока зять здесь, думал, раскидаем по быстренькому с ним.

– Что раскидаем? Самосвал руками? Да какой? – недоумевал старый. – Трактор пригоним и разровняем, что снег нам чистил.

– Трофим, организуй, пожалуйста. Ты всех знаешь, со всеми договоришься. Я бабушкам денег оставляю. Пусть нам засыпят место под машину за воротами.

– Сделаем. Что ж... – пожал плечами дед. – А ты чем хочешь отсыпать? Наши все отсевом дворы засыпают.

– Что за отсев?

– От щебёнки отходы. Дождь пройдёт, он как будто склеивается и твердеет. А если по нему ещё машиной туда-сюда покататься, как асфальт будет.

– Что-то новенькое. – удивился я. – Проверенное хоть средство?

– А то!

– Хорошо, давай попробуем, что за отсев такой. – согла-

сился я и пригласил деда к нам. – Бабушки там стол накрывают.

Долго уговаривать Трофима не пришлось.

* * *

Святославль. Квартира Якубовых.

Вся семья была в сборе, когда настойчиво зазвонил межгород. Ближайшей к телефону оказалась Оксана и схватила трубку. В коридор вышли Марат и Загит и остались послушать, кто звонит.

– Привет! – услышала она на том конце голос сестры мужа.

– Здравствуй, Дилара. – разочарованно ответила Оксана. Дилару она не любила, у той на всё было своё мнение и оно, почему-то, всегда отличалась от Оксаниного.

– Поздравляю. – заявила вдруг Дилара. – Посмотрела, как твоя дочка устроилась!.. Это что-то с чем-то. Где вы такого зятя взяли? Там ещё таких не осталось моей Заре? – смеясь, спросила Диля.

– На. Это тебя. – сунула трубку мужу Оксана и с недовольным видом осталась стоять рядом.

– Привет, сестрица! – радостно сказал в трубку Загит. – Ну, рассказывай, как дела? Как съездили в Москву? – потребовал он и приготовился слушать.

– Что там? – тихонько спросил мать Марат.

Та раздраженно перевернула плечами и Марату пришлось встать поближе к отцу и прислушаться. Хотя и так хорошо было слышно.

– Ну, скажу я тебе, – делилась с братом Дилара, – я не верила тебе, пока сама всё не увидела. Зять у вас, и правда, деловой. Квартира в Москве двухкомнатная, машина, полки от импортных деликатесов ломаются... Я некоторые у них впервые попробовала!

– Ну, я ж не буду сочинять. – ответил сестре Загит, улыбаясь. – А вообще, как у них между собой?

– Ты знаешь, хорошо. Он о ней очень заботится. И Галия у вас девочка хорошо воспитанная. Прекрасно они ладят... Один раз только расстроенную её видела, соседка на неё своё раздражение выплеснула не по делу совсем... – делилась впечатлениями сестра. Загит напрягся, а Марат ухом с другой сторону к трубке прижался. – Карим Павла еле остановил, – продолжала Дилара, – тот уже хотел идти с этой дурочкой разбираться. Но я сама ходила, поговорила. Ты меня знаешь, Галию там никто больше не тронет.

Марат при этих словах показал отцу большой палец вверх, а Оксана фыркнула недовольно, сложив руки на груди, но продолжая прислушиваться.

Далее сестра похвасталась брату шикарным персидским ковром, который им удалось привезти из Москвы. В целом, вся семья была очень довольна поездкой и приёмом.

– Мы, конечно, пригласили Галию с Павлом к себе в гости.

За ними ответный визит. – заявила Дилара. – Уж мы их прием не хуже. Не хочешь тоже к нам со своими приехать? – предложила неожиданно Дилара.

Удивлённый Загит посмотрел на Марата, который активно закивал головой, потом на Оксану, которая от неожиданности совершенно растерялась.

– Спасибо за приглашение. – слегка прокашлявшись, ответил Загит. – А когда это всё планируется?

– Летом, когда дети сессию сдадут, не раньше.

– Ну, ничего не обещаю, но очень хочется. – ответил он сестре и попрощался, передавая всем привет.

* * *

Вернулся вместе с Трофимом и нас сразу за стол посадили. Все уже собрались.

– Договорился с Трофимом, – предупредил я бабушек. – что нам отсев привезут площадку подсыпать под машину перед воротами, а то сейчас там грязь непролазная. Боюсь, машина сядет.

– Ты бы договорился лучше, чтоб нам сарай новый сделать. – заявила внезапно Никифоровна. – Помнишь, обсуждали, брать ли кур? Все, решились! Уже сговорились на птицеферме цыплят взять.

– О, курочки! – оживилась Инна. – А что для них надо?

– Курятник. – усмехнулась бабушка.

– Большой? Сколько кур вы хотите держать? – уточнил я.

– Да не... небольшой. – задумались бабушки.

– Так может, отгородим под курятник часть сарая, который уже есть? – предложил я.

– А что, можно. – поддержал меня Трофим. – Подвинет Никифоровна свой чудо-агрегат.

– Подвину, что ж не подвинуть. – согласилась та.

– Покажите, что надо делать, – попросил Петр. – пока мы тут. Да, Паш?

– Ну, хотя бы начнём. – кивнул я. – Там же дверь надо будет отдельную делать.

– Ну да. И вход для курей. – добавил дед.

– Покажешь, что и как делать? – попросил я старого.

– Давай. – согласился он. – Досок у вас не хватит. Давай, досок ещё на пилораме закажем.

– Сколько денег надо? – уточнил я. – Давай, сразу оставлю.

– Не надо ничего оставлять! – запротестовала бабушка. – У нас и пенсия, и зарплата. Вы рабочей силой помогите. – посмотрела она на нас с Петром.

– Конечно, бабуль. Всё сделаем. – пообещал я.

– Тут у Балдина скоро день рождения. – задумчиво добавила бабушка.

– О, когда?

– Двадцать первого апреля. Что подарить ему? Голову сломала...

– Хорошо, что сказала... – озадаченно почесал я затылок. – Балдин хоть и генерал, а нормальный мужик. Думаю, он очень рад будет гостинцам из деревни: тушеночке вашей, настоечке Никифоровны. Жаль, что колбасы вашей домашней уже не осталось...

– Сало ещё есть. – подсказала Никифоровна.

– С чесночком? – заинтересовалась Инна.

– С чесночком и с перчиком. – улыбнулась бабушка. Сало по её рецепту мы все любили.

– Хотите, грибов сушёных дам? – предложил Трофим. – Белых.

– Ну вот, собрали передачку генералу. – подвёл итог я. – Ещё я куплю от нас коньяк хороший и нормально будет. Он генерал, у него и так всё есть. Тут главное – внимание.

– А передать как? – неуверенно спросила бабушка.

– Да я на службу к нему заеду. – ответил ей.

Жариковы участия в обсуждении подарка генералу не принимали, сочли, что это их не касается. Знали бы они, кому обязаны своим переводом в Москву...

После обеда передохнули немного и пошли работать. Вычистили с четверть сарая, перетаскали всякий хлам, прикинули, где будет перегородка, из чего каркас для неё сделать, сколько досок надо купить.

– Полы придется настилать. – осмотрел Трофим земляной пол в сарае. – Второй раз стены и крышу обшить...

– Чтобы утеплить? – предположил я.

– Чтобы хорьки не лазили. – ответил дед. – Ну, и сквозняков чтоб не было, куры не любят сквозняки.

– Вот они хлопотные. – заметил Пётр.

– Всё живое хлопотное. – усмехнулся дед. – За курами уход, знаешь, какой нужен. Сено надо будет заготавливать, опилки привозить. О, вентиляцию надо обязательно делать.

– Надо бы еще сеткой металлической обшить все щели. Хорьки хитрые и в любую дырочку пролезут. – задумчиво сказал я. – Вот только где ж ее взять, сетку эту?

– Даже не мечтай. – махнул рукой Трофим. – днем с огнем не сыщешь, дефицит страшный. Досками покрепче заделаем, да проверять будем время от времени. Сойдет.

– А как куры зиму пережидают? – поинтересовался я.

– Лампочки включенными оставляют, они воздух греют.

В темноте куры не несутся.

– Окно надо, – подсказал Петр. – для света.

– Поспрашать надо, может есть у кого какое старое. – предложил Трофим.

– Поспрашивай, пожалуйста. – попросил я. – И дверь, тогда уж. Обить мы её и сами сможем...

Представив себе объем работ, я немного напрягся.

– Это придётся каждые выходные в деревню ездить, чтоб к лету все сделать успеть. – сказал я Петру. – Никуда не денемся, но это того стоит. Детей лучше деревенскими продуктами кормить. Меньше аллергий всяких будет.

– Инна хотела декрет тут пересидеть. Как чуть потеплеет,

так и переберется сюда до родов. – согласно кивнул Петр.

– Хорошая мысль. – поддержал я. – Свежий воздух все же...

Петр кивнул, потом махнул рукой:

– Это я к чему рассказал? Буду на все выходные сюда приезжать на мотоцикле. Вот, будет чем заняться с этим курятником.

– Так и я помогу. – добавил дед. – Что мы? Втроём не справимся?

– Ой, Трофим, – воскликнул я. – Ты нам если с досками, окном и дверью поможешь, уже здорово выручишь.

– Надеюсь, к следующим выходным уже что-то готово будет. – пообещал старый.

– И ещё, такое дело... У кого тут дизельное топливо можно купить? – спросил я его.

– Зачем тебе?

– Машина... – кивнул я на свою «Варшаву». – Движок импортный, дизельный.

– Ну, пошли к Борьке, это зять Михайловский. Только ты ему бутылку не предлагай! А то Шурка нас на тряпки порвет. Денег дай, сколько не жалко.

– Кому, Шурке? – сразу уточнил я.

– Не, можно Борьке. Бабы узнают, сами отберут. Но ему все равно приятно будет, что уважение проявил.

Начало темнеть, Пётр вернулся в дом. А мы вышли с Трофимом из дому и вдруг оказалось, что мы направляемся к со-

седям, с которыми у нас война была сразу по приезду. Я уже и забыл, как там кого зовут, так что и не понял сразу, куда старый идти предлагает. С тех пор с ними и не общался и, конечно, занервничал, как они нас примут.

Пёс их на нас не отреагировал, знал Трофима. Старый уверенно зашёл на крыльцо и постучал в дверь.

– А бати нет. – открыла нам дверь соседская дочка. Где-то в доме плакал маленький ребенок. Точно, она же беременная летом ходила. Она уже собралась закрыть дверь перед нами, но Трофим остановил её.

– Стой, Ксения! Мужа позови.

Та всё равно захлопнула перед нами дверь, ни слова не сказав. Но очень скоро к нам на крыльцо вышел молодой парень, косая сажень в плечах.

– Здорово. – протянул он нам руку по очереди и тут же закурил.

– Борь, насыпь соляры человеку. – тут же попросил Трофим.

– Сколько? – как о само собой разумеющемся спросил механизатор.

– Сколько? – тут же переадресовал мне вопрос старый.

– Бак под завязку и канистру двадцать литров. – ответил я.

– Дома столько нет. – с удивлением посмотрел он на меня. – Ничего не путаешь? Соляру в «Победу»?

– Экспериментальная... – развёл я руками.

– Надо до гаража доехать. – сказал Борис и скрылся в до-

ме.

– Куда он? – не понял я.

– Может, переодеться, может, за ключами какими. – отмахнулся дед. – Откель я знаю?

– Да, немногословный товарищ. – сказал я. – Но, хотя бы не отказал.

Вскоре сосед вышел одетый в то же самое. Может просто жену предупредил, что отъедет.

Мы пошли к машине, хорошо, ключи от неё в кармане остались лежать, время тратить не пришлось, за ними бегая. Довез соседей до конца деревни. Там, за небольшим лесочком располагался колхозный «гараж», огромная СТО.

– Сейчас налево и вон к той бочке. – показал мне Борис на огромную цистерну.

Мы вышли из машины, откуда-то выскочили собаки и начали нас очень агрессивно облаивать.

– Верный! Мля! Свои! – уверенно рявкнул на самого крупного пса Борис, и все собаки резко утихли, продолжая крутиться неподалеку, повиливая хвостами.

Механизатор по-хозяйски подошел к цистерне, подставил выдавшее виды ведро и открыл кран.

Боже. Целая цистерна соляры. И охраняется одними собаками. Первый раз такое вижу. Хотя... СССР все же. Этого добра навалом.

– Воронка есть? – спросил Борис.

– Воронки нет. – с досадой ответил я.

– Ничего, сейчас что-нибудь найдём. – пошарил он возле цистерны. – О, нашёл. Грязная, правда...

– Обмой соляркой из бочки. – подсказал Трофим.

Мать моя женщина! Они открыли кран цистерны и сплоснули воронку соляркой, которая стекала прямо на землю.

Потом ведром аккуратно наполнили мне канистру, подставив её под включенные фары. Потом также ведром заливали в бак. Всё боялся, что перельют и вся машина будет в соляре, но вроде обошлось.

Приехали обратно, дал Борису трояк за хлопоты. Тот был доволен.

– Спасибо. – протянул я ему руку на прощанье. – Можно я буду обращаться иногда?

– Обращайся. – гораздо приветливей ответил сосед и пожал мою руку.

А мы с Трофимом пошли к нам.

– Слушай, а ничего, что они с нами полаялись в прошлом году? – спросил его. – Не подставят меня никак с этой соляркой?

Трофим аж остановился, так опешил.

– Да ни в жисть! Бабка твоя тут живет, в колхозе работает, так что ты теперь все равно что свой. А своих у нас в деревне нельзя сдавать. Мы ж такому деятелю потом такое устроим, что драпать отсель в одних портках будет, и побоится возвращаться!

Еле руки отмыли от солярки. Нас усадили за стол.

Под шикарную закуску позволили себе по тридцать капель фирменной настойки от Никифоровны.

– О, что вспомнил. – поднял указательный палец вверх Трофим. – Под крышей в курятнике нужно сделать сеновал. Сено хранить. Зачем курям такой потолок высокий?

– Всё, хватит о делах. – наехала на него Никифоровна. – Отдыхаем.

И мы отдыхали. Душевно так посидели, песни попели. К ночи пошел дождь, поднялся ветер. На улице было совсем темно.

Вдруг в окно что-то стукнуло, может, ветку дерева ветром принесло. Стоя у окна и всматриваясь в тьму, подумал, что антураж какой-то мистический. Только карканья вороны не хватает...

– А что же ты никогда не говорила, что ты ведьма потомственная? – решил я отвлечь слегка испугавшуюся жену.

– Я?! – ошалелыми глазами уставилась она на меня. – Я не ведьма...

– А зря. – усмехнулся я. – В хозяйстве пригодилось бы.

– Да ну тебя. – в шутку замахнулась она на меня, смекнув, что я ее разыгрываю.

– Ты же комсомолка, экс-помощник секретаря комсомольской организации большого завода. – продолжал я троллить жену. – Как тебе удаётся совмещать в голове комсомол и колдовство?

– Я не совмещаю. – честно глядя мне в глаза, заявила Га-

лия.

– А как тогда тебе удалось меня околдовать? – спросил я хихикнувшую в ответ жену, и приобнял ее.

Под стук капель о металлический отлив под окном уснули очень быстро и проснулись только в десятом часу утра.

Воскресенье провели в доме. Погода испортилась, до обеда шел дождь, и мы сидели дома. Пожалел, что не взял с собой учебники. После обеда легли спать, а проснувшись, начали собираться потихоньку домой.

* * *

Москва. Дом Ивлевых. Квартира Брагина младшего.

Генерал Брагин второй час один сидел в пустой квартире, что купил сыну. Привёз ему кожаный диван, немного потертый, но в прекрасном состоянии. Представлял, как сын обрадуется, а его дома не оказалось.

Хорошо, что у генерала имелся с собой свой ключ от этой квартиры. Диван в лифт не влез. Подчинённые замучились тащить его на девятый этаж. Вот был бы конфуз, если бы у генерала ключа от квартиры не было!

Отогнав дурные мысли, Брагин-старший взял с раскладушки подушку, пристроился на диване и решил вздремнуть, дожидаясь сына. Очень ему хотелось посмотреть, в каком тот явится состоянии. Беспокоился он за него...

Константин пришёл не то чтобы очень поздно, но отец уже

успел уснуть, проснуться и начать нервничать.

– О, папа! – включил свет в комнате Константин. – Ого! Диван... Давно ты тут?

– Давно. Выспаться успел. – генерал встал и подошёл к сыну, приносиваясь. Алкоголем не пахло. Но глаза... зрачки по пять копеек... – Ты где был?

– Наташку провожал. – бесхитростно выложил сын.

– Что за Наташка? – внутренне напрягся генерал и устроил сыну форменный допрос с пристрастием.

Возвращался домой Брагин-старший в расстроенных чувствах. Только Наташки из Подольска не хватало. А они со старинным другом Томилиным уже мечтали, как детей познакомят, потом женят и будут общих внучат нянчить... Женечка такая девушка очаровательная, в Историко-архивном учится. Генерал уверен был, что стоит только сыну её показать, как он сразу влюбится и тут же женится.

Единственная дочь районного прокурора, – думал генерал, – всё лучше какой-то Наташки из Подольска. Надо срочно их знакомить, пока у сына там не зашло все слишком далеко.

* * *

На улице было сыро, грязно и ветрено. Укладывая вещи в машину, порадовался, что не придётся грязь месить сейчас до автобусной остановки.

Попрощались с бабушками. Они настроились на то, что Инна ещё до майских переедет к ним.

* * *

Москва. Дом Ивлевых, однокомнатная квартира на шестом этаже.

Лина сидела дома одна и пыталась читать книгу. Прочитав страницу, она поняла, что ничего не помнит из прочитанного.

Возьми себя в руки. Хватит ныть. Всё плохое уже произошло. Надо просто жить дальше. – сказала она сама себе и принялась читать страницу заново.

Не успела она дочитать её до конца, как в дверь требовательно постучали, и Лина, чертыхнувшись, пошла открывать.

На пороге стоял пожилой человек в сильном волнении. Отодвинув Лину в сторону, он решительно прошёл в прихожую.

– Знаете что, дамочка! – без каких либо предисловий начал он. – Если у моего сына будут на службе проблемы из-за вас, я этого так не оставлю!

– Вы отец Гриши? – догадалась Лина.

– Да! Я отец Григория! И я не позволю!.. – старому не хватило воздуха, и он задохнулся от возмущения.

Давление поднялось. – на автомате отметила Лина, заме-

тив, что дед сильно покраснел.

– Не волнуйтесь так. – проговорила она.

– А вы мне не указывайте! – очухался немного дед. – Я вам не позволю ломать жизнь достойному человеку! Боевому офицеру! У него награды!.. – опять не хватило воздуха ему. Лина молчала, прислонившись плечом к стене и скрепив руки на груди.

Пусть проорется. – подумала она.

– Я вас предупреждаю! – немного отдышался дед. – Если у моего сына будут проблемы, я молчать не стану! Я вам на работу напишу! Да! Дамочка. А вы думали, как? Крутите хвостом перед мужчинами, а потом им жизнь ломаете?! Все знают, какая вы! Я от имени общественности напишу! Я подписи у всех в подъезде соберу!

Андрей Егорович высказал всё, что собирался. Переполняемый праведным гневом прошёл мимо опешившей Лины и вышел из квартиры, громко хлопнув дверью.

– Да за что мне всё это?! – взвыла Лина и начала сползать по стене на пол в рыданиях.

Какой стыд! – думала она. – Придётся увольняться! За лабораторией, начальство, четырнадцать подчиненных... Что они все будут болтать у неё за спиной после такого «сигнала общественности»? И зачем мама то злополучное письмо отправила? Вот помогла, так помогла!

Разместились в машине и поехали. Меня очень беспокоило то, что Инна будет в деревне до самых родов. Тут же неизвестно, какая больница. Слышал, ребенок крупный в этот раз получился...

– В меня! – радостно заявил Пётр. – Богатырь.

– А начнёт рожать в деревне, повезут же в ближайшую больницу. – начал спорить я. – Что там за условия? Кто знает?

На что сестра мне ответила, что планирует за недельку до родов лечь к себе в больницу, чтобы всё было под контролем медиков с самого начала.

– Вот, это правильно. – одобрил я. Мне сразу стало спокойней. – Главное, чтоб ваш пацан не надумал раньше времени родиться.

– Ну, ляжет на две недели раньше. – сказал Пётр. – Я уже тоже об этом думал. Да, Инна? Полежишь, отдохнешь, книжки считаешь.

Сестра не имела никаких возражений.

Мы с Петром обсуждали, что надо будет Инну опять на машине везти к бабушкам и обратно.

– Когда ты планируешь перебраться в деревню? – спросил я Инну. – В следующие выходные или перед самыми майскими?

– Ещё не знаю. – пожала она плечами. – Как погода будет.

– Вы ж только заранее нас предупредите. – попросил я. –

У нас тоже планы могут быть.

– А вы просто оставьте нам машину. – как о само собой разумеющемся сказала Инна. – У вас всё равно водительских прав нет. А мы пока поездим...

Глава 10

г. Москва.

Чуть не задохнулся от возмущения. Ну сестра жжёт!

– У вас гараж еще не достроен. – как можно спокойнее ответил я. – И в конце апреля у нас уже экзамены. К майским Галия уже с правами будет, и нам можно будет ездить.

– Тебе же нет еще восемнадцати. Да и к тому же беременным нельзя отказывать, не знал?! – ехидно поддела меня сестра.

– Ну тогда, чтобы не отказывать, я просто промолчу. – сказал я по возможности нейтральным тоном.

В памяти еще свежи были воспоминания, с какими нервами пришлось сестру из нашей квартиры в малосемейку переселять. В дрожь бросало от мысли, что подобное шоу может повториться, только уже с машиной. Ну уж нет!

– Так обучаться вождению с шестнадцати лет можно. – возразил жене Пётр. – Всё правильно Паша говорит. У Галии права почти есть, да и совершеннолетняя она. Будет рядом сидеть, а Пашка за рулём, вроде как, обучается.

Усмехнулся на то, как Инна поджала губки, словно капризный ребёнок. Ой, чувствую, не конец это... Да и дома Петру сегодня достанется за то, что нас поддержал и не ухватился за возможность машину отжать на неопределенный срок.

Подмосковная деревня Коростово.

Шура Михайлова возвращалась домой от приятельницы, у которой корова отелилась. Волнительное это всегда дело... Уставшая, но довольная Шура уже подошла к дому и только тут заметила, что машины нет у соседнего дома.

– Уехали, выскочки. – зло процедила она, оглянувшись, и вошла к себе домой.

– Уехали эти! – сказала она дочери, кивнув головой в сторону соседнего дома. – Это чья ж такая машина-то? Небошь, внучка с мужем купили?

– Не, внук за солярой приходил. – ответила ей дочь. – Значит, его машина.

– Он что, к нам за солярой приходил? А вы что, дали? – удивлённо уставилась Шура на Ксению.

В кухню вышел зять.

– Мама, а в чём, собственно, вопрос? – спросил он.

– А ничего, что они дом купили, который мы вам хотели? – упёршись руками в бока, спросила Шура.

– У нас денег не было, сколько этот дом стоил. – спокойно возразил ей Борис.

– Ну и что?! – не на шутку вспылила хозяйка. – Подзаян-ли бы!

– Короче, мама, хватит прошлое вспоминать. – отрезал

зять. – Если бы да кабы... А трояк, вот он! И он сюда на своем дизельном авто будет часто наезжать – значит, каждый раз еще трояк! Вот что важно!

* * *

Приехали в гараж. Сам загонял машину в бокс, Инна разнылась, что они на электричку опаздывают, и что на машине им было бы удобнее. Все не оставляет попыток добиться своего. Не стал перечить, сделав вид, что не заметил выпада в свой адрес, заверил Петра, что справлюсь и отпустил их. Беременным не просто, особенно на поздних сроках...

Вытащил из багажника свою старую гирю, что привёз из деревни. Теперь у меня полный набор, на обе створки ворот. Сумки с гостинцами из деревни нам и Балдину, а также наши вещи пришлось нести из гаража в руках. Ничего, чуть-чуть осталось.

Придя домой, сразу сделал несколько звонков. Первый отцу. Вспомнил, как он волновался. Сообщил, что всё нормально, доехали и туда, и обратно без приключений. Пётр хорошо водит, быстро всё вспомнил. Ещё раз поблагодарил отца за канистру.

– Мне там за три рубля нацедили полный бак и твою канистру заполнили до краев. – поделился я с отцом.

– Ну, отлично. – обрадовался отец моему звонку. – Спасибо, что позвонил.

Второй звонок сделал Константину Сергеевичу в «Знание». Попросил его организовать мне лекцию в соседнем НИИ.

– А что там такого интересного? – поинтересовался Ионов, записав адрес института.

– Да, ничего особенного... Однокурсники просят подыскать им организацию, где можно было бы поработать летом в составе стройотряда. – отмазался я. – Хочу лекцию прочитать, да познакомиться там с начальством.

– О, студенческий стройотряд? – удивился он. – Похвально, похвально. Хочешь, я тоже спрашиваю?

– Конечно! Спасибо. – обрадовался я. – У нас почти вся группа летом работать собралась, и мальчишки, и девчонки. Парней человек двенадцать, им деньги нужны, готовы на тяжёлые работы. Девчонки, человек шесть, на подхвате. Или можно им отдельный объём работ где-то рядом. Такие идеалисты, представляете, Константин Сергеевич, собрались заработок за один день в Фонд Мира перечислить для голодающих детей в Африке.

– Похвально, похвально. – повторял задумчиво Ионов. Похоже, уже думал над моим вопросом.

Мы попрощались. И я повел собаку на улицу.

Григорий с Родькой уже ждали меня.

– Ну, что нового? – спросил я, протягивая Грише руку.

– Да что нового? Выходные были. Вот, завтра, по моим подсчетам, уже должны получить письмецо от мамыши Лины

в Министерстве...

– Ну, ждём... – задумчиво сказал я. – Кстати, спасибо, что с собакой выручили.

– Не за что! – отозвался Родька и помчался с Тузиком, отобрав у меня поводок.

Шли с подполковником молча. А что тут скажешь? Не говорить же «на всё воля божья». И помочь чем, не знаю. К Балдину каждый раз бегать неудобно... А то добегаюсь так, что на мои звонки отвечать попросту перестанут.

На следующий день напряжения у Григория заметно прибавилось. Похоже, он искал, чем бы себя занять, ни с того, ни с сего пообещал прибраться во дворе, осколки собрать и погонять пацанов, чтоб во дворе больше плитку не били.

Посочувствовал ему мысленно, представив себя на его месте. Уезжать меньше, чем через две недели, а тут не знаешь, собираться тебе или нет.

В университете между парами ко мне подошла, вдруг, Эмма Эдуардовна. Сама подошла и даже извинилась.

– Должна признаться, – сказала она, сильно нервничая, – не поверила тебе. Думала, дурацкая шутка... Но из секретариата Верховного Совета запросили характеристику на тебя. – теребила она поясok платья. Что ж она так нервничает? Тут же осенила догадка. Да она боится, что я во время поездки в ГДР слишком много видел! – Я уже всё подготовила, лично отвезу сегодня и передам в кадры. Характеристика хорошая, не переживай...

– Спасибо, Эмма Эдуардовна. – искренне поблагодарил я, желая успокоить её. А то слишком испуганная какая-то. – Я ваш должник!

– Ну, что ты... – растерялась она. – Я очень рада, что у нас учится такой выдающийся студент.

– Спасибо. – ответил я. – За высокую оценку.

– Не мое, наверное, дело, но не могу не спросить – а как так вообще получилось, что тебе такую работу предложили? – явно набравшись смелости, решительно спросила она.

Ну, честно говоря – да, не ее это дело. Но понятно, что так мне своему замдекана не стоит отвечать. Сам не люблю чванства и барства в других, так что нужен другой ответ. Решил особо не врать, но и всю правду не раскрывать.

– Да это все работа в «Комсомольском прожекторе» виновата. Встретился на одном из предприятий с важным человеком, зацепились языками. А недавно вот он позвонил и предложил, совершенно неожиданно, эту вакансию. Честно, понятия не имею, что у него в голове щелкнуло, что он такое предложение сделал. Но не отказываться же!

Спрашивать, что именно за важный человек мне встретился, Эмма Эдуардовна не стала. Поняла, что я не хочу фамилию светить. Ну и то, что я не все полностью рассказал, только то, что счел нужным, тоже поняла. Она кивнула, слегка улыбнувшись, и пошла по своим делам.

Блин, она поедет сама отвозить эту рекомендацию в Верховный Совет. Неудобно даже как-то так целого замдека-

на дергать... Надо будет потом ей подарить что-то в благодарность. Да использовать подарок как повод поболтать с ней побольше, чтобы перестала смотреть на меня так странно, и у нас восстановились нормальные отношения. Мне ведь у нее еще, я так понимаю, придется рекомендацию для вступления в ряды КПСС просить. Не так и много вокруг меня знакомых членов партии, что готовы будут меня с этим поддержать. Или, я на самом деле, и не знаю пока, сколько их, поскольку никогда и не интересовался этим вопросом?

Бабушка моя наверняка член партии... но родственники не в счет, вряд ли от них можно рекомендацию притащить. Папаня? То же самое – если и член партии, то мне с этого никакого толку. Гриша! Да, Гриша вполне может быть, все же подполковник, и за границу его отправляют. Но чтобы дать мне рекомендацию, он должен в это время в СССР быть, а я даже связаться с ним не могу, пока он в своем Йемене. Так, кто еще... Константин Сергеевич из «Знания»? Вот он сто пудов должен быть членом партии... и отношения у нас, вроде бы, вполне рабочие. Балдин вот еще... но нет, это уже перебор, еще и за этим к нему с просьбой идти. Ладно, надо просто иметь в виду, что ближе к восемнадцати годам такие люди у меня железно вокруг должны быть.

Подмосковный город Быково. Городской дом культуры.

Инга Леонтьевна не могла найти себе места и решила позвонить дочке на работу в обеденный перерыв, надеясь, что народу в лаборатории будет поменьше и Лина сможет поговорить с ней. Лина сняла трубку. Телефонный аппарат стоял у неё на столе, как у начальника.

– Лина, это я. – обрадовалась Инга Леонтьевна. – Ну как ты?

– Ой, мам, не спрашивай. Отец Гриши приходил, обещал мне на работу написать, если у сына проблемы на службе будут... Сама понимаешь, что в этом письме будет...

– Да как же так? – сильно забеспокоилась мать. – Это ж я написала. Причём тут ты?!

– Не надо было вообще никуда писать... – расстроено упрекнула мать Лина. – Во всяком случае, со мной сначала не поговорив, так точно...

– Ну, что сделано, то сделано. – на автомате ответила Инга Леонтьевна, судорожно сглатывая.

– Всё, мам, не могу больше говорить. – дочь положила трубку.

Надо срочно ехать в Москву. – решила Инга Леонтьевна и побежала к заведующей отпрашиваться.

* * *

После пар позвонил Сатчану, узнал, как дела.

– Работаем, предварительные согласования сейчас заканчиваем. Всё на мази. – радостно сообщил он.

– Ну и прекрасно. Держи меня в курсе. – попросил я.

Раз уж возобновил поездки на стрельбище, то лучше не бросать, а то опять долго собираться буду. Поехал домой и сразу зашёл к соседям во второй подъезд. Григорий с радостью согласился съездить пострелять.

– Хоть руки чем-то займу. – сказал он.

– Тогда я сейчас домой за ключами. – сказал я. – Выходи-те, в гараж за машиной пойдём.

Перекусив чисто символически, выскочил во двор, где меня уже ждали отец и сын Гончаровы. Недавно узнал, как их фамилия, пацан какой-то мимо нас проходил и поздоровался с Родькой:

– Гончаров, привет!

Дошли до гаража и оттуда поехали на машине в часть.

* * *

Капитан КГБ Румянцев, сидя в своём кабинете, занимался текущей рутинной. Разбирал поступившие запросы,

раскладывая их по приоритетности. Как вдруг он застыл над очередным запросом, прочитав его несколько раз.

Секретариат Верховного Совета СССР запрашивает разрешение на оформление на работу Ивлева Павла Тарасовича 1955 года рождения в качестве референта с доступом в отдел специального хранения Библиотеки им. Ленина.

Память у капитана была профессиональная. Паренька этого он хорошо помнил. Да, необычный, да, интересный, да, многообещающий... Но чтоб вот так, с первого курса сразу в Верховный Совет на службу? Откуда там про него узнали вообще?

Капитан взял запрос и пошёл с ним к начальству. Полковнику точно будет интересно... Тем более надо с ним согласовать ту самую лекцию Павла Ивлева по линии «Знания», прежде чем запрос туда отправлять. Мало ли, он уже передумал...

* * *

Постреляли очень результативно, все остались довольны. Попрощались с инструктором и поехали к себе. Заперли в гараже машину и пошли через магазины домой. По дороге поделился с Григорием, что одному знакомому генералу надо подарок на день рождения сделать. Абы что покупать не хочется. Подполковник сразу включился в мою проблему и предложил помочь выбрать. Мы направились в ближайший

гастроном у метро и зависли перед полками с алкоголем.

* * *

Москва. Дом Ивлевых. Квартира Гончаровых.

Андрей Егорович проводил сына и внука гулять и занялся стряпней. Хозяйки в доме второй год уже как не было, супругу старый схоронил и, если б не внук, наверное, и сам бы отправился вслед за ней. Но пришлось мобилизоваться, стиснуть зубы ради мальчишки. Андрей Егорович не простил бы себе, если б Родька в детском доме оказался. Не хотелось проверять, отпустят ли сына с зарубежной службы, если внука из-за его отсутствия в стране начнут в детский дом пристраивать... Так что – надо продержаться, пока Гриша родину защищает на дальних рубежах...

Начистив картошки для жарки и луковицу, старый налил на сковороду подсолнечного масла и стал прямо в сковороду на руках кромсать картошку.

Не успел он и трети нарезать, как в дверь постучали.

На пороге стояла пожилая незнакомка.

– Вы отец Григория? – спросила она.

– Да... – удивленно ответил он.

– Мне надо с вами поговорить. – нерешительно топталась она на пороге.

– Ну, проходите, раз надо. – ответил старый и пропустил её в квартиру.

Разувшись, она прошла в кухню. Было видно, что незнакомка очень нервничает.

– Я мать Лины. – повернулась она к Андрею Егоровичу, тут же сильно помрачневшему. – Она не виновата. Это я, дура старая. Не ломайте жизнь девочке. Мне на работу пишите. Это я дура, написала то письмо... – она била себя рукой в грудь при этом, а дед стоял, как скала, мрачный и неприступный.

В отчаянии она бросилась к нему.

– Ну, хотите на колени встану! – вскричала она и сама не поняла, как слезы покатались у нее из глаз. – Что ж я наделала?! Работа это единственное, что у дочки хорошего было в жизни. А теперь и этого не будет...

– Мать есть, уже хорошо. – тихо проговорил дед и уже громче добавил: – Не реви. Не буду я никуда писать... Но это только, если у сына проблем не будет с вашей писульки... Не заслужил он такого... честно и верно служит своей стране, в не самых простых условиях.

Услышав это, гостья взглянула на него, как будто ушам своим не верила.

– Правда? – с надеждой в голосе спросила она.

– Правда. – недовольно ответил старый.

– Ой, спасибо! – чуть не кинулась она его обнимать. Но в этот момент ей в нос явственно ударил запах чего-то горелого.

Оглянувшись на плиту, она всплеснула руками. Но деду

в данный момент было плевать, что у него что-то там подгорело. Он понял, что неожиданная гостья услышала только часть им сказанного, как с женщинами часто бывает, только то, что хотела услышать, и надобно повторить для лучшего понимания:

– Повторю еще раз – если у сына не будет проблем. Если будут – что хотите делайте, бегайте на поклон к Министру обороны, письмо свое отзывайте, пока его не отмолите. А не справитесь... другой разговор тогда начнется. Ничего он вашей дочке не обещал, чтобы его службу так подлю гробить.

* * *

В конце концов, мы остановились с Григорием на подарочной упаковке из трёх бутылок армянского коньяка. Шёлковая белая подкладка в коробке выглядела очень солидно, как раз по-генеральски. Если такой подарок Балдину не понравится, то не знаю уж чего тогда и дарить.

У нас с женой ещё курсы водительские сегодня, поэтому поспешили из магазина сразу домой.

* * *

Москва. Дом Ивлевых. Квартира Гончаровых.

Вернулись домой отец и сын Гончаровы в хорошем на-

строении. Родька был счастлив от общения с отцом и очень им гордился. Григорий это чувствовал. Иногда он замечал у сына грустный взгляд, когда тот думал, что его никто не видит. И чем ближе к концу отпуска, тем чаще это стало случаться. Задумавшись, Григорий пропустил Родьку вперёд себя в квартиру.

– Здравствуйте. – с кем-то поздоровался тот.

Григорий сделал шаг вперёд и увидел отца, сидящего за столом, а у плиты хлопотала... Лина мать. Вот так встреча... И совсем не приятная для него, однозначно!

Несколько мгновений они изумленно смотрели друг на друга. Потом Инга Леонтьевна засуетилась, развязала фартук, поспешно попрощалась и ушла.

– И что она тут делала? – прошёл Григорий в кухню и вопросительно уставился на отца.

– Картошку жарила. – невозмутимо глядя на сына, ответил дед. Не рассказывать же ему, что пригрозил бабам письмо Лине на работу написать... – Давай, попробуем, что у неё получилось.

* * *

Галия уже ждала меня. Показал ей подарок для Балдина.

– Солидно выглядит. – одобрила она.

Мы быстренько собрались и поехали на курсы.

* * *

Инга Леонтьевна зашла к дочери, но не застала её, Лина ещё не вернулась с работы. А завтра рабочий день, с утра на работу, а еще надо до Быково добраться. Инга Леонтьевна не стала дожидаться дочку, написала ей записку, что работает над тем, чтобы дед Гриши никуда ничего не писал, и оставила на столе на кухне на видном месте.

Пусть, успокоится и живёт дальше спокойно. – думала Инга Леонтьевна, спеша к метро. – Хотя, и Линин кобелино хорош собой. И старый у них ещё вполне себе крепкий. Что ж мужики-то такие капризные? Кого им надо? – с досадой думала она.

* * *

Капитан Румянцев прошел немного вдоль по коридору, постучал в дверь кабинета и тут же открыл её.

– Разрешите, Павел Евгеньевич?

– Заходи Петрович. – позвал хозяин кабинета. – У тебя такой вид, как будто Дзержинского только что видел.

Олег Петрович положил перед ним запрос из Верховного Совета на Ивлева.

Павел Евгеньевич пробежал по нему глазами и отложил

перед собой, глубоко задумавшись.

– И что ты по этому поводу думаешь? – спросил он подчинённого.

– Семимильными шагами идёт.

– Большому кораблю, большое плавание... – возразил ему собеседник. – Давай, приглашай его к нам с лекцией, раз уже приехал из ГДР. Хочу сам на него посмотреть.

Вернувшись в свой кабинет, капитан Румянцев затребовал к себе досье Ивлева.

* * *

Общество «Знание». Кабинет Константина Сергеевича Ионова.

Константин Сергеевич был в кабинете один. Скоро конец рабочего дня и он уже начал собираться домой. Вдруг зазвонил телефон.

– Константин Сергеевич? – услышал он из трубки строгий голос.

– Да. Слушаю вас. – ответил он, сразу заинтересовавшись тем, кто может так официально представляться. Такие интонации звучали в голосе, как будто его куда-то повесткой собрались вызывать. Когда-то, было время, офицеры с таким голосом звонили, вызывая его на военные сборы. Но вот только давно прошло то время, когда от него могла быть польза для армии...

– Капитан госбезопасности Румянцев Олег Петрович. – представился собеседник. – У нас запрос – прислать к нам Ивлева Павла Тарасовича для проведения лекции. – настойчиво потребовал он.

– Да. Как скажете... – растерялся от неожиданности Константин Сергеевич. – Когда? Куда? И какая будет тема лекции? – опомнился он.

– Тему лекции и её содержание мы согласуем непосредственно с Ивлевым заранее. Обеспечьте явку Ивлева завтра в 10.00 в Комитет.

– Да-да... – торопливо записывал за капитаном Румянцевым Константин Сергеевич.

Надо звонить Гаврилиной. – подумал он, когда капитан попрощался с ним, оставив все указания.

– Эммочка Эдуардовна, приветствую, Ионов. – дозвонился он замдекана. – Студента твоего Павла Ивлева завтра в 10.00 в Комитете Государственной Безопасности ждут. Сними его с занятий, пожалуйста. Нет-нет, всё нормально, лекцию хотят в его исполнении послушать... Это же мой профиль, чего бы я иначе звонил? Нет, я сам ему сейчас позвоню... Кто ж его знает, сколько его в Комитете продержат?.. Спасибо, Эммочка Эдуардовна. Всего хорошего.

Это что ж получается? Павел с Комитетом сотрудничает? – озабоченно думал Константин Сергеевич. – А как же подарки? – с ужасом вспомнил он, как брал у него подарки от коллективов, да еще целыми ящиками...

Лучше не буду больше ничего у него брать. – решил он. – Бережёного бог бережёт.

* * *

Не успели мы раздеться, вернувшись домой с курсов, как зазвонил телефон. Звонил Константин Сергеевич из «Знания». Огорошил меня тем, что я завтра к 10 утра еду в КГБ. С Эммой Эдуардовной он договорился, освободил меня на целый день. Потребовал записать, куда мне завтра явиться. О, капитан Румянцев, знакомые всё лица. И что на этот раз? Отчитаться за поездку в ГДР?

– Позвольте... – сообразил, наконец я. – А почему вы мне об этом сообщаете?

– Они хотят, чтоб ты лекцию у них прочитал. – торопливо ответил он.

– Правда? А что за тема? – удивился я.

– Тему мне не назвали, сославшись на секретность. – скупово выдал Константин Сергеевич.

– О, как! – ещё больше удивился я.

– Да-да. Завтра явишься в Комитет, тебе всё объяснят.

И скажут, когда лекция.

– Ну, огорошили вы меня. – откровенно признался я. – Но делать нечего, завтра поеду к ним.

– Давай, удачи. – попрощался со мной Константин Сергеевич.

Надо же, уже и с занятий меня отпросил... А вот голос мне его не понравился – как-то зажато он со мной разговаривал... Прежние приятельские нотки куда-то исчезли совсем.

Но ладно, сейчас не до этого... Что же Комитету надо? Не связано ли это с моим трудоустройством в Верховный Совет? Но причём тут лекция?

– Кто звонил? – поинтересовалась Галя.

– А, это с работы. – не стал я пугать жену. – На завтра немного планы поменялись.

– Сильно? – подошла ко мне жена. – Нас в гости вечером завтра пригласили...

– Кто?

– Художники.

– А, ну это на первый этаж спуститься. Конечно сходим, дорогая.

Глава 11

г. Москва. Квартира Ивлевых.

Пёс явно намекал, что пора гулять. Поспешил переодеться и вывести его на улицу.

Родька носился вокруг отца, изображая самолёт, а тот ходил взад-вперёд вдоль дома в ожидании меня, уставившись себе под ноги. Опять что-то случилось, – сразу подумалось мне.

– Что у нас плохого? – спросил я вместо приветствия.

– О, здорово. – пошёл он мне навстречу. – Сам ещё не понял.

Родька привычно забрал у меня поводок и умчался вдоль двора.

– А поконкретнее. – попросил я. – Что случилось-то?

– Пришли с Родькой домой после магазина, а у нас дома мать Лины картошку моему старому жарит. – и Григорий развёл руками, мол, понимай как хочешь.

– Да ладно!.. – удивился я и начал смеяться.

– Что ты ржёшь? – слегка смутившись, спросил он.

– По-моему, ты с батей в окружение попал. – сквозь смех ответил я. – Дочки и ее мамани.

– Накаркаешь. – озадаченно ответил подполковник.

– А дед-то что говорит? – продолжая смеяться, спросил я.

– Что говорит? Что говорит? Мол, а что такого!? – изобра-

зил Григорий преувеличенное недоумение на лице. – Представляешь?

Вышло так похоже на деда, что я сложился пополам и ржал до слёз. Григорий присоединился ко мне. Представляю, как это выглядело со стороны. Вскоре прискакал малый и стал крутиться между нами, пытаюсь понять, чего мы смеемся.

Просмеявшись и выпустив напряжение, мы пошли дальше гулять, чувствуя себя гораздо спокойнее.

На следующий день вел себя как обычно, словно в университет на учебу собираюсь. Жене не стал говорить, что меня в КГБ вызвали. Еще надумает себя всякого, а ей нельзя волноваться, беременная все же.

Явился на Лубянку. В этот раз повестки у меня не было. Подал свой паспорт и сказал, что меня ждет капитан Румянцев. Мне выписали пропуск и велели ждать.

Поскучал немного в комнате ожидания и вскоре за мной пришел тот самый капитан, который проводил со мной собеседование перед выездом на конференцию. Правильно я запомнил с первого раза его звание и фамилию. Ай да я.

– Доброе утро. – улыбаясь, протянул я ему руку. Видимо, слишком радостно, потому что он на мгновение завис, потом пожал мою руку и пригласил пройти за ним. Мы поднялись на третий этаж, ничего в его кабинете не поменялось. Портрет железного Феликса висел на своём месте...

– Ну, как съездил в ГДР? – прервал мои созерцания ка-

питан.

– С погодой не очень повезло. – ответил я. – А в остальном прекрасно. Понравилось, принимающая сторона очень старалась. Кстати, шпионов вокруг себя не заметил. Наоборот, познакомился с членом «Красной капеллы», представляете?

– Серьёзно? – вполне искренне удивился капитан.

– Да! Жена профессора Нойлера, Эльвира Нойлер. Я даже не знал, что кому-то из них спастись тогда удалось. Такая женщина потрясающая, скажу я вам. Русским языком прекрасно владеет. Да и профессор тоже. И вообще, у меня содалось впечатление, что они там все, хоть как-то, но говорят по-русски.

– Понятно. – внимательно рассматривал меня капитан. – По поводу лекции...

– Ах да. Лекция. – посерьезнел я. – Скажите, Олег Петрович, а не стану ли я невыездным на долгие годы, если проведу лекцию в вашем славном коллективе?

– А тебе очень важно иметь возможность выезжать? – пристально смотрел на меня капитан.

– Ну, не так, чтобы прямо очень важно... Мы же уже с вашими людьми на эту тему рассуждали. Но, согласитесь, глупо было бы лишиться такой возможности, как, например, эта конференция в Ростове, из-за одной-единственной лекции.

– Не будет никаких ограничений, не переживай. – усмехнулся капитан. – Все в марлевых повязках будут, с закрытыми лицами.

– Очень хорошо. А что за тема лекции?

– А ты сам о чём хотел бы, в первую очередь, доклад сделать? – хитро уставился на меня капитан.

– Да я много про что могу. Про внешнюю политику, про экономику, про зарубежную пропаганду... – начал предлагать я.

– Ну, допустим, про внешнюю политику. – выбрал капитан. – На какую тему будет лекция?

– Ну, к примеру, учитывая ваш профиль: «Угрозы для СССР со стороны Запада».

– Хорошая тема. – усмехнулся капитан. – Предварительно согласен. Если начальство одобрит, то дам окончательное добро. Готовься. Сколько тебе надо времени?

– Ну, посижу вечер... А когда надо?

– Вечер? – с недоверием посмотрел на меня Олег Петрович.

– Ну, или хотите, прямо сейчас и накидаю текст... – предложил я, решив, что вечер – очень долго, для капитана, по видимому. Если это как-то связано с моим оформлением на работу в Верховный Совет, то в моих интересах ускорить этот процесс.

– А давай. – откинулся на стуле капитан, глядя на меня с нескрываемым любопытством.

– На сколько минут рассчитывать? – уточнил я прежде, чем взяться за дело.

– Ну, давай, минут на двадцать пять. – прикинул он что-

то в уме. – На вопросы тоже можешь рассчитывать. У нас умные, заинтересованные сотрудники.

Отнес свои вещи на небольшой кожаный диванчик и вернулся за посетительский стол. Он был меньше стола хозяина кабинета и стул стоял так, что я сидел левым боком к капитану. Если бы он сидел ближе, то прекрасно мог бы видеть, что я пишу. Не стал на этом акцентироваться и приступил к работе.

Первым делом на двух листах накидал список тезисов, оставляя между ними приличное расстояние. Каждый из тезисов расписал по подпунктам. И только потом, приступил к собственно тексту лекции. На отдельных листах, стал разворачивать каждый из подпунктов, нумеруя листы в правом верхнем углу соответственно порядковому номеру подпункта в списке тезисов.

В процессе работы, если вдруг появлялась мысль касательно уже отработанного тезиса, дописывал в соответствующий пункт своего плана очередной подпункт и разворачивал его на отдельном листе.

Иногда появлялась мысль, которую дописывал в уже развернутый подпункт.

Постепенно листов становилось всё больше, и ушло на всё это у меня не более полутора часов. Однако, должен признаться, что сосредоточиться пришлось очень серьёзно. Пришлось отключить восприятие внешнего воздействия. Краем сознания слышал, как звонил телефон на столе капи-

тана. Помню, что кто-то заходил в кабинет. Не позволяя себе отвлекаться, чтобы не потерять нить своего конспекта, продолжал работать, несмотря ни на что.

Этот навык у меня выработался за долгие годы работы сначала бухгалтером, потом аудитором. Конторы были разные. Не во всех у меня был отдельный кабинет. Приходилось анализировать документы в любых условиях, даже, если вокруг тебя проходной двор.

Этот навык очень пригодился сейчас. Дописав последний пункт последнего тезиса, сложил свои записи по порядку, без спросу взял со стола капитана скрепку, скрепил всё вместе, прикрепив сверху два листа плана лекции и положил перед капитаном.

Голова гудела. Пока Олег Петрович неспешно пролистывал моё сочинение, делал упражнения для плеч и спины. По тому, что выражение его лица менялось время от времени, понял, что он читает, а не просто просматривает. Наверняка, обладает навыками скорочтения. – отметил я про себя. – Если бы текст был напечатан, а не написан, как курица лапой, он уже давно разобрался бы с ним.

Страшно захотелось сладкого чая. Работая в прошлом, всегда держал на столе чашку с чаем или кофе. Глюкоза во время мыслительной деятельности тратится со страшной силой.

– Можно чайку себе наведу? – набрался наглости я, увидев у капитана на подоконнике за шторой все необходи-

мые причиндалы, включая кипяtilьник. – А то ж не доеду до универа...

Тот только головой кивнул, не отрываясь от моей писанины.

Взял со стола один из трех перевернутых стаканов, налил в него воды из графина и поставил кипятиться, воткнув кипяtilьник в ближайшую розетку на стене. Стакан, правда, при этом, пришлось поставить на пол. Но мне уже было всё равно. Вода закипела, засыпал заварки из жестяной баночки и закинул три куска сахара. Чайная ложка у капитана была всего одна, воспользовался ею, пока он не видит. Стакан в руках было не удержать, горячий, подстаканников нет. Взял со стола еще один стакан, вставил в него горячий и с блаженным видом уселся на диванчике, раздувая плавающие в стакане чайники.

Капитан закончил чтение и посмотрел на меня долгим задумчивым взглядом.

Что, нравится? – мысленно усмехнулся я. – Самому зашло. Хорошо писал, как говорится, сегодня Остапа несло.

Олег Петрович хотел мне что-то сказать, но зазвонил телефон у него на столе, и он быстренько свернул мой визит, сказав на прощанье:

– Как только текст лекции согласуют, тебя вызовут. Пропуск давай подпишу.

Мы вышли в коридор. Капитан не стал меня лично провожать, позвал дежурного на этаже, который меня и вывел.

Лубянка.

Капитан Румянцев стремительным шагом направлялся по коридору, держа в руках конспект лекции, которую набросал Ивлев за полтора часа.

Интересно, что полковник на этот раз скажет. – усмехался он про себя.

– Разрешите? – постучался он в дверь нужного кабинета.

– Заходи, заходи. – позвал Павел Евгеньевич. – По Ивлеву?

– По нему. – подтвердил капитан.

– Согласовали тему? Что он предложил?

– Так не только согласовали, он тут же предложил и написать ее, чтобы можно было сразу согласовать. Мне забавно стало, я и разрешил. Полтора часа – и вот, смотрите, сколько страниц! И ведь все по делу, воды нет.

– Ну, давай, показывай. – хмыкнул полковник.

Капитан положил перед ним стопку листов, исписанных корявым небрежным почерком, совсем не похожим на почерк человека, изучавшего когда-то чистописание, как отдельный предмет. Какая-то мысль мелькнула в мозгу, но не успела сформироваться. Мозг переключился на расшифровывание этих каракуль.

Прочитав план лекции, с детализацией каждого пункта

и быстро разобравшись со структурой полученной рукописи, полковник нашёл и прочитал конспект по особо заинтересовавшим его тезисам в плане.

Положив рукопись на стол, полковник устало снял очки и потёр переносицу.

– И что ты насчёт всего этого думаешь? – спросил он капитана.

– Интересно написано. – ответил тот. – Особенно там, где он пишет про пропаганду западного образа жизни. Так быстро и толково доклад приготовить без всяких источников – понимаю теперь, почему ему предложили позицию референта. Удивительно для его возраста, но он к ней полностью готов. И что любопытно – я специально у себя в кабинете его оставил, чтобы посмотреть, как работать будет... Так вот – концентрация очень высокая, он вообще не отвлекался, когда ко мне люди заходили. Словно и нет никого. Так себя только с чистой совестью можно вести, учитывая, что он знал, где находится...

– Да, похоже, не ошиблись, наш, советский человек. И судя по тезисам, масштабно, государственно мыслит. Подписывай ему разрешение на работу в секретариате и в спецхране. – решил полковник. – Всё, что будет брать в спецхране, взять на контроль. Как только потянется за... Солженицыным, например, сразу докладывать.

– Есть, взять на контроль. – привычно отчеканил капитан.

– И покажи рукопись нашему мозгоправу. Пусть даст лич-

ностную характеристику написавшего. И во время лекции пусть к нему присмотрится.

– Могу идти?

– Иди, работай. Да, и текст лекции приведи в нормальный вид для дальнейшего согласования. Согласуй также дату с обществом «Знания». Скажи им, что оплатим.

– Есть.

* * *

Пока доехал, вторая пара закончилась. Зато пообедать успел и решил зайти к Эмме Эдуардовне, предупредить, что я не целый день сегодня пропустил.

– Паша... Ну, что? – спросила она взволнованно, только увидев меня на пороге своего кабинета.

– Добрый день. Не знаю. – пожал я плечами. – Текст лекции им написал, будут согласовывать.

– И когда, теперь?

– Сказали, вызовут. – усмехнулся я. – Специально уточнил, стану ли я невыездным после такого выступления. Обещали, что никакую форму допуска мне оформлять не будут.

– Чего они так за тебя взялись? – озадаченно спросила Эмма Эдуардовна.

– После приглашения в Верховный Совет активизировались. Думаю, с этим связано.

– Ну, держи меня в курсе. Как вызовут, сразу меня преду-

преди, чтобы я была в курсе, почему тебя на занятиях нет.

– Конечно.

– У тебя мой рабочий номер телефона есть? – спросила она.

– Нет.

– Запиши. Мало ли что...

Список моих контактов стремительно расширяется. – заметил я, дописывая в блокнот четвертый контакт на букву «Э».

Попросил у Эммы Эдуардовны разрешения позвонить Ионову, предупредил его, что уже свободен, а то отменит сегодняшнюю лекцию и съезжу чёрте куда не солоно хлебавши.

– Не спрашиваю, что они хотят услышать, – сразу заявил он. – Понимаю, секретность...

– Да, какая от меня секретность, Константин Сергеевич!? – рассмеялся я. – Проверяют, просто. Но манера общения у них, конечно, специфическая.

– А зачем тебя так проверять? – стараясь скрыть свой живой интерес, спросил Ионов.

– За границу выезжал... – как о само собой разумеющемся ответил я. – И тут ещё, думаю, потому что меня на работу пригласили референтом в секретариат при Верховном Совете... – признался я. Один чёрт, узнает, они же с Эммой Эдуардовной чуть ли не дружат. Так, пусть уж лучше от меня.

– О-оо... Поздравляю. – услышал я удивленный голос начальника на том конце.

– Да рано еще поздравлять. Я ж проверку ещё не прошёл.

– Пройдёшь! – уверенно заявил Константин Сергеевич. – Обязательно пройдёшь. Но как работают! А?... На взлёте ловят... Молодцы... Нечего сказать. Это что ж! Ты лекции у меня больше не будешь читать?

– Да, с какого?! Константин Сергеевич! Буду, конечно! Куда я без вас? – Эмма Эдуардовна показала мне на часы. Скоро начало третьей пары. – Бежать надо, пара начинается. Значит, сегодня я в «Дарах природы» по плану?

– Да-да, конечно, Павел.

Мы с ним поспешно попрощались. Положил трубку, поблагодарил, что Эмма Эдуардовна тоже со мной задержалась и побежал на учёбу.

Отсидел последнюю пару и поехал на лекцию в очередной магазин. В голове ещё сидел доклад, написанный сегодня для КГБ, взял и прочитал им про чрезмерное поклонение всему западному среди советского народа.

– Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. – закончил я свою лекцию. – Помните об этом. И вспомните мои слова, когда будете домой возвращаться после работы ещё вполне себе полные сил, представляя себе, сколько вы ещё всего успеете сделать до конца текущего дня. И представьте себе, как возвращается домой рабочий люд на Западе: выжатый потогонной системой с высочайшей интенсивностью труда на грани человеческих возможностей. Представьте, что вам из-за работы жить некогда. Представьте, что для вас лучший

отдых это сон, лежать и не шевелиться. И подумайте, так ли вам нужны те блага в красивой обёртке, которые предоставляет западная цивилизация, заметьте, далеко не бесплатно. Про кредитное рабство я вам в следующий раз расскажу. – спохватился я, что по времени уже перебрал.

– А когда вас в следующий раз ждать? – сразу спросил кто-то.

– Увы, не могу сказать. – честно ответил я. – План, где выступать, не я составляю. Но вы всегда можете обратиться к моему начальству.

Посыпались вопросы про кредиты, чёрные кассы. Пришлось объяснить разницу между кредитом и рассрочкой.

– Деньги нельзя давать под проценты. – заявил молодой подсобник. – Это ростовщичество! – презрительно заявил он.

Очень хотелось ответить ему: это ты в коммерческом банке пойдешь, расскажи. Но пришлось вступить в дискуссию, учитывая текущие реалии.

Задержался у них, а меня ещё в гости сегодня художники за чем-то пригласили. На последние вопросы отвечал, уже собираясь и надевая пальто.

Подошла заведующая и протянула мне матерчатую сумку.

– Спасибо вам. – сказала она. – Так растормошили коллектив. До сих пор обсуждают. На моей памяти такого ни разу не было.

– Позвоните моему начальству, пригласите ещё. Буду

очень рад приехать к вам снова. – расшаркался я, приняв увесистую сумку. – Запишете номер?

Надо визиток напечатать с телефоном ИONOва. – мысленно усмехнулся я. – Пусть напрямую заказывают.

Уже дома жена разбирала эту сумку и вытащила огромный кусок плотного коричневого мармелада. При ближайшем рассмотрении обнаружил в нём яблочную косточку. Натуральный... Хотя, чего я ждал – для этого времени совершенно нормально. Уже больше года здесь, а страх из двадцать первого века случайно сожрать какую-то забористую химию, замаскированную под продукт питания, все еще не оставляет...

– Ого. – удивился я размеру подношения. – У нас с тобой ничего не слипнется?

– Поделится. – как о само собой разумеющемся сказала жена. – Сейчас художников угостим. Вечером Родьку. Кстати! Николай приехал, помнишь, капитан морской? Заходил, вещей Родьке оставил.

– Ого! – поразился я, рассматривая детские джинсы, футболки, толстовку и пару кроссовок без коробки, которые принесла показать жена. – Это они с приятелем в Одессу так съездили? Представляю, что он из рейса привезёт...

– Не забудь вечером Родьке отдать. – стала складывать в принесенную мной сумку детские вещи Галия. – А это нам. – произнесла она с придыханием вытаскивая из шкафчика с посудой большую морскую раковину с многочислен-

ными отростками, торчащими во все стороны. – За хлопоты...

– Ой! А как там фикус с пальмой? – запоздало вспомнил я про поручение Николая. – Живы, хоть?

– А что им будет? – не поняла моей озабоченности Галия.

– Я совсем забыл про них...

– Я сама поливала! – удивлённо посмотрела на меня жена. – Когда тебе ещё про пальмы помнить?

– Ты моё сокровище! – с облегчением обнял я её.

Сверху в сумку с вещами жена положила приличный кусок мармелада, завернув его в один из листов магазинной бумаги. Ещё один увесистый кусок она положила на тарелку, как я понял, с ним она собралась идти в гости.

– Будем есть на завтрак с батоном. – умиротворённо проговорила она, заворачивая остатки мармелада во второй лист бумаги и пряча его в холодильник. – Ну, ты поужинал? Пойдём?

К моему удивлению, у художников нас с женой перво-наперво повели в маленькую комнату к однотонному зелёному покрывалу, закрывавшему трёхстворчатый платяной шкаф. Напротив него ярко светила настольная лампа, которую взяла в руки Елена Яковлевна. Перед зелёным экраном стояло два табурета, куда нас и усадили.

– А что происходит? – недоумевал я, а Елена Яковлевна направила на нас с Галией свет лампы. Сто ватт, не меньше. – на автомате подумал я.

– Тише. – зашикала на меня жена. – Михаил Андреевич профессиональный фотограф-портретист.

– Вот оно что. Нас фотографировать будут. – прошептал я в ответ. А то после посещения КГБ, яркая лампа в глаза на другие ассоциации меня поначалу натолкнула. А что такого? Ясное дело, бесследно такие визиты не проходят.

Михаил Андреевич сел перед деревянной простейшей треногой, зафиксированной на нужной высоте какими-то шнурками. Установил на ней фотоаппарат. И долго-долго, минут двадцать, ставил нам позу, наклон головы, выражения лица... Никогда не думал, что это так сложно. А сделал он всего три снимка. Два одним фотоаппаратом и один другим. Не понял совсем, зачем это надо было, но так устал сидеть в одной позе, что уже было всё равно. Просто обрадовался, что экзекуция закончилась и нам позволили встать.

Потом мы пили чай.

– Надо будет ещё раз так посидеть пару раз по полчаса. – вдруг сказал Михаил Андреевич. – Но можно уже будет по отдельности.

– Зачем? – не понял я.

– Это для портрета. – хитро улыбаясь, заявила жена.

– В смысле, для портрета? – поразился я.

Ну и материальный вопрос, конечно, важен. Это же сколько денег будет стоить работа такого профессионала?! Я не против портретов, но тогда, когда прочно обеспечу свой быт. В прошлой жизни только после сорока позволил себе

тратить деньги на живопись. Правда, при разводе жена все это и забрала...

Видимо, у меня был такой ошарашенный вид, что Елена Яковлевна поспешила меня успокоить:

– Мы с Мишей решили сделать вам подарок: он напишет ваш совместный портрет. Маслом.

– Но это слишком серьёзный подарок. – попытался возразить я.

– Вы нам столько помогаете, так выручаете. – умоляюще взглянула на меня пожилая женщина и я, неожиданно для себя, увидел в этом взгляде: не бросайте нас.

– О, ну что вы... – реально растерялся я. – Нам приятно вам помогать... Спасибо...

– А нам приятно вас писать. – заявил Михаил Андреевич, улыбаясь.

– А фотографировали зачем? – поинтересовался я.

– Чтоб не мучить вас часами. – подмигнул мне Михаил Андреевич, прекрасно заметивший, как тяжело мне далось сидение в одной позе в течение каких-то несчастных двадцати минут.

– А почему два фотоаппарата? – продолжал интересоваться я.

– С одной плёнки – цветной слайд, с другой обычная фотография. Всё, кроме лица, пишется без позирования, это очень удобно и для художника, и для модели. Раньше люди вынуждены были часами перед художником сидеть, а худож-

нику надо было, кровь из носу, работать и работать, раз модель перед ним...

– И правда, удобно придумали... – представил я себе этот процесс. – А я всё думал, как же Брюллов заставил позировать лошадь!?

– «Всадница»? – догадалась Елена Яковлевна, о какой картине идёт речь, и они с мужем весело расхохотались.

– А как же вы собираетесь пользоваться слайдом и писать? – не унимался я. – Для просмотра же через проектор темнота нужна.

– А это на что? – протянул мне Михаил Андреевич примитивный диаскоп.

У художника был одноместный, на один слайд. А у меня в детстве был двухместный с параллельными рядами одинаковых слайдов. Что-то вроде диафильма через проектор, только диафильм плоский и темнота не нужна. И стереоэффект!.. Обалденная была забава.

Заговорили о диапроекторе. У художников он, естественно, был. Зелёное покрывало тут же заменили на белую простынь и весь вечер смотрели слайды с Байкала. Невероятная природа, профессионально выбранные ракурсы...

– У нас много всякого есть. – поделился Михаил Андреевич.

– Смотреть не пересмотреть. – подтвердила Елена Яковлевна. – Приходите как-нибудь ещё.

– С удовольствием. – искренне пообещал я.

Надо уже было идти к Гончаровым, сумку передать с вещами от капитана и идти гулять с собакой. Галя ещё осталась поболтать, а я ушёл, поблагодарив ещё раз хозяев за гостеприимство.

Глава 12

г. Москва.

Поднялся прямо с Тузиком на третий этаж в соседнем подъезде. Дверь открыл Родька.

– О! Паша пришёл! – заорал он на всю квартиру.

– Проходи, проходи, – велел Андрей Егорович, копошащийся на кухне.

– Да я с собакой... – ответил я и протянул руку вышедшему из одной из комнат Григорию. Он вопросительно смотрел на меня, сбитый с толку неожиданным визитом.

– Вам посылка. – протянул я ему сумку. – Капитан вернулся из Одессы. – взглянул я на Родьку.

– О! Дядя Коля приехал! – закричал малый, выхватил у отца сумку и потащил на кухню, выкладывая перед заинтересованным дедом подарки.

Дед развернул свёрток с мармеладом, одновременно разглядывая детские вещички.

– Ну, это, скорее всего, не из Одессы. – сказал дед, откладывая мармелад в сторону и хитро глядя на меня.

– Это Галия вам передала, – усмехнулся я.

– Не понял. Это что такое? – подошёл к столу Григорий и вытащил из кучи джинсы. – Что за дядя Коля?

– Капитан дальнего плавания, – гордо заявил Родька. – Это он мне фломастеры подарил.

– Сосед мой, – пояснил я.

– Что ещё за сосед? – недовольно уставился на меня подполковник.

Я его понимал. Ни с того, ни с сего, кто-то, когда он вообще не знает, передает его сыну кучу дефицитной одежды. Задергаешься тут... неудобно же! словно не ты отец Родьки, а этот незнакомый мужик.

– Хочешь, познакомлю? – предложил я. – Сходим сейчас, поблагодаришь за подарок заодно.

– Да, да! – запрыгал вокруг Родька. – Пойдём, пап. У него так интересно!..

– Ну, пойдём... – согласился, конечно, Григорий. – Посмотрим, что там за дядя Коля.

Ну а какие у него еще есть варианты?

Взглянул на старого, пока отец с сыном собирались, тот бережно складывал вещи. Аккуратно завернул обратно мармелад и спрятал в холодильник. О, кстати, а холодильника в прошлый раз не было... Молодец, Гриша! Не зря деньги откладывал, пока в Йемене советником работал!

Гончаровы собрались. Заметил, как Григорий сунул бутылку коньяка в карман куртки. Ну и хорошо, не отношения же выяснять идёт. А то мне сперва показалось, что у него ревность отцовская совсем уже через край льется. Нет, взял себя в руки, смотрю.

А сам чувствовал, что не пройдет и пары часов, как эти двое наладят хорошие отношения. А дай им пару недель по-

общаться – станут друзьями не разлей вода. Ну а что – похожи они как-то между собой. Оба обстоятельные, привыкли приказы отдавать. Работа у обоих серьезная, да за рубежом. Да и просто чуйка говорила – что они точно подружатся.

Бегом спустились по лестнице вниз, перешли в мой подъезд и поднялись на лифте на седьмой этаж.

Николай открыл дверь и радостно приветствовал.

– Заходите, заходите! – пригласил он нас всех широким жестом. – Привет! – протянул он руку счастливому Родьке. – Подошли джинсы?

Представил Николаю Григория. Тот сразу протянул руку.

– Спасибо. – только и сказал подполковник, достал из кармана бутылку и протянул капитану.

Тот, глядя на неё, шмыгнул носом многозначительно, похоже, уже слегка навеселе.

Из кухни вышел Игорь, друг капитана.

– Здорово, – протянул я ему руку. – Как в Одессу слетали?

– Во! – показал тот большой палец вверх и, оценив обстановку, сказал: – Коль, давай всех за стол.

Николай вцепился в Григория, стягивая с него куртку.

– Мужики, не могу, пёс не гулян, – извиняющимся тоном сказал я. – Родька, ты со мной или тут останешься?

– Да зачем ему тут?.. – возразил подполковник. – Иди, сын, гулять.

Мы ушли, а мужики остались знакомиться.

Когда вернулся домой, Галия сказала, что Павел Сатчан

звонил, ждёт звонка. Набрал его, Римма сказала, что он ко мне поехал. Ох, хорошо, что у Николая не остался с мужиками.

Выскочил на проспект Мира, жигулёнок Сатчана уже ждал меня. Похоже, появились новости. Сел в машину, так и оказалось. Партия детских ушанок все согласования прошла. Пришлось немного поколдовать с себестоимостью, и получившаяся цена комбинированного изделия всех более чем устроила, да так, что заказ увеличили до пятисот штук.

– Отлично! Молодцы, – не удержался я. – Просто здорово. Теперь надо готовиться к запуску партии и создать побольше туману вокруг неё, чтобы слухов побольше породить.

– Вот, с этим-то у нас и загвоздка, – признался Сатчан. – Надо же, чтоб Гагаринских зацепить, чтобы всё выглядело, как афера...

– И в чём проблема?

– Ну, если кому-то из сотрудников фабрики откровенно врать, то потом после провала, Гагаринские начнут разбор полётов и могут выяснить, от кого изначально деза исходила. Никто не хочет подставляться...

– Ну, во-первых, врать ни в коем случае нельзя, – ответил я. – Поймут, что это подстава и не отступятся ни в жизнь. Это уже будет дело чести, понимаешь? Дело принципа. Как красная тряпка для быка...

– И как тогда?

– Да очень просто. Я же говорю: напустить тумана без кон-

кретики.

– Это как?

– Ну, например, отшив всей партии производить только в одном цеху, где не проходной двор, где соболя, например, отшивают или что-то в этом роде. Разрыв шаблонов должен быть, что-то очень необычное, что на себя сразу всеобщее внимание обратит. Во-вторых, задание технологу главный инженер, или кто там, пусть главбух или директор, передает со словами: «не болтай нигде об этой партии». Если потом кто-то поинтересуется, почему так сказано было, последует совершенно невинный ответ: «А чем тут гордиться? Что государство на детях сэкономило!?!»

– Понял, понял... – задумчиво проговорил Сатчан. – И, если что, вы не так меня поняли.

– Конечно, – рассмеялся я. – А врать никогда не надо. Общался я как-то с одним интереснейшим человеком, большой пост занимает. Так он владеет техникой убедительного молчания. Ничего не говорит, но так многозначительно!.. Вот над чем работать надо.

– Убедительное молчание? – недоверчиво посмотрел на меня Сатчан. – Это как?

– Ну начинаешь фразу и не досказываешь. При этом очень внимательно смотришь собеседнику прямо в глаза. Он сам себе чего-то напридумывает, тебе остаётся только едва заметно головой покачивать или медленно глаза прикрывать, будто соглашаешься. И к тебе не придраться, если кто-то

что-то не так понял. Сам виноват. Мог переспросить. Особенность техники – люди не хотят переспрашивать. Боятся тупыми показаться. А в результате того, что промолчали, и в самом деле оказываются тупыми. И понимая это – без претензий.

– Интересно... – усмехнулся Сатчан. – Надо попробовать... О, кстати, не забыл, что в четверг выступление агитбригады на ЗИЛе?

– Помню. Но, если честно, на всякий случай всё записываю. – признался я. – Сделал себе общую тетрадку с датами на каждом листе с закладкой... А то мозги уже кипят. Нахватал всего и везде...

– И не говори. Сам уже так забегался, что забыл машину вчера закрыть, представляешь? Всю ночь открытая простояла. Хорошо, никто не проверил.

– Да уж...

Мы расстались. Раньше времени Сатчану не стал говорить, что устраиваюсь на работу в Кремль. Вот пройду проверку, тогда уже не избежать разговора. Надо будет трудовую с ЗИЛа забирать и устраиваться или переводиться на заводе на совместительство, это уже они сами скажут, как всё оформить. Запись в трудовой о работе в секретариате Верховного Совета дорогого стоит. Но придётся Сатчану объяснять, как я туда попал...

Вернувшись домой, тут же был нагружен женой помощью по хозяйству. Стиральную машину в ванную перенёс. Че-

рез некоторое время воду сливал. Причём она стекала самотеком, сначала надо было слить воду в таз, потом вылить из него воду в ванную. Худо-бедно, но десять литров в таз входит. Галие еще раз грозно повторил, чтобы не таскала эти тазы с водой сама.

Галия была, в целом, машинкой довольна, единственное, что её напрягало, что стирать она до родов вынуждена только в моем присутствии. Согласен, неудобно...

Галия решила, что мы перестанем сдавать постельное бельё в прачечную, как стиралку купим, но ничего подобного. Вытащив мокрый пододеяльник из воды, решил, что мы еще останемся клиентами прачечной какое-то время. Какое? Пока стиралки-автоматы не появятся.

Мне не трудно забежать в пункт приема-выдачи по дороге. Да, прачечная стоит денег, но мы нашли компромисс: платить будем только за пододеяльники, покрывала и прочие тяжёлые вещи.

С этим жена согласилась после моего аргумента, что уже половина одиннадцатого, а мы всё ещё стираем. А ещё, после того, как в пододеяльнике что-то треснуло, пока я его выкручивал. Жаль, новый же, зараза! То ли я накачался на бетонных работах и со своими отжиманиями и подтягиваниями, то ли ткань не очень. Но в прачечной, когда сдаем, такого ни разу не происходило. Вот и еще один мощный аргумент...

Утром предупредил Гончаровых, что не смогу сегодня ехать с ними на стрельбы, у меня университетские сорев-

нования по волейболу. Надо обязательно быть, а то Король на меня и так косо смотрит.

На соревнованиях было полно народу. Трибуны спортивного зала были заполнены наполовину, в основном, были заняты несколько нижних рядов. А вот внизу, в собственно зале, вдоль стен на гимнастических скамейках сидели или стояли рядом несколько команд с запасными игроками, портфелями и сумками всех участников. Бедлам полный. Кто-то был в форме, кто-то еще нет. Король собирался судить игру. До начала подошёл к нему, типа, спросить, что и как делать. Специально подошёл, чтобы он запомнил, что я был.

– Разомнись обязательно прямо сейчас. – сказал он. – Маловероятно, что до тебя сегодня дойдет очередь. Но на всякий случай будь готов. Мало ли что...

Ну и отлично. Примерно этого и ждал. Парни еще на тренировках предупредили, что на соревнованиях я на вторых ролях пока буду. Тренировался мало, да и первый курс. Так что спокойно размялся вместе со всеми, потом нашёл свободное место и уселся на гимнастической скамейке.

Всю игру просидел. Справились без меня. В первый день соревнований все старались выложиться по полной. Зрелище получилось шумным и азартным. Девчонки двух факультетов на трибунах поддерживали своих, как могли. А у меня всю игру не выходил из головы вчерашний разговор с Сатча-ном, а ведь я машину тоже не запер. Она, конечно, не на улице стоит, а в запертом гараже, но лучше сходить и закрыть.

Бережёного бог бережёт. И ведь понимаю умом, что идея на грани маниакальности, а свербит...

* * *

Меховая фабрика. Кабинет главного бухгалтера.

В который уже раз главный инженер Тарханов привёл Сатчана к главбуху фабрики.

– Елена Викторовна, мы к вам. Можно? – заглянул он в открытую дверь и постучался в дверной косяк.

– Конечно, конечно, товарищи, проходите. – как всегда подыграла им главбух.

Предупредив подчинённых, что её ни для кого нет, она заперла кабинет на ключ. А те уже привыкли к таким манипуляциям. Мало ли кто там за что деньги принес. Все всё понимали...

Главбух предложила посетителям присаживаться.

– Ну что. У нас всё готово, – ударил себя по коленям Рафик Ризванович. – Можно запускать партию в работу.

– Прекрасно. Техзадание обезличено? – уточнил Сатчан.

– Обижаешь, – ответил Тарханов.

– Теперь основной вопрос: распространение слухов. Надо стимулировать этот процесс.

– И как?

– Есть один приём... – сказал Сатчан. – Врать ничего не надо. Начинаешь фразу и не договариваешь её, многозна-

чительно глядя на собеседника, мол, секрет, говорить не могу. Он сам себе там что-то придумает. А ты всегда можешь сказать, что тебя не так поняли.

Главный инженер заерзал.

– Ерунда какая-то... – сказал он. – Это не сработает. Нашим надо прямо говорить.

– Ну, хорошо. Тогда давай так. Ты отдаёшь мастеру техзадание лично, в то время, как всегда это делал кто-то другой. Ещё и говоришь: не болтай нигде об этой партии. И всё, он уже заинтригован. Поползли слухи. А если тебя потом спросят, почему ты велел не болтать? Скажешь, а чем тут хвастаться? Тем, что государство на детях сэкономило?

– Ну, так-то да. – согласился главный инженер, немного подумав. Со лба исчезли напряженные морщинки. – Не придраться будет.

– Вот и хорошо. А производственное помещение уже подобрали? – поинтересовался Сатчан.

– Да. Маленький участок. Проходимость минимальная.

– А людей там достаточно, чтобы слухи распространились по всей фабрике?

– Восемь человек и мастер. – озадаченно ответил Тарханов.

– А вдруг они все окажутся послушными и не будут трепаться, раз начальство велело? – предположила Елена Васильевна.

– Да уж, проверять это некогда. – задумчиво произнёс

Сатчан. – Придётся нам, товарищи, брать распространение слухов в свои руки.

– Как ты себе это представляешь? – напрягся главный инженер. – И как нам убедиться, что слухи до Жереховой дошли?

– Она одна в кабинете сидит? – поинтересовался Павел.

– Ну, она всё время ходит туда-сюда по фабрике, приказы подписывает, ещё что-то... – ответила Елена Викторовна.

– Так... По фабрике ходит... – Сатчан лихорадочно соображал. – Значит так. Елена Викторовна, держите техзадание у себя. Как только придёт Жерехова в бухгалтерию, позовите её и спросите, не нужно ли ей к главному инженеру? Вроде как, он у вас документы забыл. Попросите передать. В последний момент, будто подумали, а вдруг это не он оставил, наберите его по местному телефону, уточните, его папка или нет? Ты Рафик, как будто обрадуешься, скажешь, не знал, где оставил, её давно в цеху ждут.

– А я спрошу, может, её сразу в цех отнести? – предложила Елена Викторовна.

– Можно и так. Но главное, что Рафик должен вас предупредить, что не стоит нигде трепаться об этой партии. У вас хорошо местная линия работает? Будет слышно из трубки если рядом стоять?

– Ну, если трубку к уху не прижимать, то слышно. – ответила Елена Викторовна.

– Вот, значит не прижимайте. Если Жерехова продолжа-

ет работать на конкурентов, она должна извернуться и любой ценой получить от вас эту папку. Предложит отнести её в цех, а вы отказывайтесь, сразу не соглашайтесь. Потом согласитесь, но попросите её не болтать и мастера попросите предупредить, чтобы не болтал об этой партии.

– Как всё сложно!.. – выдал, вдруг, главный инженер. – Это мне что, целыми днями сидеть на аппарате и звонка ждать?

– А вы ускорьте процесс, приказ какой-нибудь организуйте, чтобы Жерехова побыстрее в бухгалтерии оказалась. – начал раздражаться Сатчан. Он им всё придумал, разжевал, а им сложно. Вот же какие инертные люди! – Просто и легко можно только в тюрьму сесть! – строго посмотрел он на него и перевел взгляд на главбуха. Та опустила глаза и втянула голову.

Вот так! – подумал Павел. – А то сложно им...

* * *

В спортивном зале стоял стойкий запах пота. Парни выкладывались по полной, команды шли ноздря в ноздю. В итоге наша победа с минимальным отрывом. Разочарованию проигравших не было предела.

А в пятницу команду нашего факультета ждёт следующая игра.

С соревнований поехал сразу на вождение. Когда возвра-

щались с женой домой, уже вошли в лифт, услышали, что кто-то в подъезд зашёл. Решили подождать, чтобы человек потом долго лифт не ждал. А это Лина оказалась. Подвинулся, предлагая ей войти, а она прямо шарахнулась от нас.

– Лин, да заходи. – не понял я, чего она испугалась.

– Езжайте, я потом. – раздался её голос откуда-то со стороны почтовых ящиков.

– Ну потом, так потом. – пожал я плечами, переглянувшись с женой.

Не успел я толком поужинать, позвонил Ионов.

– Устроил я тебе лекцию в соседнем НИИ. – заявил он, явно довольный собой. – В следующий четверг.

– Спасибо, Константин Сергеевич. – обрадовался я.

Ну, что ж, – подумал, попрощавшись с ним и положив трубку. – Операция «Роза на стекле» начинается.

Не давала покоя мысль о незапертой машине в гараже. Решил, всё-таки, не ждать до выходных, а сходить проверить. А то ж не усну.

Ещё издали увидел полоску света из приоткрытых с одной стороны ворот гаража. Не может быть! Ворота я точно запираю! Сознание сразу любезно подкинуло из памяти вид пустого гаража. Бегом подбежал, распахнул левую дверь и влетел внутрь. Машина на месте. Но все дверцы распахнуты, а сзади, на кожаном сидении спит натуральный бомж, забравшись с ногами. Грязные ботинки, грязная одежда. Перегаром вся машина провоняла.

Бедная наша машина! Как Галия в ней ездить будет? Её же тошнить начнёт от этой вони! Хотел выволочь этого гада из машины. Но вовремя вспомнил, что это место преступления.

Надо милицию вызвать. Прикрыл гараж и побежал в сторожку. А там как раз Георгич сидит рядом со сторожем.

– Что так разбежался? – усмехаясь, спросил он меня, когда я взлетел в несколько прыжков по металлической лестнице к ним наверх.

– Вызывайте милицию! – скомандовал я. – У меня гараж вскрыли!

– Не может быть? – сразу изменился в лице председатель. – Когда? Тут не было посторонних.

– Машина на месте? – тут же подскочил сторож.

– На месте, – кивнул я и оба, председатель и сторож, выдохнули с явным облегчением. – Но там какой-то урод в ней дрыхнет.

– Ну-ка! – отодвинул меня председатель и вышел из сторожки.

Мы со сторожем поспешили за ним. Обогнал их и побежал вперёд, чтобы нарушитель не слинял под шумок.

Подошли мужики. Председатель заглянул в машину, разглядывая бомжа.

– Не надо милицию. – сказал он. – Это внук Апраксиных... Анны Николаевны. Хозяйки гаража твоего. – уточнил он в ответ на мой вопросительный взгляд. – Что мы в мили-

ции скажем? Что внук хозяйки в гараже спал? Для них это не преступление. А вот что твоя машина в ее гараже делает, их, как раз, может и заинтересовать.

– А что он в моей машине делает? – возмущенно спросил я и дал выход своей злости. Схватил незваного постояльца за шиворот и поволок с трудом из машины, от чего ещё больше разозлился. Тесный гараж стеснял движения, ещё и пьянчужка оказался тяжёлым, даром, что щуплый.

Еле взял себя в руки. А этот придурок сидел на земле и смотрел на нас непонимающим взглядом.

– Откуда у тебя ключи от гаража? – рявкнул я на него.

Он промычал что-то нечленораздельное в ответ и попытался встать. Сначала на четвереньки, упершись руками в землю, потом кое-как встал, пошатываясь.

– Гена, ты что опять устроил? – брезгливо взглянул на него сторож. – А ключи мог и у бабки взять, и у отца. Этим гаражом вся семья пользуется.

Тут я заметил, что у этого Гены штаны мокрые.

– Ты что, скотина, в моей машине обоссался?! – кинулся я на него.

Гена сделал в нашу сторону шаг, желая что-то сказать, сильно покачнулся и чуть не упал.

– Шуруй отсюда, Гена, пока с тебя шкуру не спустили! – прикрикнул председатель на этого молодого говнюка, всё так же не понимающего, что тут происходит и куда ему надо идти, но он послушно развернулся и куда-то пошёл неуве-

ренным шагом.

– Я буду замок менять. – заявил я.

– Я б тоже поменял. – сказал сторож, глядя вслед удаляющемуся отпрыску Анны Николаевны.

– Хозяйку обязательно предупреди. – посоветовал председатель. – Без неё нельзя.

– А сдавать гараж с такими сюрпризами можно? – ожесточенно спросил я.

Председатель пожал плечами, типа, делай, что хочешь, раз не готов меня слушать, и они пошли со сторожем обратно в свою сторожку.

Чего угодно ожидал от пожилой дамы, что просьбами замучает, что обвинит, что у неё инструмент дорогой пропал, специально опись сделал. Но чтоб вот такая подстава! Она что, не знает, какой у неё внучок, ключи ему от сданного гаража дала...

Вернулся осмотреть машину и оценить масштабы бедствия. Насчёт обоссана и облёвана, это я, конечно, погорячился. Спинка переднего сидения была вымазана в грязи, грязь на самом заднем диване. Стряхнул как мог, по-хорошему, конечно, надо бы влажной тряпкой еще протереть и обработать чем-нибудь мыльным.

Задумавшись, где взять тряпку, мыла и воды, обвел глазами гараж и только тут заметил банку с огурцами, варварски вскрытую подручными средствами, и открытый люк в подпол за машиной.

Господи, как этот debil не упал и шею себе не свернул?!

Ну, Анна Николаевна, – думал я, закрывая крышку в подпол. – Ну, подставила.

Запер машину, выключил свет, запер гараж на старый замок и пошел домой, размышляя, что так это оставлять нельзя. Замок я, по-любому, поменяю. Пошли все нафиг!

Придя домой, сразу набрал отцу, спросил, нет ли у него случайно лишнего навесного замка? У бати запасной замок, конечно, был, кто бы сомневался. Не стал при жене рассказывать, что сегодня произошло, а то расстроится. Договорились с отцом завтра с утра встретиться в гараже, он привезёт замок. Тогда и расскажу, что за спешка.

Глава 13

г. Москва. Квартира Ивлевых.

Утро прошло в обычном режиме, вышел из дома пораньше, чтобы успеть встретиться с отцом у гаража. Он был уже на месте и ждал меня. Рассказал ему про вчерашнее приключение с бомжеватым внуком хозяйки. На что батя высказал мнение, что надо думать о покупке собственного гаража. Дорого, конечно, но такого безобразия не будет.

– Это самый ближайший ГСК от дома. – возразил я ему. – Хотелось бы здесь и остаться. Председатель, вроде, нормальный мужик. Попривыкнет ко мне, озадачу его покупкой. А пока денег подкоплю. Сейчас малость не до этого.

– Потому я и не покупаю машину, – хмыкнул батя. – Тысяч шесть-семь отдай за саму машину, еще столько же за жестянку, в которой хранить ее будешь. Три стены и дверь с крышей, стоят на крохотном участке земли, а стоят столько же, сколько легковушка... Или даже квартира кооперативная. Уму непостижимо! Квартира полсотни метров, стены толщиной в полметра, коммуникации самые разные... Как это может быть вообще сопоставимо по цене?

– Зато удобно очень добираться везде, – возразил я ему. – К бабушкам вот, теперь совсем другое дело съездить. На автобусе сейчас бы уже и не рискнул с Галией ехать так далеко. В пригородные автобусы столько народу набивается, что

беременным там делать нечего.

– Ну тебе-то чего переживать, тебе вон машина на халяву досталась! – улыбнулся отец. – Значит, ты из моего расклада только половину суммы и должен добыть. На гараж. А это – совсем другое дело. Хотя, я бы на твоём месте все же лучше на квартиру свою кооперативную собирал. Вот вернуться хозяева вашей квартиры из своей командировки, и съезжать придется. Найдем тебе, конечно, как снять другую, но ты все же подумай над этим.

Черт, постоянно забываю, что не сказал отцу, что квартира эта уже, считай, моя. Совсем немного выплатить осталось от первоначальной суммы. Но теперь уже поздно признаваться. Буду следовать первоначальному сценарию – скажу через годик-другой, что выкупили мы ее у хозяев. Всем хорош батя, но уж очень любит гордиться своими детьми. Не удержится, растреплет, сияя от счастья, если сейчас сказать.

Мы поменяли замок и направились к метро. До станции Щербаковская от гаража меньше десяти минут получилось. Вообще, этот ГСК удачно для меня расположен. Надо за него держаться. Жаль, не помню, сколько он продержится, но то, что он расположен в зоне отчуждения железной дороги, вселяет надежду на его долгое благополучное существование.

А то помню, в прошлой жизни – мало у кого нормально гаражи были расположены. У дяди, к примеру, был километрах в трех от дома. И транспорт был предельно неудоб-

ный, чтобы туда добраться – или пешочком, или две пересадки. А у бати моего так и вообще в глухом лесу за кольцевой. По тропинкам туда пешком шли три километра, а хочешь по дороге грунтовой, так там уже пяток набирался. Одна польза – по лесу гулять все же полезно для здоровья. Но когда зимой скользишь по льду на обрывистой тропе, то вверх карабкаясь, то вниз сползая, вцепляясь в ветки и хватаясь за кусты, чтобы не упасть, как-то не до осознания своего счастья от обязательной прогулки по лесу и свежего воздуха.

После пар у нас с агитбригадой было выступление на заводе им. Лихачёва. С утра обмолвился об этом жене, она выразила желание поприсутствовать, точнее, её Ксюша хотела посмотреть. А она уже за компанию с ней.

Поэтому из комитета комсомола набрал оформительский цех и попросил Михаила, помощника председателя заводского комитета комсомола, объяснить Ксюше, где мы собираемся выступать. Самостоятельно разобраться на территории ЗИЛа я даже не пытался.

Сатчан также примчался, шепнул, пока мы шли к месту выступления, что операция «Артек» идёт полным ходом. Они там на фабрике придумали целую комбинацию, чтобы крот получил нужную информацию. Но Сатчана беспокоила безынициативность главного инженера и главбуха.

– Понимаешь, с директором разговаривал, – делился Сатчан, – в неформальной обстановке, нормальный деятельный мужик, он любую дезу втюхал бы кому угодно, не морг-

нув глазом. Но это будет слишком неестественно для крота, не его уровень такими вопросами заниматься. Даже если крот примет за чистую монету, его же потом спросят от кого информация. И если узнают, что от директора, сразу же заподозрят что-то не ладное.

Но подчиненные у него ни рыба, ни мясо, скажу я тебе. А что? А как? Всё им придумал, разжевал, в рот положил, а им слишком сложно. Представляешь? Это как, нормально? – спросил он возмущенно.

– Ну, они профессионалы в своём деле, а шпиона дурачить они не нанимались. – возразил я ему. – Это, как бы, и не каждому дано. Сделают, не проколются, уже хорошо.

– Я им прокалюсь! – с досадой ответил Сатчан.

В цеху, где нам предстояло выступать, тем временем собирался народ. Мы подготовились и ждали команды.

Вскоре подошли Галия с Ксюшей. Они, как две подружки, вошли в цех, огляделись и напрямик направились ко мне. Ксюша без своей газетной треуголки и чумазого костюма выглядела очень привлекательно. Девушки подошли ко мне, обнял и поцеловал жену и приветливо поздоровался с ее начальницей. Тут же рядом оказался Сатчан, поздоровался с Галией и остался с нами до начала выступления.

Нам дали сигнал, что можно начинать. Оставил жену и Ксюшу на Сатчана и пошёл на импровизированную сцену. Мои уже были там.

Ираклию очень нравилось всеобщее внимание, в нём, яв-

но, пропадает талант актёра. Сам смеялся, когда комментировал происходящее. Наши все если и волновались, то после первого же выхода Ираклия под дружный смех зрителей, успокоились и отстрелялись без сучка, без задоринки. В том числе и последнюю сценку по настойчивым просьбам зрителей.

– Ну вы, ребята, как всегда великолепны. – подошёл к нам Артур Георгиевич, секретарь заводской комсомольской организации. – Молодец. – пожал он руку Ираклию, потом мне, Лёхе и Вите. – Может вас на конкурс агитбригад отправить? Будете представлять наш завод. – при этих словах он взглянул на Сатчана. Тот нейтрально пожал плечами, типа, не против.

Улучив момент, отвел Сатчана в сторонку.

– А ничего, что к ЗИЛу только я отношение имею?

– Да всем всё равно. На всесоюзных конкурсах вообще профессиональные актёры выступают. – махнул он рукой.

– Ну, если на конкурсе не будет представителей МГУ, то отчего же не поучаствовать. – ответил я Григоряну, многозначительно глядя на него.

Мне конфликт с Фархатычем в начале учёбы не нужен от слова совсем.

– Самедов нам не простит, – откровенно сказал я. – Даже если вы нас всех на завод устроите.

– Хорошая мысль! – взглянул Григорян на Сатчана, но тот едва заметно покачал головой, не одобряя такое решение.

Вот и правильно.

Народ стал расходиться, мы тоже начали собираться. Попрощался со своими и пошел с женой и Ксюшей к ним в цех.

– Ой, я так смеялась, – восторженно поделилась своими впечатлениями Ксюша. – Вы такие молодцы!

– Спасибо, – улыбнулся я.

– Что вы собираетесь делать на майские? – вдруг спросила она нас.

– На первое мая надо в деревню ехать, – призадумавшись, ответил я. – Там четыре дня выходных будет, надо бабушкам помочь по хозяйству.

– Да они там цыпят затеяли купить в колхозе, – начала рассказывать жена. – Теперь курятник нужен.

– А на девятое? Давайте, может, на природу куда-нибудь сходим, – с надеждой спросила Ксюша.

– Отличная идея. – ухватился я за предложение. И многозначительно взглянул на жену. – Смотря, конечно, какая погода будет. А вечером, по-любому, сходим на ВДНХ на салют.

– О! Салют! – с восторгом воскликнула жена. – Ксюш, а давай тогда с утра приезжай на Щербаковскую, а там посмотрим по погоде.

– Хорошо. – обрадовалась она. – Там ближе ещё договоримся, что мне с собой брать.

– Что брать? – не понял я.

– Ну, не знаю, еды может какой... – пожала плечами де-

вушка.

– Ничего не надо. Мы приглашаем. – ответил я.

– Вообще-то это я пригласила. – улыбнулась она.

– Ситуация поменялась. – рассмеялся я.

Уже по дороге домой спросил жену, что это Ксения так настойчиво себе компанию хоть какую-нибудь ищет?

– Она в коммуналке живет. С соседями не очень повезло.

Не хочет все выходные с ними дома просидеть.

– Вот, ёлки-палки. – представил я себе одинокую девушку, живущую в одной квартире с каким-нибудь алкашом, наподобие вчерашнего внука хозяйки гаража. – Тогда обязательно к нам ее зовем. И узнаем заодно, может Иван тоже захочет присоединиться. Как думаешь?

– Давай позовем, конечно. – кивнула жена. – Ксюше веселее будет. Я спрошу сегодня Ирину Леонидовну, сможет ли он.

Зайдя в подъезд, заглянув в почтовый ящик, увидел письмо. От Мишки Кузнецова. Вскрыл на ходу конверт.

Письмо было лаконичным, тетрадный лист, исписанный с двух сторон не до конца. Мишка никогда не писал помногу. Поспешно разделся и сел на кухне читать, пока жена ужином занялась. Друг писал, что у него всё хорошо. Учится старательно. Рассчитывает сдать часть зачетов автоматом. Видел Свету Герасимович. Она на четыре дня майских праздников опять в Москву собирается. Был пару недель назад в Свято-славле, заходил к Славкиной Эмме, самого Славку увидеть

не получилось, передал ему через Эмму привет. Она уже совсем понятно говорит. Готовится к выпускным экзаменам в школе. Никак не может решить, куда ей поступать. Не хочет из Святославля уезжать, пока Славка там служит.

А в конце друг приписал, что надеется следующий учебный год начать уже в Москве. «Помнишь, ты обещал мне с переводом в Москву помочь?» – напомнил он.

Конечно я помню... Сам же ему и предложил такой вариант. Поужинал и сел писать ответное письмо, в котором попросил мне написать точное название его института, факультета и специальности. Обещал заняться его переводом сразу, как получу эту информацию. Ну и, конечно, поделился своими новостями, не сильно хвастаясь.

На вечерней прогулке спросил Григория, есть ли какие новости из Министерства обороны?

– Пока, тишина. Через неделю вылетать, а ничего не ясно. – с досадой ответил он.

– Может, пронесёт? – с надеждой спросил я.

– С моей везучестью, я бы на это не рассчитывал. – мрачно ответил подполковник.

В пятницу в большом перерыве позвонил Петру на работу, уточнил, какие у них планы на ближайшие выходные.

– Мы планируем в деревню ехать с вами. – как ни в чём не бывало заявил зять.

– А когда ты мне собирался об этом сказать? – обескураженно поинтересовался я.

– Вечером, думал, наберу домой и договоримся.

– Давай, Петь, как-то заранее, что ли, предупреждай. Что вы все как дети малые? У нас сегодня с женой вечер свободный, мы могли бы часа в четыре уже в деревню рвануть. И звонил бы ты мне с сегодняшнего дня и до вечера воскресенья.

– У вас прав нет. – усмехнулся зять. – Куда бы вы без нас рванули?

– Ты не один из моих знакомых и родственников с правами, – спокойно ответил ему. – Выезд за город – любимое времяпровождение многих москвичей. Главное, чтобы было куда ехать.

– Ну ладно, ладно, убедил! – сказал Петр. – Буду заранее предупреждать.

– Тем более это последние выходные такие, что мы без прав. – напомнил я ему. – У нас экзамен в следующую среду. И после этого уже Галия полноправный водитель. Так во сколько вас завтра ждать?

– Ну, давай, опять часам к девяти у гаража. Мы с вещами будем. Инна решила уже остаться у бабушек, обратно пока не поедет. Погода вроде наладилась.

– Договорились. До завтра. – попрощался я.

После пар у нашей волейбольной команды состоялась очередная игра. Нашими противниками сегодня оказались математики. Вот уж не думал, что среди «очкариков» столько крутых волейболистов. Накал борьбы был нешуточный. На-

ши старшекурсники, похоже, с соперниками были отлично знакомы и не раз уже на соревнованиях сталкивались. Называли друг друга по именам и точно знали, кого больше опасаться и кого блокировать. Думал поначалу, что снова отсижусь в запасных, но потом Колода получил травму, и таки я смог выйти поиграть.

Впечатления получил незабываемые. Четко понял, что на скамейке отсиживаюсь большую часть времени совершенно заслуженно. Мне еще тренироваться и тренироваться, чтобы на нужный уровень игры выйти. Математики играли просто как звери. Особенно мне запомнился капитан их команды, невысокий кряжистый паренек, про таких говорят «поперек себя шире». Он реально казался квадратным. Плечи широченные, руки почти до колен и все мышцами перебиты. Несмотря на небольшой рост, настолько быстрый и маневренный, гад, что я едва успевал реагировать на его перемещения по площадке. А уж когда я принял его подачу... Думал, что руки мои на полу останутся, с такой силой по ним мяч прилетел. Короче, проиграли мы в этот вечер. Получилась почти калька с прошлой игры. Счет почти равный, но перевес в этот раз не в нашу пользу. К моему удивлению, парни в нашей команде вообще не выглядели расстроенными, скорее даже воодушевленными. На мое недоумение Колода весело ответил, похлопав меня по плечу:

– Да ты что! Мы сегодня отлично сыграли. Сами не ожидали, что так достойно натиск выдержим. Это же прошлогод-

ние чемпионы университета! Мы им пару раз вообще всухую проигрывали, было дело... А сегодня вон, почти на равных играли.

Ну, это многое объясняет, – мысленно усмехнулся я. – Повезло же в самом начале соревнований с одной из сильнейших команд пересечься!

Следующая игра в понедельник. Король призывал всех не расслабляться и не нарушать режим в выходные. Субботнюю тренировку отменил, велел всем отдыхать.

Снова подошёл к Королю после игры, потрепаться да проверить, как он оценил мою игру. А то может скажет – свободен паря, секция не для таких, как ты.

– С почином! – весело сказал он мне, подмигнув, – Серьезная команда тебе на боевое крещение досталась.

– Да отлично просто, – отмахнулся я, обессиленно вытирая лоб. – Люблю, когда соперник сильный. Интересно играть.

Король хмыкнул и одобрительно кивнул.

– Все еще впереди. На многих факультетах команды сильные, так что удачи! Сегодня ты неплохо себя показал. Если Колода не успеет восстановиться после травмы, на следующую игру снова тебя поставлю.

Кивнул, соглашаясь, приятно обескураженный, попрощался с тренером и поехал домой.

Галия ушла к художникам на урок. А вскоре раздался звонок. Это была Анна Николаевна, хозяйка гаража, представи-

лась и поздоровалась тоном школьного завуча, который звонит родителям нашкодившего разгильдяя.

О, обнаружила, что замок новый висит, – догадался я. – Или ее бомже-внук снова ночевать пришел в моей ласточке, перепутав ее с номером в гостинице «Астория», где обычно время проводит, но в этот раз не получилось. Расстроился да пошел жаловаться.

– Здравствуйте, Анна Николаевна. – деланно радостным тоном поздоровался я. – Вам что, из гаража что-то принести?

– Нет. То есть, да. – сбилась она с толку. – А ты можешь мне объяснить, почему замок в гараже не открывается? – предъявила претензию она.

– Да что вы! Замок не открывается? – начал раздражаться я. – А вы внука своего, Гену, не спрашивали?

– О чём я должна его спрашивать? – ничуть не смущаясь, спросила хозяйка гаража.

– Может, он бы вам сам объяснил, в чем дело? – я прислушался, может, возразит что.

– Да-да, я слушаю. – ответила Анна Николаевна совсем другим тоном. О, поняла по моей интонации, что дело нечисто с ее внуком. Знает же, что за фрукт...

– Представьте, я пришел, гараж нараспашку, – начал рассказывать я, – а ваш внук пьяный в стельку валяется, весь в грязи. И в мокрых штанах, извините за подробность. А знаете, где он очень комфортно устроился? У меня в машине на заднем диване! И вот теперь вопрос: кто будет мне отмы-

вать салон и выветривать запах перегара?

Моя собеседница молчала. Крыть ей, очевидно, было нечем.

– Анна Николаевна, вы можете к гаражу сейчас подойти? Проверим с вами инструменты по списку, чтобы ко мне претензий не было, – уже спокойно предложил я. – Заодно потом отнесу вам, что вы хотели взять из гаража.

– Хорошо. – ответила она.

Быстро собрался, оставил жене записку, что я в гараже и поспешил в ГСК. Хозяйке близко идти, дорогу перейти, и она на месте.

Анна Николаевна уже ждала у гаража с таким видом, как будто её в угол загнали.

– Я вам очень сочувствую, Анна Николаевна, – сходу заговорил я, открывая гараж и включая свет. – Не дай бог, такое горе в семье... Но вы тоже меня поймите. У меня жена беременная... А тут грязь в машине, от перегара вонь до сих пор чувствуется. – специально усугублял я ситуацию. – Ну, что это такое?! Как теперь беременной женщине в машине ездить? С открытыми окнами всю дорогу?

– Я не знаю, что с ним делать... – прошептала Анна Николаевна. – Сладу с ним никакого нет.

– Так теперь все. Ничего не делайте, я дальше сам. Так ему и говорите: гараж сдала. Замок поменян. Ключа у вас нет. Ничем помочь ему не можете. А я вам принесу всё, что надо. Вот, взгляните, это от него осталось. – показал я рас-

куроченную банку с огурцами.

Она встала над ней и стала пытаться разогнуть обратно куски металлической крышки. Ну, что она делает? Сейчас порежется. Но потом заметил, что у неё плечи подрагивают, решил не лезть к ней, пусть успокоится. Сделал вид, что занимаюсь своими делами в машине.

Вскоре хозяйка повернулась ко мне, не стал на неё пялиться, нос у неё был красным, она это понимала и старательно отворачивалась в сторону.

– А самое неприятное во всём этом, – постарался я отвлечь её. – Что люк в подпол был открыт. Как он не улетел туда по пьяни? Это просто чудо. Мог запросто шею себе свернуть. – открыл подпол и включил там свет. – Что вам достать, Анна Николаевна?

– Ничего не надо. – заглянула она вниз. – Этой банки хватит.

– Хорошо. Я вам отнесу.

Мы выключили везде свет. Заперли гараж и тихонько пошли к выходу из ГСК. Пожилая расстроенная дама... Сердце кровью обливалось, но у каждого своя судьба. Такого внука получить на старости лет... Но всем помочь невозможно. И история, увы, совсем не уникальная... В прошлой жизни, к примеру – так те знакомые, что жаловались на сыновей и внуков, что они безынициативные, предпочитают в компьютерные игрушки играть вместо работы, еще счастливычки. Сколько вот таких вот сынков и внучков у других знако-

мых пьяненькими шатались. Уж лучше за компом когда дома сидят...

У выезда из гаражей, под сторожкой, курил председатель и внимательно наблюдал за нашим приближением.

– Здравствуй, Витя. – поприветствовала его Анна Николаевна. – Слышал, что Генка опять учудил?

– Не только слышал, но и видел, – подмигнул он мне, протягивая руку. Пришлось взять одной рукой в обнимку банку, чтобыжать ему руку в ответ. – Еле остановил бойца. – кивнул он на меня. – А то уже милицию вызывать собирался.

– Ой!.. – всплеснула руками Анна Николаевна.

– Да. Повезло, что я в сторожке сидел. – сказал Георгич.

– Спасибо, тебе, Вить. Внук мой дурак, конечно, но свой, понимаешь?

– Да понимаю... Я-то, что? Ты, вон, человеку объясняй.

Она повернулась ко мне.

– Ну, ладно, ладно, Анна Николаевна, пойдёмте... А то банка из рук выскальзывает. – придумал на ходу я.

Георгич посмотрел на меня сочувственно. Попрощались с ним кивком головы, и он полез по крутой металлической лестнице обратно в сторожку, возвышавшуюся над рядами гаражей. Не удивлюсь, если он специально нас поджидал, проведать, чем у нас этот конфликт закончился. Ну, ему по должности положено.

Проводил Анну Николаевну, вручил ей её покоцанную банку и поспешил домой. А там рыжий гадёныш раскопал

фиалку Галии. Земля отдельно, горшок отдельно и цветок с корнями сам по себе лежит погрызенный. Собрал землю в горшок, цветок в стакан с водой поставил, подмёл и сижую, думаю: оставить так или прикопать цветок. Оставлю – Галия расстроится, а прикопаю и он не приживётся, тоже расстроится. Решил оставить как есть. Цветы хозяйку любят, у неё больше шансов их спасти.

Котяра, кстати, совсем уже не напоминал котеночка, которым его взяли. Раздобыл и заматерел так, что и не скажешь, что совсем молодой кот. То ли кормежка у нас хорошая, то ли конституция у него задалась. Пока я с цветком возился, даже и не реагировал на мою критику. Прошли те времена, когда уматывал из комнаты и прятался под батарею, если с ним строго заговорить после сотворенного непотребства. Теперь он себя уважает.

Думал, жена кота отругает и накажет. Но какое там. Вывод она из разгрома цветочного горшка сделала совсем для меня неожиданный. Животному, оказывается, природы не хватает. Решила кота завтра с собой в деревню взять.

– Вот, только твоего кота там и не хватало. – заметил я. – Там же цыплят бабушки покупать собрались. Хочешь нашего хвостатого монстра охотиться на птиц обучить? Сначала, значит, на желторотых подучить, а потом он и за голубей возьмется? Чтобы, значит, на корме можно было экономить? Проголодается, выкинул его из подъезда, и он там сам себя прокормит... Очень хозяйственно, вообще-то. А деньги, что

на его питании сэкономим, можно на покупку гаража отложить.

– Да что с цыплятами станет? – возразила мне жена. – Они же в клетке будут, пока не подрастут. Иначе их любая ворона может утащить.

– Это ещё и клетку надо будет делать? Из чего? – сразу озадачился я, но так ничего и не придумал. – Ладно, на месте разберёмся.

Глава 14

г. Москва. Квартира Ивлевых.

Не оставляло ощущение, что я где-то налажал. Причём, по-крупному. Наружка Самедова мои встречи с Сатчаном выпасла?.. В КГБ при проверке где-то прокололся?.. За квартиру взнос не заплатил?.. Нет, ещё есть время. Что?!

Взял свою тетрадку-ежедневник и начал листать без цели, может, что вспомню... 21 апреля. «Соревнования, Балдин д.р.»...

«Балдин д.р.»! Идиот! Забыл!

Бросился к телефону в надежде, что мужики не в ресторане гуляют.

Повезло, майор Круглов через некоторое время поднял трубку.

– Добрый вечер, это Ивлев. – представился я.

– А, привет, привет. Небось, хочешь генерала поздравить? – предположил адъютант.

– Олег Игоревич, а генерал ещё минут двадцать будет? Хочу подарок подъехать, ему передать.

– И тридцать будет, и даже час. – смеясь, ответил Круглов.

– Я сейчас подъеду. Вам нетрудно будет меня внизу встретить? Я сумочку для генерала с гостинцами от бабушки передам.

– Да, приезжай... – благосклонно ответил он. – Позвони

с КПП.

– Спасибо! Я сейчас.

Выскочил на проспект Мира и принялся тормозить машину, размахивая рукой и чуть не подпрыгивая. Остановился целый фургон с надписью «Почта». Но мне всё равно, на чём ехать, главное, чтоб быстро.

– Командир, на Покровку подбросишь? – открыл я дверцу кабины.

– Сколько денег дашь? – спросил разудалый парень лет тридцати.

– Пятерку!

– Садись. – радостно кивнул он.

И мы поехали. Вечерняя Москва начала семидесятых, конечно, очень сильно отличается от Москвы будущего. Пятница, а машин не более, чем обычно. Или это дачный сезон ещё не открыт? А в следующие выходные будет столпотворение... Хотя, откуда?

Приехали не за двадцать минут, но всё равно очень быстро, прямо к Министерству обороны. Водила видел, что я очень тороплюсь, и всю дорогу нарушал. Ну а что? Камер нет... Сунул ему деньги, как обещал и побежал к нужному подъезду. Набрал по местному телефону рядом с охраной Круглова. Он спустился за мной минут через восемь.

– Здорово! – размашистым жестом протянул он мне руку, улыбаясь во всю рожу. Да он же пьян, и причем хорошо. Хотя, почему нет? Пятница, рабочий день окончен, у началь-

ника дняха...

– Вот, Олег Игоревич, это от бабушек, а это коробка от нас с женой... – попытался объяснить ему я.

– Паспорт с собой? – вдруг спросил он меня.

– Да.

– Давай сюда, – выхватил он протянутый мною паспорт и сунул его дежурному по КПП. – Сам объяснишь, что от кого.

Мне безропотно выписали пропуск, вернули паспорт и дали расписаться майору в каком-то журнале. Праздник праздником, а порядок есть порядок.

Майор привел меня к себе в приемную, показал, где повесить пальто и хотел уже пригласить меня в кабинет начальника, где пьянствовал генералитет советской армии, но я уперся. Что мне там делать?

– Олег Игоревич, неудобно...

– Неудобно штаны через голову надевать! – возразил мне майор и, встав в дверях и протянув ко мне руку, провозгласил: – Товарищи, смотрите, кого я вам привел. – мне ничего не оставалось, как войти в кабинет генерала. Тот увидел меня, узнал и встал.

– Добрый вечер. Прошу прощения... – начал было я, но майор перебил меня.

– Это его жена на курсах вождения учится! – объявил Круглов. – Когда у вас экзамен? – обратился он ко мне.

– В среду, – растерянно ответил я.

– Ха! Готовьте мне ящик коньяка! – радостно объявил всем Круглов.

– Подожди! Пусть сдаст сначала экзамены, – возразили ему. – И права предъявит.

Генерал Балдин вышел из-за стола и направился ко мне.

– Что тут происходит? – спросил я его, когда он подошёл ко мне.

– Не обращай внимания. Они уже три месяца спорят, выучится девчонка ЗИЛ водить или нет.

– А почему не выучится? – удивлённо взглянул я на собравшихся. – У меня бабушка всю войну на полutorке проездила. Кстати, вот, это вам от бабушки, а это от меня. – протянул я ему, наконец, сумку с подарками. – С днём рождения!

– У меня два дня рождения, сынок, – ответил генерал. – Сегодня и в октябре, когда твоя бабка меня из-под бомбёжки раненого вывезла на своей полutorке. – задумчиво проговорил он, заглянул в сумку и достал мою коробку, разглядывая.

Собравшиеся сразу поняли, что это такое.

– О! Пацан знает, что служивому человеку надо! – слышались возгласы из-за стола, и генералу пришлось передать коробку сослуживцам. – Проходи. – пригласил меня Балдин.

Только этого не хватало. Где я, а где эти люди.

– Ну, что вы? Спасибо большое. Неудобно, – начал отказываться я. – Тем более, мне ещё на соревнованиях университетских выступать... – ляпнул я первое, что в голову

взбрело.

В итоге еле сбежал оттуда. Грамм пятьдесят моего же коньяка меня всё-таки заставили выпить за здоровье генерала. Куда ж без этого. Круглов не повёл меня сам обратно к КПП, а позвал дежурного на этаже, и тот уже меня проводил на выход.

От дурной головы страдают ноги, – думал я всю обратную дорогу. – Это хорошо, что сегодня не наш день на вождении. А то фиг бы я куда успел.

Надо не только всё записывать в ежедневник, но и взять себе за правило, читать, что там написано, – думал я вечером, засыпая. – Например, с самого утра за завтраком, освежить планы на текущий день и посмотреть, что на завтра записано.

Решили не брать пса в этот раз в деревню, завтра уже домой, тем более в машине народу будет битком, ещё и кот. А вот в следующие выходные на четыре дня обязательно Тузика с собой возьму. Опять же Григорий уже улетит на службу, если все нормально будет. А сегодня попросил Гончаровых ещё раз присмотреть за псом вечером и завтра утром.

Мы собирались. Попросил Галию много вещей с собой не брать, Инну вывозим на месяц, она с вещами будет.

Переноски для кота у нас нет, Галия не придумала ничего лучше, как взять кота на руки, и так и нести его по улице. Предложил посадить его в какую-нибудь сумку дорожную на молнии.

– Ему же там страшно будет. – возразила мне жена.

– Или чуть-чуть потерпит, или убежит, даже до гаража дойти не успеем. Ещё и расцарапает тебя в кровь. Выбирай.

Галия согласилась, но оставила коту голову снаружи сумки, застегнув молнию у него на шее, чтоб не вырвался. Кот начал орать дурниной с перепугу.

– Ему так не нравится, – испугалась Галия.

– Конечно. А тебя бы закопали, только голову оставили, не испугалась бы? – рассмеялся я. – Засунь его в сумку, но не закрывай до конца, чтобы он мог подглядывать.

Так мы и пришли в гараж, Галия с воющим котом и я с сумками.

Жариковых ещё не было. Спокойно открыл гараж, выгнал машину, оставил прогреваться немного в сторонке. Тут и Пётр подошёл навьюченный, как мул. Инна сзади плелась, за мужем не поспевала. Мы уже разложили вещи в багажнике, заперли гараж. А она только дотащилась, бедная. Посадил её вперёд, там места побольше. Пётр дорогу уже знает, обойдется без моих подсказок.

Сели с Галией сзади, она раскрыла сумку с котом и тот, оглядываясь дикими глазами, завыл еще громче.

Так и ехали всю дорогу. Хорошо, кот молодой, перенёс дорогу без эксцессов. А то могло и укачать. Но наслушались мы кошачьих воплей до одури.

За воротами возле дома бабушек оказалась ровная площадочка, Трофим не подвёл, и отсев привёз, и разровнял.

Нож бульдозера так ровненько разгладил поверхность.

– Прямо как зеркало. – сказал Петр, когда мы открыли ворота. – Даже жалко заезжать, колеи останутся.

– Надо сейчас покататься туда-сюда, смещаясь вправо-влево, утрамбовать. – задумчиво решил я, планируя заняться этим после разгрузки машины. – А то Трофим говорил, этот отсев застывает со временем, если не укатать, колеи так и останутся.

Пётр перенёс свой чемодан и дорожную сумку с ручкой через плечо, а я взял все авоськи, и наши, и Жариковские. Галия несла сумку с Мурчиком.

В деревенском доме кот немного успокоился, пока мы с бабушками здоровались, сумки разбирали. И Галия решила вывести Мурчелло на крыльцо. Думал, он прижмется к полу и будет испуганно прижав уши стараться слиться с ним, как нормальный городской кот, впервые увидевший большой мир вокруг. А он вспомнил детство, осторожно спустился с крыльца в сад и стал изучать всё вокруг. Ходил так смешно, как в замедленной съёмке, осторожно делая каждый шаг. Галия поначалу бродила следом за ним, но вскоре ей это надоело. Мурчик чувствовал себя вполне сносно, иногда чуть пригибался, услышав непонятные звуки. Мы решили поставить ему на крыльце миски с водой и едой. Нагуляется и проголодается, сам придёт.

Пока я наблюдал за котом, Пётр самозабвенно катался по нашей новой стоянке. Ему это явно доставляло удоволь-

ствие. Не стал ему мешать и сидя на крыльце, подставив лицо уже теплому апрельскому солнышку, подумал: правду говорят, человек вечность может смотреть на то, как другие работают.

Но, увидев из окна нашу машину, прибежал Трофим и потащил меня в сарай отчитаться о проделанной работе. Он уже привез доски, перегородил снизу сарай.

– Сверху не смог в одиночку сделать. – извиняющимся тоном сказал он. – Зато окно у себя на чердаке смотри какое нашёл. Уже и не помню, где взял...

– Окно – это здорово. – задумчиво ответил я. – Но меня больше беспокоит пол. Лаги надо до утепления стен накидать. А? Как думаешь?

– Заказал брус под лаги. Что ж я не понимаю. Вон, за досками лежит. И на каркас под окно.

– О, молодец, Трофим. Будет, чем заняться.

Вскоре нас позвали за стол. Перекусили и втроем с Петром и Трофимом возились в сарае до вечера, пока не стемнело с перерывом на обед и коротким послеобеденным отдыхом.

Накидали лаги и полы. Установили окно. Завершили каркас перегородки и начали обшивать. За ужином все разговоры получились вокруг курятника и курей. Даже пятьдесят капель настойки от Никифоровны не спасли ситуацию.

– Свет надо завтра туда провести. – предложил я. – Работать легче будет. А то чуть солнце спрячется, сидим, как в

подземелье.

– А чем утеплять собираетесь? – спросил Трофим.

– Так это мы у тебя спросить хотели, – ответил я.

– Керамзит можно между досками засыпать. Но у нас все шлаком засыпают. Его вон целые горы у котельной на центральной усадьбе.

– А он не вредный? – удивился я.

– Не знаю. Никто не жаловался. – пожал плечами старый.

– Ну, это не жилой дом, – размышлял я вслух. – Обошьём досками внутреннюю стену дважды, внахлест, чтоб щелей не было, чтоб куры шлака этого не нажрались. И нормально будет. Это если б жилой дом, то, конечно, вопрос...

– У нас и жилые дома так утепляют. – ответил Трофим.

– А с крышей что делать? Тоже шлаком?

– Не. Там точно керамзит. Он легче.

– Понятно. А клетку для мальков, в смысле для цыплят, из чего у вас делают?

– Да кто из чего. У меня вон сетка от старой кровати для этого в сарае всегда лежала. Стенки сантиметров пятьдесят высотой по размеру кровати. Каждый день на новое место на травку ставишь, цыплят выпускаешь, сеткой накрываешь. На ночь их домой забирать надо, пока совсем маленькие.

– Сетка от кровати! – рассмеялся я. – Это ж надо додуматься. Прямо на металлическом каркасе?

– А что? – с недоумением посмотрел на меня дед. – Нор-

мальноно.

– Отдай нам эту кровать, – сразу сообразила Никифорова.

– Отдам. Она мне не нужна. Если только песок просеивать.

– Цыплята вырастут, мы тебе вернём, – пообещала бабушка.

Уже и забыл, как это было. Ничего не выбрасывалось, даже мелочи, винты, гвозди, гайки бережно собирались и хранились. В хозяйстве всё пригодится.

Вечером искали с Галией кота. Она беспокоилась, как же он бедненький на ночь на улице останется. Ходили, ходили, звали, звали. Пропал кот. Жена расстроилась, начала придумывать, что его собаки деревенские задрали, он к Тузику привыкший, собак не боится...

Пообещал ей, как рассветёт, сразу пойдём искать этого рыжего обормота. Загулял, небось, просто. Весна, девочки...

С утра я и правда обошёл участок, прошёлся по улице. Кот как сквозь землю провалился.

Воскресенье прошло в строительных хлопотах. Пётр с Трофимом притащили верх от кровати. Вдвоём тащили, тяжёлый оказался.

– И как бабушки будут переставлять загон? – спросил я их.

– Да им же чуть передвинуть, а не тащить, как нам. – ответил Трофим отдышавшись. – Я помогу.

Сколотили загон на две доски в высоту, пока цыплята маленькие. Потом дед обещал надставить со временем.

– Всё готово. – заявили мы бабушкам во время обеда. – Клетка есть, можно приносить цыплят.

А курятник за майские доделаем. Заказали деду машину этого шлака.

Вернулись сразу в гараж. Петра отпустил, сам машину загнал. Эх, обидно как... Я же водитель с огромным стажем, куда там Петру до того, что я умею. А вот оно как получается, вынужден изображать из себя новичка...

Прошлись с женой пешком до дома. Кота мы так и не нашли. Успокаивал жену тем, что следующие выходные длинные. Может, нагуляется и придёт ещё.

* * *

Гагаринский райком. Кабинет второго секретаря РК КПСС.

Герман Владленович был в прекрасном расположении духа, получив хорошие новости с меховой фабрики. Даже не хорошие, а замечательные.

Настолько замечательные, что собрал внеплановое совещание своей команды. Гончарук и Белов уже прибыли, ждали только Самедова.

Вскоре явился и Рашид Фархатович.

– Добрый день, товарищи, – оглядел он всех изучающим

взглядом, пытаюсь понять, чем вызван столь неожиданный вызов к начальству. Но, заметив довольную ухмылку второго секретаря, успокоился и расслабился. Ложная тревога, – сказал он сам себе.

– Ну, все в сборе товарищи. Можно начинать, – произнёс Герман Владленович и повернулся к Виктору Владимировичу. – Вам слово, расскажите ещё раз, какую информацию с меховой фабрики вы сегодня получили.

– Наш человек меня сегодня в обед свой вызвал, – начал доклад Белов. – Посчитал, что эта информация может нас заинтересовать. Я тоже считаю её полезной.

– Да что за информация? – перебил его Гончарук. – Выкладывай, мы сами разберёмся.

– Тихо, тихо, – повысил голос второй. – Слушайте.

– В четвёртом цеху скорняжки начали отшивать очень подозрительную партию ушанок, – продолжил Виктор Владимирович, зло зыркнув на Гончарука. – Заказчика в заказ-наряде нет, технические бумаги держат в секрете. Но главное, это сами шапки. Они там что-то такое придумали! С виду ушанка из норки, а разворачиваешь – кролик.

– Как это? – усмехнулся Самедов.

– Ну, вот так. Берёшь в руки собранную шапку – норка, разворачиваешь, а внутри кролик.

– Ерунда какая-то... – возразил Самедов. – Кому нужны такие шапки? Много их шьют?

– Пятьсот штук.

– Вот! – поднял большой палец второй. – Надо спрашивать не «кому нужны», а «кому это выгодно».

– Ну, и кому это выгодно? – усмехнулся Самедов.

– А вы подумайте? Что это может быть за схема такая? Какие есть варианты?

– Ну, так навскидку, – задумчиво сказал Гончарук. – Хотят впарить кому-то эти полунорки вместо нормальных норок. Но тут надо, чтобы эту лабуду ещё заказчик принял... и ни у кого претензий не было.

– Ты хочешь сказать, что в их схеме заказчик какая-то государственная контора? – удивлённо уточнил Герман Владленович.

– Только так, – согласился с этим выводом Виктор Владимирович. – Кто за свои кровные купит эту карикатуру на шапку. А если это гособеспечение, то дареному коню, как говорится...

Самедов скептически хмыкнул и взял слово:

– Да какая госконтора! О чем вы? Кто на такое пойдет? Здесь все проще, я думаю. Это же элементарная схема. Собирают остатки норки, докупают или вообще списывают копеечного кролика, до которого никому дела нет, и шьют себе шапочки. Стоят копейки, а продаются за большие рубли и разлетаются, как горячие пирожки при нашем-то дефиците. Сейчас обкатают, рынки сбыта нащупают... А плохо ли, деньги делать из официальных отходов? Никаких затрат.

– А, кстати, да, – вспомнил Герман Владленович. – Где-то

я читал, чем меньше изделие, тем выше прибыль. На манто сколько шкур надо? А тут пары обрезков хватит. И рублей за шестьдесят такая шапочка уйдёт. А?

– Уйдёт. – пожал плечами Самедов. – Почему нет?

– Ну, они молодцы! – стукнул рукой по столу второй. – Всё гениальное просто. Риск минимальный. Прямо, жалко такую схему светить!

– Главное, контроль над фабрикой установить, – возразил ему поспешно Гончарук. – а там уже со схемами разберёмся. Я звоню Терещенко, Герман Владленович?

– Естественно! Ему нужен был сигнал? Вот, пусть подавится! И пусть организует все так, чтоб по полной программе расследование: команда опытная, документы, – откинулся второй в своём кресле, довольно потирая руки. – Ну, что, поздравляю вас! Одна голова хорошо, а четыре лучше! За это можно и выпить! А? Мы их прижучили! – постучал он возбужденно по столу.

* * *

В понедельник бегал весь день в хлопотах. По приезду жена сказала, что мне уже раза два звонил кто-то.

– Я спрашивала, что передать, но он сказал, что перезвонит, – оправдываясь, доложила она. – Очень серьезный такой голос! Очень!

– Ничего, – устало ответил я. – Кому надо, те дозвонятся.

Даже обладатели очень серьезного голоса.

Минут через двадцать, и в самом деле, раздался звонок.

– Павел Тарасович? – услышал я в трубке уверенный голос, подумал, что это из КГБ. Уж больно интонации похожие у тамошних офицеров. Так, и чего им от меня надо?

– Да, слушаю вас. – подтвердил я. – Добрый день.

– Коннов Николай Сергеевич, член идеологической комиссии ЦК КПСС. – представился он. – Хотим пригласить вас на совместное заседание с агитпропом.

– По какому поводу? – ошарашенно спросил я.

– По поводу вашей инициативы «Бессмертный полк». Просим вас выступить на заседании. – сказал он так, что воспринималось это исключительно, как приказ.

– Хорошо. Когда?

– Седьмого мая. В 11.00.

– И какой объём доклада?

– Кратко. Минут на десять. Суть инициативы и небольшой отчёт о первом проведении этой акции. Планируем потом распространить, так что просьба все грамотно излагать.

– Понял. Продиктуйте адрес, пожалуйста, и как вас найти?

Пришлось сделать очередную запись себе в ежедневник. Это будет вторник. Опять учёбу пропущу. Может выпендриться, попросить справочку в университет о причине отсутствия на занятиях? – подумал я и тут же сделал себе еще одну пометочку в ежедневник.

Точно, обязательно справочку стребую. Двух зайцев одним выстрелом получится хлопнуть: и от прогулов отобьюсь, и у деканата очков к репутации себе добавлю. Думаю, после такой справки они вообще зарекутся на будущее спрашивать, почему меня нет на занятиях. Чтобы не нарываться...

Попрощался с ним и сразу задумался, откуда ноги растут у этого поручения? Вряд ли Сатчана рук дело. Точно, ему еще расти до таких товарищей масштабом. Тогда кто? Межуев? Скорее всего, он. Некому больше. Ладно, потом об этом поразмыслю, а пока что надо подумать над будущим докладом.

Куда там! Как говорится, хочешь насмешить бога, сообщи ему о своих планах. Только дошел до кухни, и жена спросила, тот ли этот важный звонок был, которого мы ждали, как новый звонок.

О! А вот и по-настоящему строгий голос. Капитан Румянцев из КГБ!

– В общем, ждем вас, Павел Тарасович, завтра в 15.00 будет ваш доклад. Специально назначили время, чтобы ваш студенческий процесс не прерывать. Цените?

– Ценю! – не совсем искренне ответил я. Лучше бы в учебное время назначили, был бы чудесный повод пару лекций прогулять на законных основаниях. Устал я уже от предметов, в которых разбираюсь лучше преподавателей... И от предметов, в которых вообще нет смысла разбираться, наподобие Истории КПСС...

– Ничего с собой брать не надо, доклад, что вы подготовили, распечатан, с десяток минут дадим его заново перечитать. Значит подходите к 14.40. – резюмировал капитан.

Отошел от телефона, а тот тут же снова зазвонил. Уже и Галия изумленно с кухни высунулась...

– Смольный, блин! – проворчал я по-стариковски, беря трубку.

Сатчан позвонил:

– Слушай, меня тут в комиссию райкомовскую включили по подготовке празднования Девятого мая. У нас, как раз, заседание в среду. Я предложил включить в повестку доклад по твоей инициативе «Бессмертный полк».

– Это дело хорошее. – сказал я одобрительно и, вместе с тем, немного нервно.

– Ты докладчик. – торжественно сказал Сатчан, ожидая, по всей видимости, от меня возгласа ликования.

– А когда у вас это заседание? – изумленно поинтересовался я.

– 7 мая с десяти до двенадцати надо быть. Пустим тебя третьим или четвертым. Цени! Это большой шанс засветиться на достаточно высоком уровне!

Не, ну как два разных человека могли в одно время попасть так изящно... Или радоваться тому, что хоть КГБ тоже на это время мою лекцию не назначило?!

Глава 15

г. Москва. Квартира Ивлевых.

Признаться ему, что меня в это же время в Кремле ждут? Ну, без этого никак.

А говорить ли про то, что устраиваюсь на работу в Верховный Совет? Сложный вопрос! А если проверку какую-нибудь не пройду и с канцелярией Верховного Совета пролечу? Как это всё будет выглядеть? Размечтался, расхвастался... на пустом месте.

Хотя... Обидится потом, если все же устроюсь туда на работу, а он постфактум узнает. Кажется, это прекрасный повод эту тему и поднять, и обсудить.

– Извини, друг, но 7 мая до обеда никак не смогу, – ответил я Сатчану. – Я примерно в это же время выступаю по схожей теме в идеологической комиссии ЦК КПСС. И там еще Агитпроп будет. Не совсем знаю, что это такое...

Сатчан вначале помолчал, а потом вдруг рассмеялся в голос.

– Ну ты тетка и шутник! – заливался он. – Да еще таким серьезным голосом сказал... Я аж на пару секунд купился!

– Да какие уж тут шутки, – озабоченно ответил я. – Дело серьезное. Коннов Николай Сергеевич звонил. Может, знаешь такого?

– Знаю, – ответил озадаченно Сатчан. – Вернее, слышал

только. Не мой уровень. Так ты что, не пошутил?!

– Нет, конечно. Мне не до шуток. Организация серьезная, сам понимаешь, так что надо приготовить серьезный доклад...

– А с чего вдруг тебя пригласили, не знаешь? С чьей подачи?

– Наверное, в связи с тем, что мне предложили устроиться референтом в Верховный Совет, и я сейчас проверки прохожу.

Сатчан подозрительно долго молчал. Потом все же сказал каким-то странным голосом:

– Наверное, нам лучше лично все это обсудить. А то у меня уже ум за разум заходит. Давай, завтра встретимся после твоих занятий?

– Не вопрос, – согласился я.

Ну вот и раскрыл свои карты перед Сатчаном... Ладно, все равно бы он узнал.

* * *

Москва, квартира Сатчанов.

Римма сидела, поджав ноги на диване перед телевизором с вышивкой в руках, прислушиваясь одновременно и к телевизору, и к разговору мужа по телефону. Что-то явно случилось, голос у мужа такой озадаченный. – поняла она, и когда Павел сел рядом с задумчивым видом, спросила:

– Всё нормально?

– А? Да-да, – поспешно ответил муж. – Не могу понять просто, в голове не укладывается... – Римма не перебивала, давая мужу собраться с мыслями. Мама так всегда делала, когда говорила с отцом. – Как у него так получается?!

– У кого?

– У Пашки Ивлева. Я хотел ему сюрприз сделать, устроил ему выступление у нас на райкомовской комиссии по празднованию девятого мая. А он знаешь, что мне ответил? – Римма терпеливо ждала, что же тот ответил. – сказал, «Извини, не могу, в Кремле уже выступаю». А? Вот как так?!

– Ну, мало ли, заметили как-то... – дипломатично ответила жена, хотя тоже весьма впечатлилась услышанным. – Понять бы еще, как...

– Да вот и я тоже спросил, как так получилось. – каким-то надорванным голосом сказал Сатчан. – И он мне ответил... Лучше бы не отвечал...

– Да что там такое? – спросила одолеваемая любопытством жена.

– Мол, устраивается на работу в Верховный Совет... При этом явно не шутит. Он никогда по серьезным вопросам не шутит. Да и трезвый. Впрочем, он практически всегда трезвый... Ему же семнадцать... Высшего образования еще нет даже. И в Верховный Совет???

Потрясенная новостью Римма больше не стала ничего говорить. Зато почему-то вспомнила, как отец однажды сказал,

что если бы Ивлев был лет на пять постарше, то лучше бы он выдал Римму замуж за него, а не за Сатчана... Отец у нее людей словно насквозь видит, это надо признать. А она-то, дура – поверила той секретарше, и так опозорилась, так опозорилась... Одна надежда, что Ивлевы тот скандал все же забудут...

* * *

На вечерней прогулке со мной гулял только Родька, Григория не было, и это отсутствие показалось мне очень подозрительным.

– Как вы, с отцом ездили сегодня на стрельбы? – поинтересовался я.

– Неа. Папу вызвали куда-то, он уехал еще до обеда. Ругался сильно... – беззаботно ответил мальчишка.

Похоже, дошло письмо несостоявшейся тёщи до Министерства обороны.

– А сейчас он где? Дома? – обеспокоенно спросил я.

– Не, ещё не приезжал.

Вот так так... Эх, блин!

Проводил Родьку до подъезда и пошёл к себе. Поднимаясь на третий этаж, услышал мужские голоса где-то наверху в подъезде. Нетрезвый разговор... А голоса показались знакомыми.

Быстро закинул домой Тузика и пошёл вверх по лестнице.

Так и есть. Прямо на ступеньках сидели Николай с Григорием и курили, как два паровоза. Ну так и есть, как и думал, когда знакомил – что корефанами станут...

– Гриш, – медленно поднимался я по ступенькам. – Что?

– Всё. – развёл он руками и соорудил пьяную рожу, которая должна была обозначать пшик. – Дома остаюсь...

– Почему? – присел я на корточки перед мужиками и поздоровался с ними за руку. – С какой формулировкой?

– Моральный облик, недостойный советского офицера. – почти без запинок ответил он.

– Твою дивизию!.. – вырвалось у меня, поднялся и сам не заметил, что начал ходить туда-сюда перед лифтом.

– Не мельтеши перед глазами. – велел мне Николай. – Голова от тебя кружится.

– Мне так думается легче. – отмахнулся я. – Да и не от меня у вас головы кружатся. Закусывать просто надо. Пошли в квартиру. Будем решать, что делать дальше.

Помог им встать и проводил в хату. Игоря не было. Видимо, домой уехал. Мужики уселись вокруг по-мужски простого, но далеко не пустого стола.

– И что теперь? Куда тебя? – спросил озабоченно я.

– Решают... – развёл руками подполковник.

– Сочувствую, друг!

– А-ай. – махнул рукой подполковник. – Может, оно и к лучшему, больше шансов до отставки дожить.

– Тоже верно... – удивленно взглянул я на него. Он что же,

специально не стал суетиться? – Но с переводом не бросай все на самотек. – попытался я привлечь его внимание, тряся за плечо. – Гриш! Твой командир дружит с командиром части в Лосином острове. Поговори. Пусть тебя переведут туда. – пытался я достучаться до нетрезвого сознания друга. Пока я свой спич толкал, мужики налили себе ещё выпить и мне плеснули. Не дожидаясь меня, выпили. А я продолжал: – Тебе немного дослужить осталось до сорока пяти. Пенсию зарабатываешь, а там уже подумываешь, что делать, служить дальше или не служить.

Григорий молча, морщась от выпитой водки, показал мне большой палец вверх. Я так и не понял, о чём это он, водка такая вкусная, или мысль мою одобрил.

Но понял одно точно – бесполезно сейчас с ним разговаривать. Завтра надо будет ещё раз к этому вопросу вернуться. Выпил одним глотком пятьдесят капель, что они мне плеснули. Мне ещё доклад готовить по «Бессмертному полку». Сразу, пока мысли бурлят по этому поводу, надо и поработать.

– Давай, Гриш, не раскисай. Увидимся. – поднялся я из-за стола. – И дома появись. А то твои думают, что ты всё ещё на службе.

Попрощался и ушёл к себе.

Москва. Дом Ивлевых, однокомнатная квартира на шестом этаже.

Услышав в подъезде мужские голоса, Лина сначала не обратила на них внимания. Но в какой-то момент ей показалось, что она узнаёт один из них. Не поверив собственным ушам и ругая себя за навязчивые мысли о бывшем, Лина тихонько приоткрыла дверь и начала прислушиваться.

Но, оказывается, она не ошиблась. Один из собеседников был сосед с седьмого этажа, капитан, от которого жена сбежала. А второй Гриша! Она узнала бы его голос, сколько бы он ни выпил. Лина внимательно прислушивалась через приоткрытую дверь и чуть не пропустила момент, когда мимо по лестнице пробежал наверх Пашка с третьего этажа. Она едва успела дверь прикрыть. Потом опять приоткрыла и начала прислушиваться.

Пашка очень кстати спросил, чем вызвана эта пьянка. Она услышала с ужасом, что Григорию закрыли выезд за границу. У Лины всё поплыло перед глазами.

Что теперь со мной будет?! – закрывая дверь, прошептала она.

Сел за доклад, накидал тезисы. Выделил три основных момента и расписал их на пункты. А дальше крепко задумался. Очевидные понятия никак не хотели принимать форму слов. Этот мужик из идеологической комиссии просил оформить мою речь в виде доклада, чтобы они потом могли распространить его. На местах Сатчан получит его первым, усмеялся я.

Написал, в первую очередь, о сохранении памяти. Это сейчас ветераны живы и активны, а пройдёт несколько десятилетий и спросить о войне из первых уст будет уже не у кого.

Потом писал о преемственности поколений, о воспитании патриотизма и об осознания будущими поколениями своего героического наследия и долге перед отцами и дедами, отстоявшими для них свободу и право на жизнь.

Это больная для меня тема. Вспомнил, как в будущем на Западе всякие грантожоры старательно будут переписывать историю. Договорятся до того, что японцы оправдают американцев за Хиросиму и Нагасаки, будут говорить: что так было надо...

Поэтому написал, что данную инициативу необходимо всеми силами распространять во всех странах Варшавского договора и, желательно, в странах Западной Европы. Чтоб эти тоже не забывали...

Ну, время у меня ещё есть, если мысли какие ещё будут появляться, допишу, возьму с собой в университет завтра.

С утра Григорий опять не вышел на прогулку. Интересно, как он? Наводящие вопросы Родьке ситуацию не прояснили. Узнал только, что «папа дома, спит, как убитый». Ну, учитывая, в каком он вчера был состоянии, не мудрено... Ладно, загляну к нему вечером.

* * *

ВНИИ синтетических и натуральных душистых веществ.

Лина не находила себе места и с самого утра позвонила матери на работу.

– Мам. – простонала она в трубку. – Гришу отстранили от заграникомандировок. Что теперь будет? Мне придётся работу менять, мам...

– Не спеши увольняться! Раньше времени... – расстроено проговорила Инга Леонтьевна. – Попробую ещё раз со старым поговорить. Не реви, слышишь! Я сегодня же в Москву поеду.

* * *

На парах дописывал свой доклад, вот не зря говорят, утро

вечера мудренее. Целый тезис добавил. Боюсь, что десяти минут мне будет мало. Но не разбежишься, придется резать под это требование...

Ну а затем – в КГБ. Там меня уже ждал прямо на входе Румянцев. Одобрительно кивнул мне, когда я вошёл точно в 14.40. Сунул в руки распечатанный доклад и повел в зал.

Зал был на пару сотен мест, и он был полон. Людьми в белых марлевых повязках, капитан не шутил. И я этому был очень рад – не нужно мне знать, кто тут кем является...

– Не будет смущать, что все в таком виде? – заботливо спросил капитан.

Это мне смущаться? Я выжил в эпоху ковида. Два гребанных года в масках! Среди таких же других бедолаг. Мне это зрелище более чем привычно. Такой фигней меня из колеи не выбить.

– Вот если бы они без масок сидели – вот тогда бы я точно волновался... – улыбнулся я. – А так, меньше знаешь – крепче спишь!

Капитан только хмыкнул от такого ответа. И пригласил меня присесть пока на первом ряду и освежить в памяти тезисы собственного доклада. Разобравшись с этим, я ему кивнул. Он попросил меня подождать еще пять минут. Подождал. Наконец, время пришло, и я по его сигналу пошел к трибуне. Шепотки в зале стихли, и я начал доклад.

– Товарищи! Среди угроз со стороны Запада я выделил внутренние и внешние. Позвольте начать с внешних...

От текста доклада я не отходил. Не та организация, где это стоит делать. Честно отбарабанил все, как было написано. Конечно, уже и новые мысли за прошедшее с момента подготовки доклада время появились, но ничего не поделаешь...

Закончив, поблагодарил за внимание. После чего сказал:

– А теперь, товарищи, буду рад ответить на ваши вопросы!

– Вы говорили, что есть угроза от продажи наших сырьевых ресурсов Западу. Но мы же не будем их отдавать за гроши, а только за свободно конвертируемую валюту. Неужели она нам не нужна? – тут же задал вопрос мужик с первого ряда. Лет так под сорок, судя по седым вискам.

– Не совсем это я имел в виду. Я говорил о том, что это опасная зависимость. В первые годы советской власти, продавая сырьевые товары в западные страны, на полученную валюту покупали новейшие станки и оборудование для модернизации экономики. Такой вариант меня устраивает. Но я говорил о рисках того, что сейчас мы можем решить, что существенную часть валюты можно пустить на ширпотреб и покупку продовольствия. Покупать зерно, джинсы, туалетную бумагу и все то, что сами вполне способны произвести, чтобы удовлетворить спрос со стороны нашего населения. СССР полон нефти и других полезных ресурсов. По моей оценке, в ближайшие годы эти ресурсы подорожают в несколько раз. Валюта хлынет к нам рекой, и это может нас расслабить. Мы можем начать тратить ее бесхо-

заяственно. Но чем больше мы будем закупать на эту валюту продовольствия и ширпотреба, тем в большую зависимость попадем от Запада. Он может продать его нам, а может и перестать продавать, если захочет создать нам проблемы. И кроме того... А вдруг цены на ресурсы снова упадут, а мы уже привыкнем обеспечивать серьезные потребности населения этими импортными товарами? Валюты станет мало, товары уже не купить в прежнем объеме, сами понимаете, что это плохо отразится на советской экономике и вызовет разочарование со стороны населения. Вот чего нам нужно избежать. Следующий вопрос!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.